Внутренний архив 385
Канцелярия
отдел
ВШ
2914

А. Н. Мандельштамъ.

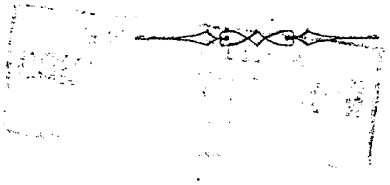
ГААГСКОЕ ТРЕТЕЙСКОЕ РѢШЕНІЕ

11 ноября 1912 г.

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ РАЗВИТІЯ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Истор.
18 Авг 191



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1914.

Отдѣльный оттискъ изъ «Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ».
Книги II-ая и III-ья 1914 г.

Гаагское третейское рѣшеніе 11 Ноября 1912 г. и его значеніе для развитія международнаго права.

А. Н. Мандельштама,

Перваго Драгомана Россійскаго Посольства въ Константинополѣ, Члена - Сотрудника Института Международнаго Права

Предисловіе. I. Предметъ спора. II. Предварительный вопросъ. III. Отвѣтственность Турціи за убытки, причиненные Россіи несвоевременнымъ исполненіемъ денежнаго обязательства, вытекающаго изъ 5-ой статьи Константинопольскаго Трактата 1879 года. IV. Предѣлы отвѣтственности Турціи. V. Возраженія Турецкаго Правительства: Непреодолимая сила. Дарственный характеръ обязательства, принятаго на себя Портою. Res Judicata. Утрата Россіею своего права на проценты умедленія. VI. Формула рѣшенія Гаагскаго Суда. VII. Возможенъ ли пересмотръ третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года? § 1. Вопросъ о пересмотрѣ третейскихъ рѣшеній въ наукѣ международнаго права. § 2. Отношеніе Гаагскихъ Конференцій къ пересмотру третейскихъ рѣшеній. § 3. Постановленія о пересмотрѣ въ договорахъ о постоянномъ третейскомъ разбирательствѣ между отдѣльными государствами. § 4. Международная практика. § 5. О пересмотрѣ третейскаго рѣшенія 11 Ноября 1912 года. VIII. Пожеланія. 1. Примѣняемое право. 2. Пересмотръ международныхъ третейскихъ рѣшеній. 3. Выраженіе мнѣній меньшинства. 4. Учрежденіе Постоянной Третейской Палаты. 5. Починъ Россіи.

Предисловіе.

Первая Гаагская Мирная Конференція 1899 года создала «Постоянную Палату Третейскаго Суда» (Cour permanente d'arbitrage), а Вторая Конференція сохранила это учрежденіе. Но, какъ извѣстно, «постоянной» Гаагская Палата является лишь по имени. На самомъ же

дѣлѣ существуетъ только общій списокъ членовъ Палаты, составляемый на шестилѣтній срокъ, при чемъ каждая держава назначаетъ не болѣе четырехъ третейскихъ судей (ст 44 Гаагской Конвенціи о мирномъ разрѣшеніи международныхъ столкновеній). Затѣмъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда державы обращаются къ Постоянной Палатѣ, образуется особый Третейскій Судъ, члены котораго выбираются изъ общаго списка членовъ Палаты [1]).

Обращеніе къ Гаагской Палатѣ для державъ необязательно Спорящія стороны могутъ также, по своему усмотрѣнію, избрать третейскими судьями одно или нѣсколькихъ лицъ, не состоящихъ въ спискѣ Постоянной Палаты (ст 55 и 56 Конвенціи). Необязательный характеръ имѣютъ также правила о порядкѣ третейскаго разбирательства (procédure arbitrale), установленныя Гаагской конвенціею; эти правила примѣняются только въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны не заключили особаго соглашенія о примѣненіи иныхъ правилъ (ст. 51).

На Первой Гаагской Конференціи очень оживленному обсужденію подвергся вопросъ о допущеніи въ составъ третейскихъ судовъ членовъ, назначенныхъ сторонами. Противники такого допущенія (Holls, Odier, Asser, Nigra) указывали, что національные судьи могутъ быть только адвокатами своего государства; сторонники допущенія (Ф. Ф. Мартенсъ, Descamps, Bourgeois, Zorn) возражали, что участіе національныхъ судей даетъ сторонамъ извѣстныя гарантіи и поэтому будетъ располагать государства въ пользу арбитража [2]). Второе мнѣніе одержало верхъ, и ст. 24 и 32 Первой Гаагской Конвенціи 1899 года содержали слѣдующее постановленіе: «каждая сторона назначаетъ двухъ третейскихъ судей, а эти судьи избираютъ супер-ар-

---

Article 45

[1]) Lorsque les Puissances contractantes veulent s'adresser a la Cour permanente pour le règlement d'un différend survenu entre Elles, le choix des arbitres appelés à former le Tribunal compétent pour statuer sur ce différend, doit être fait dans la liste générale des Membres de la Cour

A défaut de constitution du Tribunal arbitral par l'accord des Parties, il est procédé de la manière suivante

Chaque Partie nomme deux arbitres, dont un seulement peut être son national ou choisi parmi ceux qui ont été désignés par Elle comme Membres de la Cour permanente. Ces arbitres choisissent ensemble un surarbitre.

En cas de partage des voix, le choix du surarbitre est confié à une Puissance tierce, désignée de commun accord par les Parties

Si l'accord ne s'établit pas à ce sujet, chaque Partie désigne une Puissance différente et le choix du surarbitre est fait de concert par les Puissances ainsi désignées.

Si, dans un délai de deux mois, ces deux Puissances n'ont pu tomber d'accord, chacune d'Elles présente deux candidats pris sur la liste des Membres de la Cour permanente, en dehors des Membres désignés par les Parties et n'étant les nationaux d'aucune d'Elles. Le sort détermine lequel des candidats ainsi présentés sera le surarbitre

[2]) См. пренія въ «Comité d'Examen» Третьей Коммиссіи Первой Конференціи 12 іюня 1899 года.

битра». Такимъ образомъ, каждая сторона могла назначить хотя бы двухъ національныхъ судей.

Вопросъ былъ вновь поднятъ во время второй Гаагской Конференціи 1907 года. Французскій делегатъ Fromageot указывалъ, что участіе національныхъ судей въ извѣстныхъ случаяхъ безусловно необходимо, такъ какъ иностранные арбитры обыкновенно не вполнѣ себѣ отдаютъ отчетъ въ дѣлахъ, представляющихъ національный интересъ. Англійскій делегатъ Crowe присоединился къ мнѣнію Fromageot, тогда какъ австріецъ Lammasch и германскій делегатъ Kriege находили, что обязанность освѣщенія національныхъ интересовъ лежитъ не на судьяхъ, а на адвокатахъ и агентахъ сторонъ; они предлагали исключить національныхъ судей по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда судъ состоитъ только изъ 3 членовъ [1]). Конференція нѣсколько измѣнила постановленіе Гаагской Конвенціи 1899 года, и 3-ій параграфъ 45 статьи дѣйствующей Конвенціи 1907 года гласитъ: «каждая сторона назначаетъ двухъ судей, изъ коихъ только одинъ можетъ быть ея подданнымъ, или выбраннымъ изъ лицъ, назначенныхъ ею членами Постоянной Палаты. Эти судьи сообща выбираютъ старшаго судью».

На практикѣ государства, передававшія свои споры на разрѣшеніе «Гаагской Постоянной Палаты Третейскаго Суда», весьма часто пользовались своимъ правомъ назначать національныхъ судей. Точно также и въ третейскихъ судахъ, засѣдавшихъ до созванія Первой Мирной Конференціи, участвовали обыкновенно представители сторонъ.

Такъ, въ знаменитомъ Алабамскомъ процессѣ между Англіей и Соединенными Штатами (1872) англійскій и американскій арбитры засѣдали вмѣстѣ съ итальянскимъ, швейцарскимъ и бразильскимъ судьями. Третейскій Судъ, засѣдавшій въ 1893 году по дѣлу между Соединенными Штатами и Англіей о юрисдикціи въ Беринговомъ морѣ, состоялъ изъ двухъ англичанъ, двухъ американцевъ, француза, шведа и итальянца. Третейское рѣшеніе 1899 года по дѣлу между Англіею и Венецуэлою постановлено судомъ, состоящимъ изъ двухъ англичанъ (отъ Англіи), двухъ подданныхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (отъ Венецуэлы) и одного русскаго, въ качествѣ предсѣдателя (Ф. Ф. Мартенса).

Національные судьи участвовали въ слѣдующихъ процессахъ, рѣшенныхъ Гаагскимъ Третейскимъ Судомъ: въ дѣлѣ 1905 года между Англіей, Франціей и Германіею съ одной стороны и Японіей съ другой (французъ, японецъ и норвежецъ); въ Казабланкскомъ дѣлѣ 1909 года между Германіей и Франціей (германецъ, французъ, итальянецъ, англичанинъ и шведъ); въ дѣлѣ о морскихъ границахъ 1909 года можду Швеціей и Норвегіею (шведъ, норвежецъ, гол-

[1]) Actes de la Deuxieme Conférence de la Paix, Tome II, pp, 740—742,

ландецъ); въ дѣлѣ 1910 года между Соединенными Штатами и Англіею о рыбной ловлѣ у береговъ Сѣверной Атлантики (американецъ, англичанинъ, голландецъ, австріецъ и аргентинецъ); въ дѣлѣ Саваркара между Англіей и Франціей 1911 года (англичанинъ, французъ, бельгіецъ, голландецъ и норвежецъ); въ дѣлѣ «Каневаро» между Перу и Италіею въ 1912 году (перуанецъ, итальянецъ и французъ); въ дѣлѣ «Мануба» между Италіею и Франціею 1913 г. (итальянецъ, французъ, русскій, германецъ, шведъ) [1]).

Съ другой стороны, въ слѣдующихъ арбитражахъ національные судьи не принимали участія: въ дѣлѣ «Fonds Pieux de Californie» между Сѣверо-Американскими Соединеными Штатами и Мексикою 1902 года (датчанинъ, англичанинъ, русскій, два голландца); въ дѣлѣ 1904 года между Англіей, Германіей и Италіею съ одной стороны и Венецуэлой съ другой (двое русскихъ и австріецъ) въ дѣлѣ между Франціей и Англіей (boutres de Mascate) 1905 года (австріецъ, американецъ и голландецъ); въ дѣлѣ между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Венецуэлой (Orinoco Steamship Company) 1910 года (кубанецъ, бельгіецъ, австріецъ).

Международный Третейскій Судъ по дѣлу между Россіею и Турціею, составляющему предметъ настоящаго изслѣдованія, былъ составленъ на основаніи Компромисса 22 іюля / 4 августа 1910 года слѣдующимъ образомъ. Россія и Турція назначили каждая по два арбитра [2]). Затѣмъ, такъ какъ русскіе и турецкіе третейскіе судьи не могли придти къ соглашенію относительно избранія супер-арбитра, обѣ Державы согласились поручить выборъ этого лица Швейцарскому Правительству, которое и назначило супер-арбитромъ г-на Ларди (Lardy), своего посланника въ Парижѣ [3]).

Такимъ образомъ, русско-турецкій арбитражъ принадлежитъ къ наиболѣе распространенному типу третейскихъ разбирательствъ, въ которыхъ участвуютъ національные судьи. Назначеніе двухъ русскихъ судей Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ состоялось по просьбѣ русскихъ подданныхъ, заинтересованныхъ въ исходѣ процесса, имѣющаго предметомъ разрѣшеніе вопроса о присужденіи въ ихъ пользу съ Турецкаго Правительства процентовъ за

---

[1]) ср. Wehberg, Kommentar zu dem Haager Abkommen p. 76.

[2]) Русскими арбитрами были назначены баронъ М. А. Таубе и А. Н. Мандельштамъ; Турецкими—Херантъ-Бей-Абро и Решидъ-Бей.

[3]) Такъ какъ изъ 5 арбитровъ только двое (Ларди и бар. Таубе) принадлежали къ числу членовъ «Постоянной Палаты Третейскаго Суда», то арбитражъ имѣлъ «спеціальный» характеръ и происходилъ въ Гаагѣ лишь въ силу 47 статьи Конвенціи 1907 г.: «Le Bureau est autorisé à mettre ses locaux et son organisation à la disposition des Puissances Contractantes pour le fonctionnement de toute juridiction spéciale d'arbitrage».

умедленіе въ уплатѣ вознагражденія за убытки, понесенные ими во время русско-турецкой войны 1877/78 годовъ [1]).

Большинство теоретиковъ международнаго права высказываются въ настоящее время противъ участія національныхъ судей въ третейскомъ судоговореніи [2]), видя въ этомъ исключеніи гарантію безпристрастія третейскаго суда. Намъ кажется, однако, что такое участіе не можетъ невыгодно отражаться на характерѣ рѣшенія, такъ какъ голоса національныхъ судей нейтрализуютъ другъ друга и исходъ дѣла зависитъ всегда отъ супер-арбитровъ. Помимо того, національные судьи лучше другихъ знакомы со строемъ, законами, порядками и интересами своей страны и потому всегда могутъ дать своимъ иностраннымъ коллегамъ весьма цѣнныя указанія, иногда способныя предохранить ихъ отъ впаденія въ ту или другую ошибку. Этимъ и объясняется фактъ, что тяжущіяся стороны не отказываются обыкновенно отъ включенія въ составъ третейскихъ судовъ своихъ представителей. И въ этомъ отношеніи весьма любопытно отмѣтить, что «Проектъ Конвенціи объ учрежденіи Судебной Третейской Палаты» т. е. постояннаго въ истинномъ смыслѣ слова третейскаго суда, проектъ, рекомендованный державамъ Второй Гаагскою Конференціею, даетъ сторонамъ право назначать судью въ спеціальную Делегацію Палаты, разсматривающую данный процессъ [3]). Точно также Конвенція объ учрежденіи Международной Призовой Палаты 1907 года постановляетъ, что, «если воюющая Держава, согласно очереди, не имѣетъ судьи, засѣдающаго въ Палатѣ, то она можетъ потребовать, чтобы назначенный ею судья принялъ участіе въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, вытекающихъ изъ войны» [4]). Такимъ образомъ, нельзя, повидимому, предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ исчезновенія національныхъ судей изъ состава международныхъ третейскихъ судилищъ, а потому изученіе ихъ положенія представляетъ практическій интересъ.

Это положеніе носитъ несомнѣнно двойственный характеръ. Съ одной стороны, національный судья долженъ, какъ и всѣ другіе его его товарищи, рѣшать предложенные ему вопросы согласно велѣніямъ

---

[1]) Въ виду «спеціальнаго» характера русско-турецкаго третейскаго суда, не всѣ члены котораго были членами Постоянной Гаагской Палаты, вышеприведенная 45-ая статья Гаагской Конференціи 1907 года, запрещающая каждой странѣ назначать болѣе одного судьи изъ числа подданныхъ, не могла относиться къ данному дѣлу; 45-ая статья предполагаетъ, что всѣ судьи члены Постоянной Палаты.

[2]) см. Wehberg (Kommentar p. 77) и приводимая имъ литература.

[3]) Art. 20: «Chacune des Parties a le droit de désigner un juge de la Cour pour prendre part avec voix délibérative, à l'examen de l'affaire soumise à la Délégation».

[4]) Art. 16: «Si une Puissance belligérante n'a pas, d'après le tour de rôle, un juge siégeant dans la Cour, elle peut demander que le juge nomme per elle prenne part au jugement de toutes les affaires provenant de la guerre».

своей совѣсти. Съ другой, онъ не долженъ и не можетъ забывать, что представляетъ въ третейскомъ судѣ честь и интересы своей родины. Конечно, эта честь и эти интересы не могутъ требовать отъ національнаго третейскаго судьи, чтобы онъ подавалъ голосъ за свою страну и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ее считаетъ неправою. Наоборотъ, онъ долженъ имѣть въ такихъ случаяхъ мужество открыто заявить о своемъ согласіи съ рѣшеніемъ, постановленнымъ противъ его страны, въ глазахъ которой такое согласіе должно, конечно, служить лучшей гарантіей безпристрастія приговора. На практикѣ, однако, такіе случаи весьма рѣдки. Никому не можетъ быть пріятно участвовать въ осужденіи своей родины, даже, когда она неправа; а потому почти всегда нужно предполагать, что національный судья, принявшій предложеніе своего Правительства представлять его въ третейскомъ судѣ, раздѣлялъ точку зрѣнія своей страны и надѣялся убѣдить своихъ коллегъ въ ея правильности. Поэтому, гораздо важнѣе предусмотрѣть то положеніе, въ которомъ легче всего можетъ очутиться національный судья: какъ онъ долженъ поступить, если большинство членовъ третейскаго суда подаетъ голоса противъ его отечества, а онъ съ этимъ большинствомъ несогласенъ?

До созванія Гаагской Конференціи національные судьи подавали, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ особыя мнѣнія. Такъ поступилъ, напр., въ знаменитомъ Алабамскомъ дѣлѣ (1872 г.) англійскій арбитръ Cockburn. Первая Гаагская Мирная Конференція 1899 года узаконила этотъ обычай, постановивъ, (ст. 52), что третейское рѣшеніе подписывается всѣми членами суда, причемъ оставшіеся въ меньшинствѣ члены могутъ оговорить свое несогласіе. Однако, Вторая Конференція 1907 года измѣнила это постановленіе: по 79 статьѣ третейское рѣшеніе подписывается однимъ предсѣдателемъ, такъ что остающіеся въ меньшинствѣ члены лишены возможности выразить свое особое мнѣніе. И на практикѣ всѣ третейскія рѣшенія, постановленныя Гаагскимъ Судомъ послѣ Второй Конференціи, не указываютъ, были ли они приняты единогласно или по большинству голосовъ; единственное исключеніе составляетъ рѣшеніе отъ 7 сентября 1910 года по дѣлу между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами: особый компромиссъ разрѣшалъ въ данномъ случаѣ всѣмъ членамъ оговорить свое несогласіе съ рѣшеніемъ, и этимъ правомъ воспользовался аргентинецъ Драго.

Третейскій Судъ по русско-турецкому спору выработалъ 15 февраля 1911 года особыя процессуальныя правила, коими, между прочимъ, подтверждались постановленія 78 и 79 статьей Гаагской Конвенціи 1907 года. VI пунктъ этихъ правилъ говоритъ: «Согласно 79-ой статьѣ Гаагской Конвенціи 1907 года, рѣшеніе будетъ подписано Предсѣдателемъ и Генеральнымъ Секретаремъ Суда. Совѣ-

щанія Суда, предусмотрѣнныя 78-й статьею назначенной Конвенціи, не заносятся въ протоколъ» [1]).

Порядокъ, установленный въ данномъ вопросѣ Второю Мирною Конференціею и усвоенный русско-турецкимъ третейскимъ судомъ, намъ представляется несогласнымъ съ достоинствомъ оставшагося въ меньшинствѣ третейскаго судьи. Если это достоинство требуетъ, чтобы національный судья, подавшій, согласно своей правовой совѣсти, голосъ противъ своей страны, не прикрывался анонимнымъ рѣшеніемъ, то, во имя охраненія того же достоинства, судья этотъ имѣетъ право требовать, чтобы его мнѣніе, несогласное съ рѣшеніемъ большинства, сдѣлалось достояніемъ гласности. Уже въ достаточной мѣрѣ тяжело осуждать свою родину, даже когда она неправа. Требовать же отъ національныхъ судей, чтобы они безмолвно подчинялись рѣшенію, осуждающему ихъ отечество и признаваемому ими несправедливымъ,—есть грубое насиліе надъ ихъ совѣстью и патріотизмомъ.

И притомъ насиліе, ничѣмъ не оправдываемое! Аргументы, приводившіеся въ пользу этого страннаго порядка на Второй Гаагской Конференціи, сводятся къ тому, что выраженіе особыхъ мнѣній подрываетъ будто бы авторитетъ третейскаго рѣшенія и вызываетъ новые споры. Намъ кажется, однако, что такая опасность фиктивна. Третьи лица и государства обыкновенно не считаютъ мнѣнія національнаго судьи вполнѣ безпристрастнымъ, а потому оно и не можетъ колебать въ ихъ глазахъ авторитета рѣшенія. Поэтому нѣтъ основаній отказывать проигравшему государству въ нравственномъ удовлетвореніи, заключающемся въ оглашеніи особаго мнѣнія его представителя, до конца защищавшаго національную точку зрѣнія.

Но какъ бы то ни было—dura lex, sed lex. Какъ мы видѣли, правила, выработанныя Второй Гаагской Конференціей, были подтверждены особымъ постановленіемъ Русско-Турецкаго Третейскаго Суда. Такимъ образомъ, совѣщанія Суда и могущія обнаружиться между его членами несогласія не подлежали занесенію въ протоколъ. Третейское рѣшеніе 11 ноября 1912 года подписано предсѣдателемъ и секретаремъ; подписи русскихъ и турецкихъ судей отсутствуютъ; и оффиціально осталось неизвѣстнымъ, постановлено ли было рѣшеніе единогласно или по большинству голосовъ, какъ то разрѣшаетъ 78 статья Гаагской Конвенціи 1907 года.

Пишущій эти строки былъ однимъ изъ русскихъ судей въ русско-турецкомъ процессѣ 1912 года. Онъ не имѣетъ, конечно, права огласить совѣщанія третейскаго Суда или отвѣтить на запросы русской печати

---

[1]) «Conformément à l'article 79 de la Convention de La Huye de 1907, la Sentence sera signée par le Président et par le Secrétaire Général du Tribunal.

Les délibérations du Tribunal visées à l'article 78 de la dite Convention ne seront pas consignés dans des procès-verbaux».

о поведеніи русскихъ судей во время этихъ совѣщаній и голосованія. Поэтому читатель не долженъ искать, да и не найдетъ въ предлагаемомъ ему изслѣдованіи ни малѣйшихъ указаній на ходъ совѣщаній Гаагскаго Третейскаго Суда, или на роль тѣхъ или иныхъ судей. Юридическіе аргументы, выставляемые въ статьѣ противъ извѣстныхъ частей третейскаго рѣшенія, приводятся авторомъ совершенно независимо отъ факта, воспользовались ли ими русскіе судьи во время преній, или не воспользовались.

Но всякій юридическій актъ стѣснительнаго характера долженъ толковаться ограничительно. И авторъ считаетъ себя въ полномъ правѣ примѣнить это начало къ толкованію правилъ, выработанныхъ Третейскимъ Судомъ 15 февраля 1911 года. Эти правила, по глубокому убѣжденію автора, не могутъ помѣшать ему высказать въ печати свое мнѣніе о рѣшеніи, какъ таковомъ, не касаясь предшествовавшихъ ему совѣщаній; не могутъ помѣшать ему освѣтить приговоръ съ точки зрѣнія науки и выяснить его значеніе въ исторіи развитія международнаго права. Нельзя предположить, чтобы составители Гаагской Конвенціи 1907 года, лишившіе третейскихъ судей права огласить свое особое мнѣніе при постановленіи рѣшенія, имѣли сверхъ того въ виду запретить имъ выступать впослѣдствіи въ печати съ научною критикою этого приговора, представляющаго иногда огромный теоретическій интересъ. Во всякомъ случаѣ, ни Гаагская Конвенція 1907 года, ни правила русско-турецкаго суда отъ 15 февраля 1911 года такого запрещенія не содержатъ.

Приговоръ русско-турецкаго суда 11 ноября 1912 года выдвинулъ очень важный вопросъ о примѣненіи третейскими судами права того или другого государства не вслѣдствіе ссылки на него международнаго права, а просто по аналогіи. Помимо того, упомянутое рѣшеніе дало новый матеріалъ для обсужденія вопросовъ о пересмотрѣ третейскихъ рѣшеній, о правахъ третейскихъ судей, о постоянной въ полномъ смыслѣ слова Третейской Палатѣ. Приступая къ настоящему изслѣдованію, авторъ поставилъ себѣ цѣлью опредѣленіе международнаго удѣльнаго вѣса третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года. Придя къ отрицательной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ частей этого рѣшенія, онъ долженъ былъ, конечно, вслѣдъ за тѣмъ, выяснить вопросъ о возможности пересмотра приговора, отъ котораго пострадали русскіе подданные. Наконецъ, третья его задача была ему поставлена «политикою международнаго права»: указаніе мѣръ, могущихъ предупредить постановленіе подобныхъ рѣшеній въ будущемъ. Эти мѣры предложены авторомъ въ формѣ пожеланій, опирающихся на результаты его изслѣдованія. Мы льстимъ себя надеждой, что эти пожеланія, быть можетъ, будутъ вос-

приняты Русскою Делегаціею на Третьей Гаагской Мирной Конференціи и внесены на обсужденіе этого высокаго собранія.

I.

Предметъ спора.

Фактическія обстоятельства, приведшія къ арбитражу между Россіею и Турціею, изложены въ рѣшеніи Гаагскаго Третейскаго Суда отъ 11 ноября 1912 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]).

«Въ Протоколѣ, подписанномъ въ Адріанополѣ 19/31 января 1878 года и положившемъ путемъ перемирія конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ между Россіею и Турціею, содержится слѣдующее постановленіе:

«5⁰. Блистательная Порта обязывается вознаградить Россію за военныя издержки и за потери, которыя она должна была понести. Способъ вознагражденія, будь то денежный, земельный или иной, будетъ опредѣленъ впослѣдствіи».

19-ая статья Санъ Стефанскаго прелиминарнаго мирнаго трактата, подписаннаго 19 февраля/3 марта 1878 года, гласитъ:

«Военныя вознагражденія и убытки, понесенныя Россіею, которыхъ требуетъ Его Величество Императоръ Россіи и которыя Блистательная Порта обязалась ему возмѣстить, состоятъ изъ:

а) 900 милліоновъ рублей военнаго вознагражденія. . . . .

в) 400 милліоновъ рублей убытковъ, причиненныхъ южному побережью. . . . .

с) 100 милліоновъ рублей убытковъ, причиненныхъ Кавказу. . .

d) Десяти милліоновъ рублей убытковъ и процентовъ (dommages et intérêts) въ пользу русскихъ подданныхъ и учрежденій въ Турціи: итого 1400 милліоновъ рублей».

И далѣе: «Десять милліоновъ рублей, требуемые въ качествѣ вознагражденія для русскихъ подданныхъ и учрежденій въ Турціи, будутъ уплачиваться по мѣрѣ разсмотрѣнія претензій заинтересованныхъ лицъ Русскимъ Посольствомъ въ Константинополѣ и предъявленія ихъ Блистательной Портѣ».

На Берлинскомъ Конгрессѣ, на засѣданіи 2 іюля 1878 года (протоколъ № 11), было постановлено, что вышеупомянутые 10 милліоновъ рублей не касаются Европы, а лишь обоихъ заинтересованныхъ государствъ, и что о нихъ не будетъ упомянуто въ договорѣ между Дер-

---

[1]) Protocoles des Séances et sentence du Tribunal d'arbitrage constitué en vertu du compromis signé à Constantinople entre la Russie et la Turquie le 22 Juillet / 4 Août 1910 pages 84—89. Эти акты напечатаны въ Изв. М. И. Д., 1913, I, Прил.

жавами, представленными въ Берлинѣ. Въ виду этого вопросъ сдѣлался вновь предметомъ прямыхъ переговоровъ между Россіею и Турціею, которыя включили въ окончательный мирный трактатъ, подписанный 27 января/8 февраля 1879 года въ Константинополѣ, слѣдующее постановленіе:

«Статья 5. Требованія русскихъ подданныхъ и учрежденій въ Турціи о вознагражденіи за убытки, понесенные во время войны, должны удовлетворяться по мѣрѣ ихъ разсмотрѣнія Россійскимъ Посольствомъ въ Константинополѣ и предъявленія Блистательной Портѣ. Совокупность этихъ требованій не можетъ ни въ коемъ случаѣ превышать 26.750.000 франковъ. Требованія могутъ быть предъявляемы Блистательной Портѣ по истеченіи годичнаго срока со дня обмѣна ратификацій, и не будутъ болѣе приниматься по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ этого обмѣна».

Того же числа, 27 января/8 февраля 1879 года, въ Протоколѣ о подписаніи Мирнаго Трактата, Россійскій Уполномоченный Князь Лобановъ заявилъ, что сумма въ 26.750.000 франковъ, указанная въ Статьѣ V:

«Составляетъ максимумъ, котораго совокупность требованій врядъ-ли когда-нибудь достигнетъ; онъ присовокупляетъ, что при Россійскомъ Посольствѣ будетъ учреждена особая Коммиссія для тщательнаго разсмотрѣнія предъявляемыхъ ей требованій и что, согласно инструкціямъ его Правительства, оттоманскій делегатъ можетъ принять участіе въ разсмотрѣніи этихъ требованій».

Обмѣнъ ратификацій этого мирнаго трактата состоялся въ С.-Петербургѣ 9/22 февраля 1879 года.

Коммиссія, учрежденная при Россійскомъ Посольствѣ и состоящая изъ трехъ русскихъ чиновниковъ, немедленно приступила къ работамъ. Оттоманскій Коммиссаръ обыкновенно воздерживался отъ участія въ трудахъ Коммиссіи. Размѣръ убытковъ русскихъ подданныхъ Коммиссіею былъ опредѣленъ въ 6.186.543 франка. Объ этихъ убыткахъ постепенно доводилось до свѣдѣнія Блистательной Порты, начиная съ 22 октября/3 ноября 1880 года и кончая 29 января/10 февраля 1881 г.; размѣръ ихъ не вызывалъ протестовъ, и Россійское Посольство потребовало уплаты въ моментъ предъявленія имъ Блистательной Портѣ послѣднихъ рѣшеній Коммиссіи.

23 сентября 1881 года Посольство препровождаетъ «прошеніе адвоката Россолато, особаго уполномоченнаго нѣкоторыхъ русскихъ подданныхъ», имѣющихъ получить вознагражденіе; прошеніе это адресовано Посольству и предъявляетъ Оттоманскому Правительству требованіе (mettant en demeure) войти съ г. Россолато въ соглашеніе «относительно способа уплаты въ 8-дневный срокъ, считая со дня оповѣщенія», при чемъ Турецкое Правительство объявляется теперь же

отвѣтственнымъ за всѣ убытки (dommages-intérêts) и въ особенности за проценты умедленія (intérêts moratoires»).

Конвенціею, подписанной въ Константинополѣ 2/14 мая 1882 года, оба Правительства договариваются (ст. 1), что военное вознагражденіе, размѣръ котораго IV-й статьею мирнаго трактата 1879 года, за вычетомъ цѣнности уступленныхъ Турціею территорій, былъ опредѣленъ въ 802.500.000 франковъ, не будетъ приносить процентовъ и будетъ погашаться 100 ежегодными взносами въ 350.000 тур. лиръ (около 8 милліоновъ франковъ) каждый.

19 іюня/1 іюля 1884 года, въ виду непоступленія ни одного взноса въ пользу кредиторовъ, Посольство «формально требуетъ полной уплаты вознагражденій (indemnités), присужденныхъ русскимъ подданнымъ . . . . . ; въ противномъ случаѣ, оно будетъ принуждено признать за ними право искать сверхъ капитала процентовъ, пропорціональныхъ умедленію въ уплатѣ по ихъ требованіямъ».

19 декабря 1884 года Блистательная Порта дѣлаетъ первый взносъ въ 50.000 турецкихъ лиръ, т. е. около 1.150.000 франковъ.

Въ 1885 году происходитъ соединеніе между Болгаріей и Восточной Румеліею и сербо-болгарская война. Турція не дѣлаетъ новыхъ взносовъ. Напоминаніе Посольства, сдѣланное въ январѣ 1886 года, остается безъ результата. Посольство настаиваетъ 15/27 февраля 1887 года; оно препровождаетъ «петицію», поданную ему русскими индемнитерами, въ которой эти послѣдніе объявляютъ Оттоманское Правительство «отвѣтственнымъ за новые убытки, причиняемые имъ умедленіемъ въ уплатѣ причитающагося имъ вознагражденія», и Посольство присовокупляетъ: «Дальнѣйшія просрочки заставили бы Императорское Правительство потребовать въ пользу его подданныхъ процентовъ за умедленіе въ удовлетвореніи ихъ требованій».

Вслѣдъ за подачею нотъ въ іюлѣ и декабрѣ 1887 года, оставшихся безъ послѣдствій, Посольство жалуется, 26 января/7 февраля 1888 года, на то, что Турція произвела платежи по нѣкоторымъ требованіямъ позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ обязательства, лежащія на ней по отношенію къ русскимъ подданнымъ. Посольство напоминаетъ, что «неуплаченныя суммы (les arriérés) равняются около 215.000 тур. лирамъ», такъ какъ въ счетъ присужденныхъ 265.000 тур. лиръ пока сдѣланъ только одинъ взносъ въ 50.000 тур. лиръ»; оно поэтому требуетъ ««спѣшно. . . . . чтобы суммы, слѣдуемыя русскимъ подданнымъ, немедленно и до производства всякихъ другихъ платежей, были уплачены изъ суммъ, которыя имѣютъ поступить отъ Х. . .» (одного изъ должниковъ Императорскаго Оттоманскаго Правительства).

22 апрѣля 1889 года Турція дѣлаетъ второй взносъ въ 50.000 тур. лиръ.

31 декабря 1890/12 января 1891 года Посольство, въ обращеніи къ Блистательной Портѣ, констатируетъ, что изъ общей суммы въ

265.000 лиръ пока уплачено всего 100.000 и что происходящее въ погашеніи этого требованія умедленіе причиняетъ русскимъ подданнымъ постоянно возрастающіе убытки: Посольство считаетъ поэтому нужнымъ просить Блистательную Порту «о принятіи мѣръ къ отдачѣ немедленныхъ приказаній кому надлежитъ, дабы слѣдуемая сумма. . . . была уплачена безъ замедленія, вмѣстѣ съ законными процентами, относительно которыхъ (Посольство) имѣло честь предупредить Блистательную Порту нотою 15/27 февраля 1887 гола».

Въ августѣ 1891 г. новое напоминаніе. Въ октябрѣ — ноябрѣ 1892 г. Посольство пишетъ, «что такъ нельзя продолжать безконечно»; что «просьбы русскихъ подданныхъ становятся все болѣе настойчивыми», что «Посольство обязано энергично поддерживать ихъ, . . что на лицо безспорное обязательство и международная обязанность, долженствующая быть исполненной», что «Оттоманское Правительство не можетъ болѣе ссылаться на непрочное положеніе своихъ финансовъ, чтобы уклониться отъ этой обязанности», и требуетъ въ заключеніе «быстраго и окончательнаго погашенія требованія».

2/14 апрѣля 1893 г. дѣлается третій взносъ въ 75.000 тур. лиръ; Блистательная Порта уже 27 марта объявляетъ объ этомъ платежѣ, присовокупляя, что половина остатка будетъ внесена въ бюджетъ текущаго, а другая—въ бюджетъ будущаго года; «рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ полагаетъ счастливый конецъ недоразумѣніямъ, имъ вызваннымъ». Порта надѣется поэтому, что Посольство, слѣдуя своимъ чувствамъ искренней дружбы по отношенію къ Турціи, изъявитъ, подобно другимъ державамъ, окончательное согласіе на монополію Тумбеки.

По этому случаю, 30-го того же мѣсяца, Посольство, напомнивъ, что Императорское Россійское Правительство «всегда обнаруживало дружелюбіе и предупредительность во всѣхъ дѣлахъ, касающихся финансовыхъ интересовъ Оттоманской Имперіи», принимаетъ къ свѣдѣнію сдѣланныя ему относительно уплаты заявленія и изъявляетъ согласіе на подчиненіе русскихъ, производящихъ въ Турціи торговлю Тумбеки, вновь созданному порядку.

Годъ спустя, 23 мая/4 іюня 1894 г. Посолъ, не получившій никакого взноса, устанавливаетъ неисполненіе «соглашенія», въ которое онъ «вошелъ съ цѣлью облегченія Оттоманскому Правительству исполненія своего обязательства», и заявляетъ, «что онъ не въ состояніи допускать дальнѣйшихъ обѣщаній, соглашеній и отсрочекъ», и «принужденъ настаивать на уплатѣ Посольству, безъ дальнѣйшаго замедленія, всего остатка (la totalité du reliquat), слѣдуемаго русскимъ подданнымъ, равняющагося 91.000 тур. лирамъ. . . . Недавнія финансовыя операціи предоставили въ распоряженіе (Блистательной Порты) значительныя суммы».

27 октября того же 1894 года производится вносъ въ 50.000 тур. лиръ, и Блистательная Порта пишетъ, еще 3 числа того же мѣсяца,

Посольству: «что касается остатка въ 41.000 тур. лиръ, то Оттоманскій Банкъ гарантируетъ его уплату въ теченіе будущаго бюджетнаго года».

Въ 1896 году между Блистательной Портою и Посольствомъ происходитъ переписка по вопросу, не служатъ-ли доходы, изъ коихъ Оттоманскій Банкъ долженъ былъ уплатить остатокъ, обезпеченіемъ уплаты слѣдуемаго Россіи военнаго вознагражденія, и можетъ-ли часть этихъ доходовъ, превышающая аннуитетъ, обезпечивающій военное вознагражденіе, быть употреблена на вознагражденіе русско-подданныхъ, пострадавшихъ отъ событій 1877/8 годовъ. Во время этой переписки Блистательная Порта указываетъ въ нотахъ, отправленныхъ Посольству 11 февраля и 28 мая 1896 года, что сумма, которую она остается должной (reliquat dû), равна 43.978 тур. лирамъ.

Отъ 1895 до 1899 годовъ серьезныя событія въ Малой Азіи принуждаютъ Турцію создать мораторіумъ въ пользу Оттоманскаго Банка по его требованію; возстаніе друзовъ, Критское возстаніе и послѣдовавшая за нимъ греко-турецкая война 1897 года, возстаніе въ Македоніи,—въ разное время заставляютъ Турцію мобилизовать войска и даже арміи.

Въ теченіе трехъ лѣтъ переписка прекращена, а когда она возобновляется, Блистательная Порта вновь, въ нотахъ, отправленныхъ Посольству 19 іюля 1898 г. и 5 іюля 1900 г., указываетъ цифру 43.978 тур. лиръ, какъ размѣръ остатка вознагражденія (montant du reliquat des indemnités). Со своей стороны Посольство, въ нотахъ отъ 25 апрѣля/8 мая 1900 г. и 3/16 марта 1901 г. указываетъ ту же цифру, но жалуется на то, что приказанія, отданныя въ разныхъ провинціяхъ, «объ уплатѣ 43.978 тур. лиръ, суммы остатка вознагражденія, слѣдуемаго русскимъ подданымъ», не имѣли послѣдствій и что Оттоманскій Банкъ ничего не уплатилъ; Посольство «убѣдительно проситъ Блистательную Порту объ отдачѣ, кому слѣдуетъ, категорическихъ приказаній касательно уплаты, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, вышеупомянутыхъ суммъ».

Послѣ того какъ Блистательная Порта, въ маѣ 1901 г., объявила, что Министерство Финансовъ получило приказъ уплатить остатокъ вознагражденія въ теченіе мѣсяца,—Оттоманскій Банкъ, 24 февраля и 26 мая 1902 г., извѣстилъ, наконецъ, Россійское Посольство, что онъ получилъ и предоставляетъ въ распоряженіе Посольства 42.438 тур. лиръ въ счетъ остатка въ 43.978 лиръ.

Посольство черезъ два мѣсяца, 23 іюня/6 іюля 1902 г., заявило Блистательной Портѣ о полученіи этого отправленія, причемъ замѣтило, «что Императорскому Оттоманскому Правительству понадобилось болѣе 20 лѣтъ для уплаты, да еще не полной, долга, немедленное погашеніе коего было обязательно со всѣхъ точекъ зрѣнія; сумма въ 1.539 тур. лиръ все еще остается неуплаченной. Ссылаясь, поэтому, на свои ноты отъ 23 сентября 1881 г., 15/27 февраля 1887 г. и 31 де-

кабря 1890/12 января 1891 г. касательно процентовъ, исчисляемыхъ съ требованія, оставшагося такъ долго непогашеннымъ», Посольство препровождаетъ прошеніе, въ которомъ индемнитеры требуютъ, по существу, сложныхъ процентовъ, а именно 12% съ 1 января 1881 года до 15 марта 1887 года, и 9% начиная съ этого числа, когда размѣръ законнаго роста былъ пониженъ Оттоманскимъ закономъ. Искомая просителями сумма доходила весною 1902 года до 20 милліоновъ франковъ за первоначальный капиталъ въ 6.200.000 франковъ. Нота кончалась слѣдующимъ образомъ: «Императорское Посольство хочетъ вѣрить, что Блистательная Порта не колеблясь признаетъ принципіальную правоту изложеннаго въ этомъ прошеніи требованія: въ случаѣ, однако, если бы Блистательная Порта возражала противъ размѣра искомой русскими подданными суммы, Императорское Посольство не встрѣчало бы препятствій къ передачѣ деталей на разсмотрѣніе Коммиссіи изъ Русскихъ и Оттоманскихъ Делегатовъ».

Блистательная Порта отвѣчаетъ, 17 того же іюля мѣсяца 1902 года, что V статья мирнаго трактата 1879 года и протоколъ того же числа не содержатъ постановленія о процентахъ, и что, исходя изъ духа происходившихъ по этому предмету дипломатическихъ переговоровъ, она далеко не ожидала предъявленія ей въ послѣдній моментъ индемнитерами такихъ требованій, которыя должны повести къ возобновленію счастливо разрѣшеннаго вопроса. Посольство отвѣчаетъ 3/16 февраля 1903 года, настаивая на «уплатѣ процентовъ за убытки (dommages-intérêts) требуемыхъ русско-подданными. Только размѣръ этихъ убытковъ можетъ быть предметомъ разслѣдованія». На ноту отъ 2/15 августа 1903 г., содержащую напоминаніе, Блистательная Порта отвѣчаетъ 4 мая 1904 года, отстаивая свою точку зрѣнія, но заявляя при этомъ о своей готовности передать вопросъ на третейское разбирательство въ Гаагу, если бы продолжали настаивать на требованіи.

Черезъ четыре года Посольство нотою отъ 19 марта/1 апрѣля 1908 года принимаетъ это предложеніе.

Третейская запись подписана въ Константинополѣ 22 іюля/4 августа 1910 года.

Небольшой остатокъ въ 1539 тур. лиръ былъ въ декабрѣ 1902 г. предоставленъ Оттоманскимъ Банкомъ въ распоряженіе Россійскаго Посольства, которое отказалось его принять, и онъ продолжаетъ считаться въ распоряженіи Посольства» [1]).

---

[1]) En Fait.

Dans le Protocole signé à Andrinople le 19/31 janvier 1878 et qui a mis fin par un armistice aux hostilités entre la Russie et la Turquie, se trouve la stipulation suivante:

«5°. La Sublime Porte s'engage à dédommager la Russie des frais de la guerre et des pertes qu'elle a dû s'imposer. Le mode, soit pécuniaire, soit territorial ou autre, de cette indemnité sera réglé ultérieurement».

L'article 19 des Préliminaires de paix signés à San-Stefano le 19/3 mars 1878 es ainsi conçu:

II.

Предварительный вопросъ.

Турецкое Правительство вошло въ Третейскій Судъ съ «предварительнымъ ходатайствомъ» (demande préjudicielle), прося отка-

---

«Les indemnités de guerre et les pertes imposées à la Russie que S M. L'Empereur de Russie réclame et que la Sublime Porte s'est engagée à lui rembourser se composent de a) 900 millions de roubles de frais de guerre.. b) 400 millions de roubles de dommages infligés au littoral méridional. . c) 100 millions de roubles de dommages causés au Caucase d) dix millions de roubles de dommages et intérêts aux sujets et institutions russes en Turquie total 1 400 millions de roubles».

Et plus loin «Les dix millions de roubles réclamés comme indemnité pour les sujets et institutions russes en Turquie seront payés à mesure que les réclamations des intéressés seront examinées par l'ambassade de Russie à Constantinople et transmises à la Sublime-Porte»

Au Congrès de Berlin, à la séance du 2 juillet 1878, protocole № 11, il fut entendu que les 10 millions de roubles dont il s'agit ne regardaient pas l'Europe, mais seulement les deux Etats intéressés, et qu'ils ne seraient pas insérés dans le traité entre les Puissances représentées a Berlin En conséquence la question fut reprise directement entre la Russie et la Turquie, qui stipulèrent, dans le traité définitif de paix signé à Constantinople le 27 janvier/8 février 1879, la disposition suivante

«Art V.-Les réclamations des sujets et institutions russes en Turquie a titre d'indemnité pour les dommages subis pendant la guerre seront payées à mesure qu'elles seront examinées par l'ambassade de Russie à Constantinople et transmises à la Sublime Porte. La totalité de ces réclamations ne pourra, en aucun cas, dépasser le chiffre de vingt-six millions sept cent cinquante mille francs Le terme d'une année après l'échange des ratifications est fixé comme date à partir de laquelle les réclamations pourront être présentées à la Sublime-Porte, et celui de deux ans comme date après laquelle les réclamations ne seront plus admises»

Le même jour, 27 janvier / 8 février 1879, dans le Protocole de signature du traité de paix, le Plénipotentiaire russe prince Lobanow déclara que la somme de 26.750 000 francs spécifiée à l'article V·

«constitue un maximum auquel la totalité des réclamations ne pourra vraisemblablement jamais atteindre; il ajoute qu'une commission ad hoc sera instituée à l'ambassade de Russie pour examiner scrupuleusement les réclamations qui lui seront présentées, et que, d'après les instructions de son Gouvernement, un délégué ottoman pourra prendre part à l'examen de ces réclamations»

Les ratifications du traité de paix ont été échangées à Saint-Pétersbourg le 9/21 février 1879

La commission instituée à l'ambassade de Russie et composée de trois fonctionnaires russes commença aussitôt ses travaux Le commissaire ottoman s'abstint généralemet d'y prendre part Le montant des pertes des sujets russes fut fixé par la commission à 6 millions 186.543 francs Elles furent successivement notifiées à la Sublime-Porte entre le 22 octobre/ 3 novembre 1880 et le 29 janvier/10 février 1881, leur montant ne fut pas contesté et l'ambassade de Russie réclama le payement en même temps qu'elle transmettait à la Sublime-Porte les dernières décisions de la commission

Le 23 septembre 1881, l'Ambassade transmet une «pétition» de l'avocat Rossolato, «mandataire spécial de plusieurs sujets russes» ayant à toucher des indemnités, pétition adressée à l'ambassade et mettant le Gouvernemet Ottoman en demeure de s'entendre avec

зать Русскому Правительству въ искѣ безъ разсмотрѣнія по существу. Это свое ходатайство Порта мотивировала слѣдующимъ образомъ.

По смыслу 19 статьи Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго трактата 1878 года и 5 статьи Константинопольскаго мирнаго трактата 1879 года, прямыми кредиторами Порты являются лично русскоподданные.

---

lui «dans un délai de huit jours à partir de la signification, sur le mode de payement», déclarant «le tenir d'ores et déjà responsable de tous dommages-intérêts et notamment des intérêts moratoires».

Par la convention signée à Constantinople le 2/14 Mai 1882, les deux gouvernements conviennent, art. I-er, que l'indemnité de guerre, dont le solde avait été fixé à 802.500.000 francs par l'art. IV du traité de paix de 1879 après défalcation de la valeur des territoires cédés par la Turquie, ne porterait pas d'intérêts et serait payée sous forme de cent versements annuels de 350.000 livres turques soit environ 8 millions de francs.

Le 19 juin/1-er juillet 1884, aucune somme n'ayant été versée pour les indemnitaires, l'ambassade «réclame formellement le payement intégral» des indemnités qui ont été adjugées aux sujets russes...; elle se verra obligée, dans le cas contraire, à leur reconnaître la faculté de prétendre, outre le capital, à des intérêts proportionnés au retard que subit le règlement de leur créance».

Le 19 décembre 1884, la Sublime-Porte verse un premier accompte de 50.000 livres turques, soit environ 1.150.000 francs.

En 1885 se produit l'union de la Bulgarie et de la Roumélie orientale et la guerre serbo-bulgare. La Turquie ne paie aucun nouvel accompte. Une note de rappel en date de janvier 1886 ayant été sans résultat, l'ambassade insiste, le 15/27 février 1887; elle transmet une «pétition» qui lui est parvenue d'indemnitaires russes, dans laquelle ils tiennent le Gouvernement Ottoman «responsable de ce surcroît de dommages qui résulte pour eux du retard apporté au payement de leurs indemnités», et l'ambassade ajoute: «De nouveaux ajournements obligeraient le Gouvernement Impérial .à réclamer en faveur de ses nationaux des intérêts pour les retards que subit le règlement de leurs créances».

Après des notes de rappel de juillet et décembre 1887 demeurées sans effet, l'ambassade se plaint le 26 janvier/7 février 1888, de ce que la Turquie ait payé diverses créances postérieures aux obligations contractées envers les indemnitaires russes. Elle rappelle que «les arriérés se montent à la somme d'environ 215.000 livres turques, un seul versement de 50.000 livres turques ayant été fait sur le total de 265.000 livres turques abjugées»; elle demande donc «d'urgence... que les sommes dues aux sujets russes soient immédiatement, et avant tout autre payement, prélevées sur celles qui seront payées par X...» (un débiteur du Gouvernement Impérial Ottoman).

Le 22 avril 1889, la Turquie verse un second acompte de 50.000 livres.

Le 31 décembre 1890/12 janvier 1891, l'ambassade, constatant qu'il a été payé seulement 100.000 livres sur un total de 265.000, écrit à la Sublime-Porte que le retard apporté au règlement de cette créance fait subir des pertes toujours croissantes aux nationaux russes; elle croit donc devoir prier la Sublime-Porte «de provoquer des ordres immédiats à qui de droit pour que la somme due. . . . soit payée sans retard, aussi bien que les intérêts légaux au sujet desquels (l'ambassade) a eu l'honneur de prévenir la Sublime-Porte par note du 15/27 février 1887».

En août 1891 nouveau rappel. En octobre/novembre 1892, l'ambassade écrit «que cela ne peut durer indéfiniment ainsi»; que «les instances des sujets russes deviennent de plus en plus pressantes», que «l'ambassade a le devoir de s'en faire avec énergie l'interprète,. . . . qu'il s'agit là d'une obligation indiscutable et d'un devoir international à remplir. . . .», que «le Gouvernement Ottoman ne saurait plus invoquer pour s'y sous-

Права каждаго изъ нихъ на вознагражденіе признаны поименными постановленіями (décisions nominatives) Особой Коммиссіи, образованной при Посольствѣ въ Константинополѣ, которыя были сообщены Портѣ. Поэтому Русское Правительство должно было представить удостовѣреніе, какъ нахожденія въ живыхъ однихъ индемнитеровъ, такъ и перехода правъ отъ другихъ, которые умерли, къ третьимъ лицамъ, сло-

traire l'état précaire de ses finances», et conclut en demandant un «prompt et définitif réglement de la créance .»

Le 2/14 avril 1893, un troisieme versement de 75.000 livres turques est effectué, la Sublime-Porte, en donnant avis de ce payement des le 27 mars, ajoute que, pour le reliquat, la moitié en sera inscrite au budget courant et l'autre moitié au budget prochain, «la question ainsi réglée met heureusement fin aux incidents auxquels elle avait donné lieu». La Porte espere dès lors que l'ambassade voudra bien, dans ses sentiments d'amitié sincère à l'égard de la Turquie, accepter définitivement le monopole du tumbéki à l'instar des autres Puissances.

A cette occasion, et en rappelant que le Gouvernement Impérial Russe «s'est toujours montré amical et conciliant dans toutes les affaires touchant aux intérêts financiers de l'Empire ottoman», l'ambassade prend acte le 30 du même mois des dispositions annoncées en vue du payement et consent à ce que les Russes faisant en Turquie le commerce des tumbéki soient soumis au régime nouvellement créé.

Un an plus tard, le 23 mai/4 juin 1894, n'ayant reçu aucun versement nouveau, l'ambassadeur, après avoir constaté la non-exécution de «l'arrangement» auquel il avait «consenti afin de faciliter au Gouvernement Ottoman l'accomplissement de son obligation», se déclare «place dans l'impossibilité d'accepter des promesses, des arrangements ou des atermoiements ultérieurs», et «obligé d'insister pour que la totalité de reliquat dû aux sujets russes, qui monte a 91 000 livres turques, soit, sans plus du retard, versé à l'ambassade De récentes opérations financières viennent de mettre à la disposition (de la Sublime-Porte) des sommes importantes».

Le 27 octobre de la même année 1894, un versement de 50.000 livres turques est effectué, et la Sublime-Porte écrit, déjà le 3 du même mois, à l'ambassade «Quant au reliquat de 41 mille livres turques, la Banque Ottomane en garantira le payement dans le cours de l'exercice prochain».

En 1896, une correspondance est échangée entre la Sublime-Porte et l'ambassade sur la question de savoir si les revenus sur lesquels la Banque Ottomane devait prélever le reliquat ne sont pas déjà engagés à la Russie pour le payement de l'indemnité de guerre proprement dite ou si la partie de ces revenus supérieure à l'annuité affectée à l'indemnité de guerre ne peut pas être employée à l'indemnisation des sujets russes victimes des évènements de 1877/8. Au cours de cette correspondance, la Sublime-Porte indique, dans les notes qu'elle adresse a l'ambassade les 11 février et 28 mai 1896, que le reliquat dû s'élève à la somme de 43.978 livres turques.

De 1895 à 1899, de graves événements survenus en Asie-Mineure obligent la Turquie à provoquer un moratoire en faveur de la Banque Ottomane sur sa demande; l'insurrection des Druses, celle de la Crète qui est suivie de la guerre turco-grecque de 1897, des insurrections en Macédoine amènent, à diverses reprises, la Turquie à mobiliser des troupes et même des armées.

Pendant trois ans, aucune correspondance n'est échangée, et, lorsqu'elle reprend, la Sublime-Porte indique de nouveau le chiffre de 43.978 livres turques, comme le montant du reliquat des indemnités, dans les notes qu'elle adresse à l'ambassade les 19 juillet 1899 et 5 juillet 1900. A son tour, l'ambassade, dans ses notes des 25 avril/8 mai 1900 et 3/16 mars 901, indique le même chiffre, mais se plaint de ce que les ordres donnés dans diverses

вомъ, доказать «продолженіе правъ» (survivance de droits) каждаго изъ индемнитеровъ Эта обязанность лежала бы на Русскомъ Правительствѣ даже въ случаѣ признанія его самого единственнымъ прямымъ кредиторомъ Порты; ибо въ такомъ случаѣ, оно было бы обязано передать присужденныя суммы русскимъ подданнымъ, какъ лицамъ, въ пользу которыхъ заключены извѣстныя договорныя постановленія

---

provinces «pour le payement des 43 978 livres turques, «montant du reliquat de l'indemnité due aux sujets russes», n'ont pas été suivis d'effet, et de ce que la Banque Ottomane n'a rien versé, elle prie instamment la Sublime-Porte de vouloir bien donner à qui de droit des ordres catégoriques pour le payement, sans plus de retard, des sommes susmentionnées»

Après qu'en mai 1901 la Sublime-Porte eut annoncé que le Département des Finances avait été invité à régler dans le courant du mois le reliquat de l'indemnité, la Banque Ottomane avisait enfin, les 24 février et 26 mai 1902, l'ambassade de Russie qu'elle avait reçu et tenait à la disposition de l'ambassade 42 438 livres turques sur le reliquat de 43.978 livres

L'ambassade, en accusant deux mois plus tard réception de cet envoi à la Sublime-Porte le 23 juin/6 juillet 1902, faisait observer «que le Gouvernement Impérial Ottoman a mis plus de vingt ans pour s'acquitter et imparfaitement encore, d'une dette dont le règlement immédiat s'imposait à tous les points de vue, un solde de 1539 livres turques restant toujours impayé. Se référant, par conséquent, à ses notes des 23 septembre 1881, 15/27 février 1887 et 31 décembre 1890/12 janvier 1891 au sujet des intérêts à courir sur la dite créance, restée si longtemps en souffrance» l'ambassade transmet une requête par laquelle les indemnitaires réclament, en substance, des intérêts composés à 12% depuis le 1-er janvier 1881 jusqu'au 15 mars 1887, et à 9% depuis cette date, à laquelle le taux de l'intérêt légal a été abaissé par une loi ottomane. La somme réclamée par les signataires s'élevait à une vingtaine de millions de francs au printemps de 1902 pour un capital primitif de 6.200 000 francs environ La note se terminait comme suit «L'ambassade Impériale se plaît à croire que la Sublime-Porte n'hésitera pas à reconnaître en principe le bien fondé de la réclamation exposée dans cette requête, dans le cas pourtant où la Sublime-Porte, trouverait des objections à soulever contre le montant de la somme réclamée par les sujets russes, l'ambassade Impériale ne verrait pas d'inconvénients à déférer l'examen des détails à une commission composée de délégués Russes et Ottomans».

La Sublime-Porte répond le 17 de ce même mois de juillet 1902 que l'art. V du Traité de paix de 1879 et le protocole de même date ne stipulent pas d'intérêts et qu'à la lumière des négociations diplomatiques qui ont eu lieu à ce sujet, elle était loin de s'attendre à voir formuler au dernier moment de la part des indemnitaires de telles demandes, dont l'effet serait de rouvrir une question qui se trouvait heureusement terminée. L'ambassade réplique le 3/16 février 1903 en insistant «sur le payement des dommages-intérêts réclamés par ses ressortissants Il n'y a que le montant de ces dommages qui pourrait faire l'objet d'une enquête» Sur une note de rappel en date du 2/15 août 1903, la Sublime-Porte répond le 4 mai 1904 en maintenant sa manière de voir et en se déclarant toutefois disposée à déférer la question à un arbitrage à La Haye dans le cas où l'on insisterait sur la réclamation.

Au bout de quatre ans, l'ambassade accepte cette suggestion par note du 19 mars/1-er avril 1908

Le compromis d'arbitrage a été signé à Constantinople le 22 juillet/4 août 1910.

Quant au petit solde de 1539 livres turques, il avait été mis par la Banque Ottoman en décembre 1902 à la disposition de l'ambassade de Russie qui l'a refusé et il demeure consigné à la disposition de l'ambassade.

(bénéficiaires) Между тѣмъ, Русское Правительство не представило ни удостовѣренія личности индемнитеровъ, ни доказательствъ продолженія существованія ихъ правъ [1]).

Русское Правительство представило слѣдующія возраженія:

Долгъ, возникшій въ силу трактата 1879 года, есть долгъ междугосударственный (une dette d'Etat à Etat); поэтому такой же международный характеръ присущъ отвѣтственности, проистекающей отъ неисполненія этого долга: а отсюда слѣдуетъ, что одно Русское Правительство компетентно для выдачи росписокъ въ погашеніи долга и для полученія суммъ, предназначенныхъ для индемнитеровъ Русское Правительство отнюдь не обязано удостовѣрять личность и права русскоподданныхъ; оно опирается на свое личное право требовать вознагражденія за неисполненіе договора 1879 г., наложившаго на Турцію обязательство по отношенію къ Россіи непосредственно. Портѣ, по полученіи ею платежной росписки отъ Русскаго Правительства, нѣтъ никакого дѣла до распредѣленія послѣднимъ уплаченныхъ суммъ между его подданными [2]).

Гаагскій Третейскій Судъ отклонилъ ходатайство Турецкаго Правительства по слѣдующимъ основаніямъ:

Русское требованіе есть послѣдствіе войны, факта международнаго. «Источниками вознагражденія» (source de l'indemnité) являются мирный трактатъ и соглашенія, имѣющія цѣлью исполненіе этого трактата. Какъ этотъ трактатъ, такъ и упомянутыя соглашенія заключены между Россіею и Турціею, разрѣшившими въ качествѣ публичныхъ и суверенныхъ державъ вопросъ международнаго права. Прелиминарный мирный трактатъ относитъ 10 милліоновъ рублей, предназначающіеся для русскихъ подданныхъ, къ числу убытковъ, «которыхъ требуетъ Его Величество Россійскій Императоръ и которые Блистательная Порта обязалась ему возмѣстить».

Тотъ же международный характеръ обязательства Порты вытекаетъ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его исполненіе.

Такъ, въ 1885 году Порта потребовала, чтобы росписка Посольства въ полученіи взноса въ 50.000 лиръ была оплачена соотвѣтствующимъ гербовымъ сборомъ, взимаемымъ по турецкому закону съ частныхъ лицъ. Русское Посольство немедленно протестовало, заявивъ, что долгъ заключенъ Оттоманскимъ Правительствомъ у Русскаго и что онъ не можетъ быть приравненъ къ обязательству частныхъ лицъ, основанному на частномъ контрактѣ. Порта не настаивала.

---

[1]) Contre-Mémoire Ottoman pp. 9—15; Contre-Réplique Ottomane p.p. 13—17 et Conclusion p. 81—82.

[2]) Réplique Russe pp 13—17, Conclusion p.p. 49—50.

Далѣе, Порта всѣ росписки въ платежахъ получала исключительно отъ Россійскаго Посольства въ Константинополѣ, дѣйствовавшаго отъ имени своего правительства; помимо того, при производствѣ платежей Порта никогда не предъявляла запросовъ о личности или правахъ индемнитеровъ, ни о порядкѣ распредѣленія между ними вознагражденія.

Наконецъ, заключаетъ Гаагскій Судъ, сама Порта въ своихъ возраженіяхъ по существу даннаго процесса, утверждаетъ, что освободилась отъ всякихъ обязательствъ, произведя уплаты Россійскому Правительству [1]).

На нашъ взглядъ, рѣшеніе Гаагскаго Суда вполнѣ правильно истолковало текстъ Константинопольскаго мирнаго трактата и обстоятельства, сопровождавшія его исполненіе. Рѣшеніе это, согласно также съ духомъ современной доктрины международнаго права, признающей за одними государствами характеръ субъектовъ международныхъ правъ и обязанностей. Какъ замѣчаетъ Anzilotti [2]), не существуетъ международной отвѣтственности государства передъ индивидомъ. Международная отвѣтственность за убытки, понесенные иностранцами, вытекаетъ не изъ нарушенія правъ индивидовъ, а изъ нарушенія права государства, котораго они являются подданными. Неправомѣрное дѣйствіе государства не порождаетъ, поэтому, его обязанности вознаградить частныхъ лицъ, а обязанность возмѣстить ущербъ, причиненный ихъ отечеству. Вознагражденіе частныхъ лицъ есть только косвенное послѣдствіе международной отвѣтственности государства [3]).

III.

Отвѣтственность Турціи за убытки, причиненные Россіи несвоевременнымъ исполненіемъ денежнаго обязательства, вытекающаго изъ 5 статьи Константинопольскаго трактата 1879 года.

§ 1.

Русское Правительство основываетъ свое требованіе процентовъ за просрочку уплаты долга (intérêts moratoires) на началѣ отвѣтственности государствъ, которое представляется ему началомъ необходимымъ и общепризнаннымъ, безъ котораго всѣ обяза-

---

[1]) Protocoles des Séances et Sentence du Tribunal d'Arbitrage p.p. 82—83.

[2]) Anzilotti «La responsabilité internationale des Etats à raison des dommages soufferts par des étrangers» въ «Revue Générale de Droit International» année 1906 p.p. 1—29 et 285—309.

[3]) См. въ томъ же смыслѣ Triepel, Volkerrecht und Landesrecht p, 20; Heilborn, System des Volkerrechts p. 65, Jellinek, System der subjektiven offentlichen Rechte p. 310.

тельства обратились бы въ пустой звукъ [1]). Какъ въ частномъ, такъ и въ международномъ правѣ умедленіе въ исполненіи обязательства равносильно неисполненію и считается виною, за которую должникъ обязанъ отвѣчать и вознаградить. Небрежность и медлительность при исполненіи международныхъ договоровъ недопустима. Кто платитъ позже, тотъ платитъ меньше [2]). Непризнаніе этихъ началъ подорвало бы въ корнѣ самую идею международнаго права и внесло бы неустойчивость въ мирныя отношенія Ибо признаніемъ безотвѣтственности государства-должника за просрочку уплаты долга освящается его произволъ и провозглашается безсиліе международнаго права поддержать уваженіе къ данному слову, послѣ чего государству-заимодавцу остается только обратиться къ физической силѣ [3]).

Обязанность Порты уплатить Россіи проценты за просрочку возникла не изъ самаго договора 1879 г., а по поводу его, изъ новаго факта, а именно изъ вины Порты, не исполнившей взятаго на себя обязательства [4]).

Турецкое Правительство не отрицаетъ «общаго принципа отвѣтственности» государствъ. но тѣмъ не менѣе отказывается признать «особенную обязанность» государства платить проценты за просрочку (intérêts moratoires), разъ проценты эти не предусмотрѣны договоромъ [5]).

---

[1]) Conclusions du Gouvernement Russe, Réplique p 51 «Qu'en effet le principe de la responsabilité et l'obligation de payer les intérêts moratoires, qui en est la manifestation pratique en matière de dette d'argent, est un principe nécessaire, universellement admis, parce que sans la responsabilité les obligations ne sont plus qu'un vain mot».

[2]) «En droit de gens, comme en droit privé, le retard à exécuter une obligation contractée constitue une inexécution de l'engagement, un manquement à la parole donnée, une faute dont le débiteur est responsable et dont il doit la réparation... La foi des Traités exclut dans leur exécution toute négligence, toute lenteur et tous délais affectés et c'est payer moins que de payer tard» (Mémoire Russe p. 28).

[3]) «Aussi bien, la méconnaissance de ces principes serait aussi contraire a la notion même du droit des gens que dangereuse pour la sécurité des relations pacifiques. En effet, en déclarant l'Etat débiteur irresponsable du délai qu'il inflige à son créancier, on lui reconnaîtrait, par là même, la liberté de n'écouter que son caprice pour s'exécuter, avec le droit d'imposer, en quelque sorte, sa volonté souveraine à celle des autres Etats, on obligerait d'autre part, l'Etat créancier à recourir à la violence contre une semblable prétention, on lui dirait de ne rien espérer que de la force brutale, et de ne rien attendre d'un pretendu droit des gens manifestement incapable d'assurer le respect de la parole donnée, condition essentielle de toutes les relations internationales» (Mémoire Russe p. 29).

[4]) «L'obligation incombant actuellement au Gouvernement Impérial Ottoman de payer des intérêts moratoires est née à l'occasion du Traité, mais elle provient ex post facto d'une cause nouvelle et accidentelle qui est la faute de la Sublime Porte à remplir ses engagements, comme elle s'y était obligée» (Mémoire Russe p. 29).

[5]) «Créant une confusion entre le principe général de la responsabilité des Etats (qui n'a jamais été contesté par le Gouvernement Impérial Ottoman), et l'obligation spéciale d'acquitter des intérêts moratoires, le Gouvernement Impérial de Russie citait...:..» (Contre-Réplique Ottomane § 358) См также Contre Réplique § 286).

Для доказательства своей точки зрѣнія Порта выставляетъ теорію коренного различія между «процентами вознагражденія» (intérêts compensatoires) и «процентами умедленія» (intérêts moratoires).

Обязанность къ вознагражденію, говорятъ турецкіе мемуары, возникаетъ либо изъ нарушенія договора, либо изъ преступнаго дѣйствія или упущенія [1]). Вознагражденіе носитъ характеръ либо компенсаціи за вредъ, причиненный нарушеніемъ юридической обязанности (dommages-intérêts compensatoires), либо возмѣщенія убытковъ, возникшихъ отъ проволочки въ исполненіи договора, (dommages-intérêts moratoires) [2]). При этомъ договоры, не имѣющіе своимъ предметомъ уплаты денежной суммы, могутъ служить основаніемъ къ вознагражденію обоего рода. Изъ преступныхъ же дѣйствій можетъ возникать только обязанность къ компенсаціи (dommages-intérêts compensatoires), такъ какъ здѣсь нѣтъ предшествовавшаго обязательства и не можетъ быть рѣчи объ умедленіи [3]) Наоборотъ, нарушеніе договоровъ, имѣющихъ содержаніемъ уплату денежной суммы, можетъ создать исключительно обязанность къ возмѣщенію убытковъ за умедленіе (dommages intérêts moratoires), «такъ какъ денежное обязательство не можетъ само собою обратиться въ денежное вознагражденіе» [4]).

Эти различные виды отвѣтственности отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что отвѣтственность, вытекающая изъ договора, возникаетъ лишь съ момента протеста (mise en demeure), котораго не требуется при отвѣтственности ex delicto; въ послѣднемъ случаѣ проценты исчисляются съ момента совершенія преступнаго дѣйствія. Вознагражденіе за вредъ, нанесенный преступнымъ дѣйствіемъ или нарушеніемъ договора, неимѣющаго содержаніемъ уплаты денежной суммы, можетъ складываться изъ понесеннаго ущерба и потерянной выгоды (damnum emergens, lucrum cessans); вознагражденіе же за неуплату денежнаго долга ограничивается процентами умедленія, исчисляемыми со дня протеста [5]).

Въ настоящемъ процессѣ, продолжаетъ Порта, мы имѣемъ дѣло съ требованіемъ процентовъ умедленія (intérêts moratoires) за просрочку долгового обязательства, наложеннаго на Турецкую Имперію

---

[1]) Contre-Réplique Ottomane § 290)

[2]) Ibidem § 291.

[3]) Ib. § 293.

[4]) Pour les obligations «dont le contenu est le paiement d'une somme d'argent..... il ne peut pas être question d'intérêts compensatoires, parce qu'une obligation d'argent ne saurait se transformer elle même en une indemnité en argent Ces obligations ne donnent donc lieu qu'à des dommages-intérêts moratoires». Contre-Réplique Ottomane § 292.

[5]) Ibidem §§ 293—295, 300—301.

договоромъ [1]). Между тѣмъ Русское Правительство смѣшиваетъ отвѣтственность за вредъ отъ преступныхъ дѣяній и вытекающіе изъ нея «компенсаціонные проценты» съ отвѣтственностью по договору и процентами умедленія [2]), несмотря на огромную между ними разницу. Дѣло въ томъ, что государство—*должникъ особаго рода*. Оно обязано прежде всего заботиться о нуждахъ администраціи и о защитѣ страны отъ врага Государство отвѣчаетъ за свои долги лишь тѣмъ своимъ имуществомъ, которое оно предназначило для обезпеченія ихъ. Лица, вступающія въ договорныя отношенія съ государствомъ, должны считаться съ тѣмъ, что, по важнымъ причинамъ внутренней или международной политики, ихъ должникъ будетъ временно лишенъ возможности исполнить свое обязательство [3]). Въ виду сказаннаго, государство не обязано платить проценты умедленія, разъ объ этомъ не было заключено условія; признаніе *молчаливаго* обязательства увеличило бы долгъ государства до размѣровъ, имъ не предусмотрѣнныхъ [4]). Руководствуясь этими соображеніями, нѣкоторыя законодательства признали за государствомъ-должникомъ извѣстныя привилегіи. Такъ, во Франціи государственные долги погашаются 5-лѣтнею давностью, а римское право освобождаетъ государство отъ платежа процентовъ умедленія [5]). Привилегіи, которыми государства пользуются внутри страны, должны a *fortiori* быть признаваемы за ними въ международной области, потому что во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ ихъ публичный характеръ выступаетъ еще сильнѣе, чѣмъ въ отношеніяхъ ихъ къ своимъ подданнымъ [6]). Такимъ образомъ, заключаетъ

---

[1]) «On se trouve donc en présence d'une demande d'intérêts moratoires pour retard dans le remboursement d'une dette conventionnellement créée à la charge de l'Empire Ottoman». Contre-Réplique Ottomane § 298.

[2]) Ibidem § 310.

[3]) «Un Etat n'est pas un débiteur comme un autre. L'Etat ne répond de ses dettes que sur les éléments d'actif qu'il a consenti à affecter à ses créanciers ... L'Etat a avant tout à pourvoir aux nécessités de l'administration et de la défense du pays contre l'étranger . les personnes qui traitent avec un Etat.... courent le risque de voir leur débiteur se trouver transitoirement dans l'impossibilité de les rembourser pour des raisons impérieuses de nature politique interne ou internationale». (Contre-Mémoire Ottoman § 90).

[4]) «Il en résulte qu'un Etat ne saurait être tenu *tacitement* d'acquitter éventuellement des intérêts moratoires.... L'admission d'une obligation implicite le rendrait débiteur dans une mesure plus forte qu'il ne l'aurait voulu». (Contre Mémoire Ottoman § 91).

[5]) Contre-Mémoire Ottoman § 92.

[6]) «Les privilèges dont les Etats jouissent dans le domaine intérieur doivent a *fortiori* leur être reconnus dans le droit international, par ce que, dans les rapports entre eux, les Etats sont encore moins assimilables aux particuliers et apparaissent encore plus comme puissances que dans les relations avec leurs ressortissants». (Contre-Réplique § 275).

Порта, государство обязано къ уплатѣ процентовъ компенсаціонныхъ, но не мораторныхъ. Государство обязано вознаградить за причиненный имъ вредъ, но не можетъ быть противъ своей воли принуждено къ уплатѣ процентовъ за несвоевременную выплату опредѣленнаго, иногда очень крупнаго, долга [1]).

Русское Правительство, которое какъ мы уже видѣли, исходитъ изъ принципа отвѣтственности государствъ, не можетъ, конечно, признать различія между компенсаціонными и мораторными процентами Изъ общаго принципа отвѣтственности оно выводитъ обязанность государства-должника платить проценты умедленія. Запоздалымъ исполненіемъ государство-должникъ произвольно уменьшаетъ свой долгъ, платитъ меньше [2]) и должно, конечно, за это отвѣчать. Ссылаться на право самосохраненія для оправданія неуплаты долга, можно только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, а въ данномъ процессѣ этой ссылкѣ нѣтъ мѣста [3]). Точно также неубѣдительны ссылки Порты на привилегіи, которыя внутренніе законы даруютъ государствамъ по отношенію къ собственнымъ подданнымъ, такъ какъ эти привилегіи не касаются, конечно, между-государственныхъ отношеній Такъ, напр., давность международному праву неизвѣстна [4]).

§ 2.

Третейское рѣшеніе становится на сторону Россіи: всякое вознагражденіе за убытки носитъ характеръ компенсаціи вины (faute) должника, причемъ безразлично, произошли ли эти убытки отъ преступленія, упущенія, неисполненія договора или же умедленія. Всякая вина можетъ быть оцѣнена и превращена въ денежное обязательство. Поэтому Судъ не видитъ существенной разницы между различными видами отвѣтственности. Имѣя тождественное основаніе –вину. они имѣютъ тождественное послѣдствіе—денежное вознагражденіе. Судъ полагаетъ, поэтому, что изъ общаго начала отвѣтственности государствъ вытекаетъ особенная ихъ отвѣтственность за умедленіе въ уплатѣ денежнаго долга (поскольку нельзя доказать существованія про-

---

[1]) «La différence entre les deux cas s'explique et se justifie fort bien, l'Etat devant être condamné à indemniser des dommages qu il a causés, mais ne pouvant, une fois reconnu débiteur d'une somme fixée, parfois très considérable, se trouver dans l'obligation de payer des intérêts de retard, sans une manifestation de sa volonté, expresse ou tacite». Conclusions Ottomanes, Contre-Réplique Ottomane, p 84.

[2]) Réplique Russe, p 24.

[3]) Réplique Russe, p. 24.

[4]) Réplique Russe, p 25

тивоположнаго обычая) [1]). Иначе пришлось бы отрицать принципъ отвѣтственности государствъ во всѣхъ его проявленіяхъ [2]).

По поводу турецкой теоріи, согласно которой государство отвѣчаетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно добровольно обязалось, Судъ замѣчаетъ, что допускаемое Портою присужденіе государства къ уплатѣ компенсаціонныхъ процентовъ въ вознагражденіе за вредъ, причиненный преступленіемъ или неисполненіемъ договора, еще менѣе соотвѣтствуетъ волѣ государства, чѣмъ присужденіе его къ уплатѣ процентовъ умедленія. Точно также, по мнѣнію Суда, уплата компенсаціонныхъ процентовъ можетъ для финансовъ государства оказаться гораздо болѣе обременительной, чѣмъ уплата процентовъ умедленія [3]).

§ 3.

Нельзя не согласиться съ этими положеніями Третейскаго Суда. Турецкая теорія грѣшитъ очевидною нелогичностью. Если бы государство было дѣйствительно «должникомъ особаго рода» и отвѣчало только въ предусмотрѣнной имъ мѣрѣ «и поскольку уплата вознагражденія совмѣстима съ государственными нуждами («nécessités gouverne-

[1]) «Le tribunal est d'avis que tous les dommages-intérêts sont toujours la réparation, la compensation d'une faute. A ce point de vue, tous les dommages-intérêts sont compensatoires, peu importe le nom qu'on leur donne Les intérêts forfaitaires alloués au créancier d'une somme d'argent à partir de la mise en demeure sont la compensation forfaitaire de la faute du debiteur en retard exactement comme les dommages-intérêts ou les intérêts alloués en cas délit, de quasi-délit ou d'inexécution d'une obligation de faire, sont la compensation du préjudice subi par le creancier, la représentation en argent de la responsabilite du débiteur fautif. Exagérer les conséquences des distinctions faites en droit civil dans la responsibilité se légitimerait d'autant moins qu'il se dessine, dans plusieurs législations récentes, une tendance à atténuer ou à supprimer les adoucissements apportés par le Droit romain et ses dérivés à la responsabilité en matière de dettes d'argent. Il est certain en effet que toutes les fautes, quelle qu'en soit l'origine, finissent par être évaluées en argent et transformées en obligation de payer, elles aboutissent toutes, ou peuvent aboutir, en dernière analyse, à une dette d'argent. Il n'est donc pas possible au tribunal d'apercevoir des différences essentielles entre les diverses responsabilités Identiques dans leur origine, la faute, elles sont les mêmes dans leurs conséquences, la réparation en argent.

Le Tribunal est donc de l'avis que le principe général de la responsabilité des Etats implique une responsabilité spéciale en matière de retard dans le payement d'une dette d'argent, à moins d'établir l'existence d'une coutume internationale contraire». (Protocole des séances et sentence du Tribunal d'Arbitrage etc p p. 92—93

[2]) Ibidem p 94

[3]) «Si un Etat est condamné à des dommages-intérêts compensatoires d'un délit ou de l'inexécution d'une obligation, il est, encore plus que dans le cas de retard dans le payement d'une dette d'argent conventionnelle, débiteur dans une mesure qu'il n'aurait pas stipulée volontairement. Quant aux conséquences de ces responsabilités pour les finances de l'Etat débiteur, elles peuvent être au moins aussi graves, sinon davantage, s'il s'agit des dommages-intérêts appelés compensatoires par la Sublime-Porte, que s'il s'agit des simples intérêts moratoires au sens restreint du mot» Ibidem p 94

mentales»), то не было бы основанія освобождать его только отъ уплаты процентовъ умедленія, и слѣдовало бы вообще провозгласить его гражданскую безотвѣтственность въ международныхъ отношеніяхъ, положеніе, которое, несмотря на всю его заманчивость, не рѣшается защищать даже Блистательная Порта. Въ дополненіе же къ аргументаціи Третейскаго Суда можно замѣтить слѣдующее.

Привилегіи, дарованныя нѣкоторыми внутренними законодательствами государствамъ, не распространимы по аналогіи на международныя отношенія. Конечно, нельзя утверждать, что ни одинъ принципъ гражданскаго права непримѣнимъ къ государствамъ, и что признаваемое справедливымъ въ отношеніяхъ между частными лицами не можетъ считаться справедливымъ въ отношеніяхъ между государствами. Такой принципъ самимъ Русскимъ Правительствомъ считается абсурднымъ [1]) Такъ, начало отвѣтственности за причиненный вредъ признается, какъ гражданскимъ, такъ и международнымъ правомъ. Но признается оно международнымъ правомъ не въ силу аналогіи съ гражданскимъ, а совершенно самостоятельно, какъ общепризнанная въ международныхъ отношеніяхъ норма, безъ которой эти отношенія абсолютно немыслимы [2]). Начало отвѣтственности—принципъ положительнаго международнаго права; оно вытекаетъ изъ многочисленныхъ декларацій, договоровъ и конклюдентныхъ фактовъ международной жизни Что же касается законовъ, дарующихъ государству извѣстныя привилегіи по сравненію съ его подданными, то они издаются одностороннею волею того же государства и, конечно, необязательны для прочихъ государствъ. Распространеніе началъ, установленныхъ этими законами, по аналогіи, на международныя отношенія, совершенно недопустимо въ тѣхъ случаяхъ (а ихъ большинство), когда законы различныхъ странъ не совпадаютъ: ибо тогда неизвѣстно, закону какого же государства отдать предпочтеніе. Но и въ случаѣ полнаго совпаденія отдѣльныхъ внутреннихъ законодательствъ, примѣненіе тѣхъ жъ началъ къ международнымъ отношеніямъ допустимо не въ силу аналогіи, а въ силу соображеній, почерпаемыхъ исключительно изъ международнаго права. Такого обоснованія своего тезиса Порта не даетъ. Она ссылается на римское и французское право, но не поясняетъ, почему римскіе законы объ освобожденіи государства отъ уплаты процентовъ или французскій законъ

---

[1]) «Il serait absurde de soutenir qu'aucun principe consacré par le droit privé n'est applicable aux Etats et que ce qui est juste entre particuliers ne saurait l'être entre les Etats» (Réplique Russe p. 26)

[2]) Ср. прекрасныя слова Mémoire Russe, p 28 «Le principe de la responsabilité est une de ces notions communes de justice, qui sont universellement reconnues par la conscience des peuples civilisés comme aussi conformes à la morale que nécessaires aux rapports sociaux et à l'intérêt réciproque des nations, elles sont la base même du droit des gens».

о давности должны быть признаваемы въ международныхъ отношеніяхъ.

Нужно также обратить вниманіе на другую непослѣдовательность турецкой аргументаціи Порта вполнѣ признаетъ «общее начало», что вознагражденіе за убытки составляется изъ понесеннаго ущерба (damnum emergens) и потерянной прибыли (lucrum cessans) [1]); далѣе, по мнѣнію Турецкаго Правительства, Судъ можетъ всегда присудить сверхъ суммы, причитающейся за нанесенный убытокъ, проценты, считая со дня совершенія дѣйствія, причинившаго ущербъ (fait dommageable); эти проценты слѣдуетъ разсматривать не какъ проценты умедленія, а какъ дополнительное вознагражденіе (réparation complémentaire) т. е. какъ компенсаціонные проценты [2]) Но, если стать на эту точку зрѣнія, то различіе между компенсаціонными и мораторными процентами, проводимое Портою, теряетъ всякое практическое значеніе. Такъ, если бы Гаагскому Третейскому Суду въ 1912 году было предложено высказаться объ убыткахъ и потеряхъ русско-подданныхъ за время войны 1877—78 годовъ, т. е., если бы онъ занялъ мѣсто Коммиссіи 1879 года, то, по теоріи самой Порты, Судъ могъ бы присудить ее къ уплатѣ 1) убытковъ, 2) процентовъ со дня причиненія этихъ убытковъ. Такимъ образомъ, подъ видомъ компенсаціонныхъ процентовъ, Россія получила бы тѣ же суммы, которыя Порта не желала платить за умедленіе. Такое различное отношеніе къ правамъ Россіи врядъ ли возможно основывать на томъ фактѣ, что убытки были опредѣлены Коммиссіею 1879 года, а не Третейскимъ Судомъ 1912 года.

§ 4.

Какъ Русское, такъ и Турецкое Правительство стараются подкрѣпить свои теоріи ссылками на международныя третейскія рѣшенія и Конвенціи.

Русское Правительство приводитъ 7 третейскихъ рѣшеній, устанавливающихъ начало, «что, если государство удерживаетъ вопреки праву въ теченіе извѣстнаго періода времени денежную сумму, оно обязано уплатить проценты за просрочку» (La Jurisprudence du droit des gens a consacré le principe que, quand une somme est induement retenue pendant plus ou moins longtemps par un Etat, celui-ci doit en payer les intérêts. Réplique Russe p. 28) [3]).

---

[1]) «Rien n'est plus naturel, en effet, que d'appliquer à la mesure de le réparation entre Etats, ou entre un Etat et les ressortissants d'un autre, le principe tout à fait général que le dédommagemment doit comprendre la perte subie (damnum emergens et le gain dont la victime a été privée— lucrum cessans») Contre-Réplique Ottomane § 313

[2]) Contre-Réplique Ottomane §§ 305- 309

[3]) Вотъ перечень этихъ третейскихъ рѣшеній Sentence Arbitrale, Etats-Unis-Chili, 15 mai 1863, Sentence Arbitrale Chili-Pérou, 7 avril 1875, Sentence Arbitrale Grande Bretagne-Nicaragua, 2 juillet 1881; Sentence Arbitrale, Etats-Unis-

Турецкое Правительство расходится съ Русскимъ относительно значенія приведенныхъ послѣднимъ прецедентовъ. По мнѣнію Порты, одно изъ третейскихъ рѣшеній, а именно постановленное Австрійскимъ Императоромъ по дѣлу Москитіи между Англіею и Никарагуа 2 Іюля 1881 года, отказываетъ истцу въ процентахъ умедленія, и не только потому, что обязательство, взятое на себя республикою Никарагуа, носило характеръ акта щедрости (libéralité), какъ то утверждаетъ Русское Правительство [1]). Другое рѣшеніе, постановленное Посланникомъ С.-А. Штатовъ по дѣлу между Чили и Перу 7 апрѣля 1875 г., не присуждаетъ процентовъ; арбитръ заявляетъ только, что въ основаніе рѣшенія имъ положенъ принципъ, что проценты должны быть присуждаемы лишь послѣ окончанія взаимныхъ расчетовъ между сторонами и въ случаѣ неуплаты долга [2]). Рѣшеніе Третейскаго Суда по дѣлу между Венецуелой и Мексикою 2 октября 1903 г., дѣйствительно, присудило Венецуелу къ уплатѣ процентовъ умедленія; но въ давномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со сдѣлкою частноправового характера между Мексикою (заимодавцемъ) и Венецуэлою (должникомъ) [3]). Рѣшеніе, присудившее проценты умедленія въ пользу націи Чоктавовъ (1875), не третейское, а исходитъ отъ Парламента Соединенныхъ Штатовъ [4]). Другія рѣшенія присудили должника къ уплатѣ не процентовъ умедленія, а процентовъ компенсаціонныхъ, являющихся вознагражденіемъ за нанесенный имъ вредъ (рѣшенія по дѣламъ между Соединенными С.-А. Штатами и Чили, постановленное Бельгійскимъ Королемъ 15 мая 1863 года; между Швеціей—Норвегіей и Венецуэлой, постановленное Третейскимъ Судомъ въ 1903 году) [5]). Только относительно одного изъ приведенныхъ Русскимъ Правительствомъ рѣшеній можно пожалуй допустить, да и то до извѣстной только степени, что имъ присуждены проценты умедленія. Это рѣшеніе—постановленное Смѣшанной Коммиссіей по, такъ называемому, дѣлу Спадафоры между Италіею и Колумбіею 9 апрѣля 1904 года; но и здѣсь присуждены скорѣе (plutôt) компенсаціонные проценты [6])

Vénézuéla, 5 décembre 1885, Sentence Arbitrale, Suède et Norvege - Vénézuéla 1903, Sentence Arbitrale, Italie-Colombie, 9 avril 1904, Sentence Arbitrale Mexique-Vénézuéla 2 octobre 1903. Къ этимъ рѣшеніямъ Русское Правительство присоединяетъ рѣшеніе Сѣверо-Американскаго Парламента, въ 1875 году, признавшаго Правительство Штатовъ обязаннымъ уплатить проценты умедленія племени Choctaws. См Mémoire Russe p 28 и Réplique Russe p 28 et 29.

[1]) Contre-Replique § 365.

[2]) Contre-Replique § 364.

[3]) Contre-Réplique § 358.

[4]) Contre-Réplique § 369.

[5]) Contre-Réplique §§ 363 et 366.

[6]) Contre-Réplique §§ 368 et 370. Ссылка Русской Реплики на рѣшеніе Третейскаго Суда между Соединенными Штатами и Венецуэлою 5 декабря 1885 г не могла быть провѣрена Турецкой Контръ-Репликою въ виду опечатки въ экземплярѣ Русской Реплики. Ср Contre-Réplique § 367.

Не довольствуясь этими возраженіями противъ значенія приведенныхъ Россіею прецедентовъ, Турецкое Правительство приводитъ длинную серію другихъ третейскихъ рѣшеній, якобы свидѣтельствующихъ въ пользу турецкаго тезиса [1]) Анализъ этихъ и предыдущихъ рѣшеній приводитъ Порту къ слѣдующимъ заключеніямъ:

«Общее или универсальное международное право, освященное международными договорами и рѣшеніями третейскихъ судовъ и особыхъ коммиссій, не содержитъ ни одного примѣра присужденія въ пользу истца, безъ особаго о томъ договорнаго постановленія, процентовъ за умедленіе въ уплатѣ долга, падающаго на государство и подчиненнаго по своему характеру и происхожденію международному, а не частному праву.

Въ случаяхъ, указанныхъ Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ, рѣчь шла или о компенсаціонныхъ процентахъ, а не о процентахъ умедленія; или же о послѣднихъ, но въ дѣлахъ, въ которыхъ государство-должникъ было обязано не по случаю осуществленія имъ своей публичной власти, и которыя посему относились къ области частнаго законодательства; что же касается другихъ прецедентовъ, то иногда проценты умедленія были исключены договоромъ, иногда въ нихъ отказывали судьи и коммиссары; если же они присуждались, то исключительно на основаніи особаго о томъ договорнаго постановленія.

То же самое нужно сказать по поводу другихъ случаевъ, а именно приведенныхъ г. Вебергомъ въ «Bank-Archiv» и тѣхъ, которые разобраны Контръ-Репликою Императорскаго Оттоманскаго Правительства.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ заключить, что общее международное право освобождаетъ государство—должника, поскольку оно дѣйствуетъ въ качествѣ публичнаго лица, отъ эвентуальной обязанности уплачивать проценты умедленія, тогда какъ это право широко допускаетъ возможность присужденія того же государства къ уплатѣ процентовъ компенсаціонныхъ [2]).

---

[1]) Contre-Réplique Ottomane §§ 328—357.

[2]) Conclusions Ottomanes (Contre-Réplique p. 84)

«Attendu

Quant au droit des gens, général ou universel, consacré dans les conventions internationales ou les sentences de tribunaux arbitraux ou de commissions spéciales, qu'il n'offre aucun précédent où, sans une prévision contractuelle spéciale, des intérêts moratoires aient été alloués à la Partie créancière, sur une dette due par un Etat et se trouvant soumise par son origine ou sa nature au droit des gens, et non au droit privé,

Que, dans les quelques cas allégués par le Gouvernement Impérial de Russie, il s'agissait, ou de dommages-intérêts compensatoires, et non de dommages-intérêts ou intérêts moratoires, ou d'allocation de ces derniers, mais dans des affaires où l'Etat débiteur ne l'était pas en vertu de l'exercice de sa puissance publique, affaires dès lors soumises à la législation privée; et que, dans d'autres précedents, les intérêts moratoires ont été exclus

§ 5.

Третейское рѣшеніе 11 ноября 1912 года рѣшительно высказывается противъ толкованія положительнаго международнаго права, предложеннаго Портою. По мнѣнію Суда, многочисленные прецеденты, приведенные Россіей и Турціею, одинаково устанавливаютъ принципъ отвѣтственности государствъ Порта неправа, устраняя изъ настоящаго процесса компенсаціонные проценты. Существуетъ очень тѣсная аналогія между этими процентами и процентами умедленія. Полною же является аналогія между присужденіемъ процентовъ, начиная съ извѣстнаго момента по случаю опредѣленія отвѣтственности извѣстною капитальною суммою, и присужденіемъ процентовъ за умедленіе въ уплатѣ капитала, уже опредѣленнаго договоромъ. Единственное различіе между этими двумя случаями заключается въ томъ, что въ первомъ проценты присуждаются судьею, такъ какъ долгъ до этого времени не подлежалъ взысканію, а во второмъ—размѣръ долга опредѣленъ договоромъ, и проценты подлежатъ взысканію автоматически при наличности протеста [1]).

Для того, чтобы поколебать значеніе этой тѣсной аналогіи, продолжаетъ третейское рѣшеніе, Порта должна была доказать существованіе международнаго обычая, по которому проценты умедленія не присуждаются, какъ таковые, въ видѣ исключенія изъ общаго правила отвѣтственности. Третейскій Судъ полагаетъ, что Портѣ не удалось доказать существованіе такого обычая, а что Русское Правительство наоборотъ, привело нѣсколько третейскихъ рѣшеній, присудившихъ въ

---

par convention, refusés par les juges ou commissaires, ou n'ont été accordés qu'en vertu d'une clause contractuelle dans ce sens,

Qu'il en est de même des autres cas, notamment de ceux cités par M. Wehberg dans la Bank-Archiv, et de ceux analysés par la Contre Réplique présentée au nom du Gouvernement Impérial Ottoman,

Qu'il y a, dès lors, lieu de conclure que le droit des gens général exonère l'Etat débiteur en sa qualité de Puissance publique de la charge éventuelle d'acquitter des intérêts moratoires, alors que le dit droit admet très largement la faculté de condamner le même Etat à des dommages-intérêts compensatoires»

[1]) «Le Tribunal pour les motifs indiqués plus haut, est, au contraire, de l'avis qu'il n'existe pas de raisons pour ne pas s'inspirer de la grande analogie qui existe entre les diverses formes de la responsabilité, cette analogie apparaît comme particulièrement étroite entre les intérêts dits moratoires, et les intérêts dits compensatoires, l'analogie paraît complète entre l'allocation d'intérêts à partir d'une certaine date à l'occasion de l'évaluation de la responsabilité en capital, et l'allocation d'intérêts sur un capital, fixé par convention et demeuré impayé par un débiteur en faute La seule différence est que, dans un des cas, les interêts sont alloués par le juge, puisque la dette n'était pas exigible et que, dans l'autre, le montant de la dette était fixé par convention et que les intérêts deviennent exigibles automatiquement en cas de mise en demeure». (Protocole et Sentence p. 93).

пользу государствъ проценты умедленія (хотя бы, иногда, и со спорными оттѣнками) [1]).

Въ виду сказаннаго Третейское Рѣшеніе резюмируетъ свое заключеніе по существу спора, съ точки зрѣнія теоретическаго и положительнаго международнаго права, слѣдующимъ образомъ. «Судъ полагаетъ, что Блистательная Порта, которая признала начало отвѣтственности государствъ, не можетъ оспаривать своей отвѣтственности по денежнымъ обязательствамъ, ссылаясь на свой характеръ Публичной Державы и на политическія и финансовыя послѣдствія такой отвѣтственности [2]).

§ 6.

Совершенно раздѣляя точку зрѣнія Третейскаго Суда, мы позволимъ себѣ въ подкрѣпленіе ея правильности привести еще нижеслѣдующія соображенія.

Изъ приведенныхъ Русскимъ Правительствомъ третейскихъ рѣшеній, Гаагскій Судъ нашелъ возможнымъ опереться на пять, указавъ однако только по поводу одного изъ нихъ, почему онъ считаетъ турецкія возраженія неосновательными: а именно, Гаагскій Судъ совершенно правильно замѣчаетъ, что Австрійскій Императоръ, по дѣлу Москитіи 1881 года, не отказалъ въ присужденіи процентовъ умедленія, какъ таковыхъ, а лишь въ виду того, что въ данномъ случаѣ постановленіе объ уплатѣ основного капитала носило характеръ акта щедрости [3]).

Переходя къ другимъ рѣшеніямъ, цитируемымъ Гаагскимъ Судомъ, замѣтимъ, по поводу рѣшенія по дѣлу между Мексикою и Венецуэлою 2 октября 1903 года, что турецкіе мемуары совершенно не доказали частно-правового характера обязательственныхъ отношеній между этими государствами; да и вообще въ подобныхъ случаяхъ,

[1]) «Le Tribunal est d'avis que cette preuve, non seulement n'a pas été faite, mais que le Gouvernement Imperial Russe a pu se prévaloir au contraire, de plusieurs sentences arbitrales dans lesquelles des intérets moratoires ont été, parfois, il est vrai, avec des nuances et dans une mesure discutables, alloués à des Etats» (Sentence p. 93).

[2]) Le Tribunal est donc d'avis que la Sublime Porte qui a accepté explicitement le principe de la responsabilité des Etats, n'est pas fondée à demander une exception à cette responsabilite en matière de dettes d'argent, en invoquant sa qualité de Puissance publique, et les conséquences politiques et financières de cette responsabilité» (Sentence p. 94)

[3]) Прибавимъ, что дѣло шло о неуплаченной субсидіи, которую республика Никарагуа обязалась передъ Англіею выплачивать главѣ племени Москитосовъ. Арбитръ нашелъ, что «Wenn aber die Subvention auch nicht den Charakter einer reinen Schenkung hat, so hat sie doch immerhin den Charakter einer remuneratorischen Liberalitat, und die aus der Natur eines solchen Rechtsverhaltnisses sich ergebende Billigkeit schliesst die Verpflichtung zur Zahlung von Verzugszinsen aus». (Contre-Réplique Ottomane § 365 Note I).

когда государство обязывается передъ государствомъ, публичный характеръ обѣихъ договаривающихся сторонъ не можетъ быть устраненъ и подчиняетъ ихъ отношенія международному, а не частному праву. Рѣшеніе по дѣлу Спадафоры между Италіей и Колумбіею 1904 года присудило въ пользу Италіи проценты со дня выдачи неисполненнаго ордера Коломбійскаго Правительства объ уплатѣ Спадафорѣ извѣстнаго денежнаго вознагражденія за конфискацію его имущества. Турецкая Контръ-Реплика полагаетъ, что въ данномъ случаѣ мы «скорѣе» (plutôt) имѣемъ дѣло съ вознагражденіемъ за понесенные убытки, (réparation compensatoire), однимъ изъ элементовъ котораго являются проценты на сумму, подлежащую уплатѣ по ордеру Коломбійскаго Правительства [1]). Произвольность такого заявленія не требуетъ доказательствъ. Даже съ турецкой точки зрѣнія слѣдуетъ признать, что здѣсь проценты присуждены за умедленіе.

Рѣшеніе Сѣверо-Американскаго Конгресса по дѣлу Штатовъ съ племенемъ Чоктавовъ (1875 года) не принимается въ разсчетъ Турціею, какъ постановленное не третейскимъ судомъ, а національнымъ законодательнымъ органомъ. Намъ кажется, напротивъ, что присужденіе Конгрессомъ собственнаго Правительства къ уплатѣ процентовъ умедленія націи Чоктавовъ имѣетъ большое принципіальное значеніе.

Что касается другихъ примѣровъ, приведенныхъ Русскимъ Правительствомъ, но не положенныхъ въ основаніе рѣшенія 11 ноября 1912 года, то относительно двухъ изъ нихъ, рѣшенія по дѣлу между Соединенными Штатами и Чили 1863 года и по дѣлу между Швеціей и Венецуэлой 1903 года, нужно признать, что ими государства-должники были присуждены къ возмѣщенію убытковъ, причиненныхъ конфискаціею (damnum emergens), и къ уплатѣ процентовъ, какъ вознагражденія за потерянную выгоду (lucrum cessans), т. е., по турецкой терминологіи, къ уплатѣ компенсаціонныхъ, а не мораторныхъ процентовъ [2]). Но за то мы должны констатировать, по дѣлу между Чили и Перу (1875), что турецкая контръ-реплика (§ 364) неточно утверждаетъ, будто арбитръ только выставилъ принципъ присужденія процентовъ въ случаѣ неуплаты долга. Какъ то было указано во время преній Агентомъ Русскаго Правительства и признано Агентомъ Турецкого, арбитръ въ чилійско-перуанскомъ спорѣ не только установилъ принципъ, но сдѣлалъ изъ него выводъ въ самомъ рѣшеніи [3]), которое поэтому можетъ служить прецедентомъ для русскаго тезиса.

---

[1]) «Il ne s'agit, somme toute, que d'une allocation de dommages-intérets compensatoires, dont un des éléments est l'intérêt de l'ordre de paiement demeuré en souffrance» (Contre Réplique Ottomane § 368, Note I)

[2]) (Contre-Réplique §§ 363 et 366).

[3]) Protocoles des Séances p. 51 et 69.

Турецкое Правительство старается доказать правильность своего тезиса, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя международныя конвенціи объ арбитражѣ (компромиссы) содержатъ специальное постановленіе о присужденіи процентовъ [1]); отсюда дѣлается выводъ, что проценты умедленія могутъ быть присуждаемы лишь на основаніи особой о томъ конвенціи [2]). Существуютъ однако третейскія записи, исключающія присужденіе процентовъ или вообще, или на опредѣленный срокъ послѣ постановленія рѣшенія [3]). Но тутъ уже Оттоманское Правительство отказывается сдѣлать выводъ a contrario и вспоминаетъ весьма кстати, что постановленія международныхъ договоровъ являются очень часто подтвержденіемъ или примѣненіемъ общихъ нормъ международнаго права [4]). Шаткость турецкой аргументаціи бросается въ глаза. Она всецѣло основана на предпосылкѣ, что по общему началу международнаго права государства не платятъ процентовъ умедленія; поэтому, договоры, запрещающіе присужденіе этихъ процентовъ, для Порты подтверждаютъ это начало; а договоры, предусматривающіе присужденіе, устанавливаютъ исключеніе. Очевидно, что Русское Правительство, исходящее изъ общаго начала отвѣтственности, можетъ съ одинаковымъ правомъ указывать на первые договоры, какъ на устанавливающіе исключеніе изъ этого начала, а на вторые, какъ на подтвержденіе его Третейское рѣшеніе 11 ноября 1912 года не сочло даже нужнымъ упомянуть объ этихъ софизмахъ Порты.

Не менѣе неудачною представляется намъ попытка Турецкаго Правительства доказать существованіе международнаго обычнаго права, предписывающаго государству-кредитору, желающему получать проценты умедленія, принять особыя мѣры для обезпеченія ихъ уплаты. Основываясь на примѣрѣ нѣкоторыхъ конвенцій, обязывающихъ государство-должника къ выдачѣ государству-кредитору или пострадавшимъ его подданнымъ бумагъ обыкновеннаго или особеннаго

---

[1]) См, напр, конвенціи между Великобританіею и Португаліею 1815—1817 годовъ; между Бразиліею и Великобританіею 1829 года; между Франціею и Аргентиною 1847 года. (Contre—Réplique § 352).

[2]) Contre-Mémoire § 118, Contre-Réplique § 355)

[3]) Конвенціи 1868, 1874 и 1876 г.г. между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Мексикою и конвенція 1868 г. между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Перу вообще исключаютъ присужденіе процентовъ (Contre-Réplique § 347), конвенція 1893 года между Великобританіею и Чили исключаетъ присужденіе процентовъ за годъ, слѣдующій послѣ постановленія рѣшенія (Contre—Réplique § 353), конвенція 19 января 1892 года между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Венецуэлою исключаетъ присужденіе процентовъ за 5 лѣтъ, слѣдующихъ послѣ постановленія рѣшенія (Contre—Réplique § 348).

[4]) «Il arrive constamment que telle stipulation d'un traité international n'est que la confirmation ou application du droit des gens commun». Contre—Réplique § 355.

государственнаго долга (titres de sa dette ordinaire ou d'une dette spéciale), Порта утверждаетъ, что при отсутствіи такой спеціальной гарантіи должникъ можетъ быть приговоренъ лишь къ уплатѣ капитальнаго долга [1]). На этомъ совершенно произвольномъ утвержденіи третейское рѣшеніе 11 ноября 1912 года не останавливается.

Полагая, что ему удалось установить отсутствіе въ общемъ международномъ правѣ обязанности къ уплатѣ процентовъ умедленія, Турецкое Правительство указываетъ далѣе, что не существуетъ также никакой особой практики между Россіей и Турціей, устанавливающей такую обязанность. Наоборотъ, вознагражденіе, къ уплатѣ коего Турція обязалась по Адріанопольскому миру 1829 года, было у м е н ь ш е н о Петербургскимъ трактатомъ 1834 года, и Константинопольскимъ 1836 года. Никогда, заявляетъ Порта, въ прошломъ, между Россіей и Турціей не заходила рѣчь о процентахъ умедленія въ аналогичныхъ случаяхъ [2])

Нельзя однако не согласиться съ Русскою Репликою [3]), что эти ссылки доказываютъ только необходимость новыхъ конвенцій для измѣненія первоначальнаго договора. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Россіи, по тѣмъ или другимъ причинамъ, было угодно не требовать даже всего капитальнаго долга, она не требовала и процентовъ за просрочку. Но въ данномъ случаѣ такихъ конвенцій, мѣняющихъ договоръ 1879 года, не было.

Обращаясь, наконецъ, къ самому договору 1879 года, Порта заявляетъ, что договоръ этотъ установляетъ чрезвычайное право (droit exorbitant) Россіи на индемнизацію русскихъ подданныхъ, находящихся на турецкой территоріи, Турецкимъ Правительствомъ, право, не вытекающее, по мнѣнію Порты, изъ общихъ международныхъ нормъ. Договоръ этотъ долженъ поэтому быть истолкованъ ограничительно, въ пользу обязавшейся Турціи и противъ побѣдительницы Россіи. Договоръ не упоминаетъ о процентахъ умедленія за просрочку уплаты вознагражденія, а, между тѣмъ, нѣкоторыя другія государства въ подобныхъ случаяхъ такую плату предусматривали въ конвенціи. Мало того, Россія особой конвенціею 14 мая 1882 г. выговорила себѣ отъ Турціи спеціальныя гарантіи въ обезпеченіе своего в о е н н а г о вознагражденія, чего она не сдѣлала относительно индемнизаціи своихъ подданныхъ. Наконецъ, тою же конвенціею 1882 года Россія отказалась отъ всякихъ процентовъ съ военнаго вознагражденія, а такъ какъ

---

[1]) Contre—Réplique §§ 356—357, «De semblables précédents font voir que les Etats créanciers d'indemnités, qui désirent les garantir ou leur faire porter intérêts, recourent à des combinaisons ad hoc, sans lesquelles ils reconnaissent implicitement n'avoir qu'une créance de capital dont le remboursement peut subir des retards du fait des embarras du trésor des Etats leurs débiteurs». (Contre—Réplique § 357)

[2]) Contre—Réplique §§ 376—377.

[3]) p p. 42—43.

индемнизацію русскихъ подданныхъ нужно разсматривать, какъ составную часть общаго выкупа (rançon générale), полученнаго Россіею по окончаніи войны, то и на эту индемнизацію нужно по аналогіи распространить льготу, освобождающую отъ платежа процентовъ умедленія [1]).

Русское Правительство возражаетъ на эту аргументацію Порты, что въ толкованіи договора 1879 года не представляется надобности, такъ какъ обязанность Порты платить проценты умедленія возникла не изъ договора, а по поводу его, вслѣдствіе неисполненія Турецкимъ Правительствомъ принятаго на себя обязательства, каковое неисполненіе и обусловливаетъ отвѣтственность этого Правительства по общимъ началамъ международнаго права [2]). Что же касается проводимой Портою аналогіи между военнымъ вознагражденіемъ и индемнизаціею русскихъ подданныхъ, то она на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Конвенція 1882 года заключена была въ то время, когда 5 статья договора 1879 года уже должна была быть исполнена, и устанавливала не немедленную уплату по предъявленіи требованій, а ежегодные платежи, обезпеченные спеціальными гарантіями и именно въ виду этихъ гарантій объявленные безпроцентными. Поэтому индемнизацію русско-подданныхъ никакъ нельзя считать придаткомъ военнаго вознагражденія. Изъ отказа отъ процентовъ съ аннуитетовъ военнаго вознагражденія можно только вывести, что такой отказъ долженъ быть спеціально выраженъ въ договорѣ.

Эти возраженія Русскаго Правительства намъ кажутся вполнѣ убѣдительными.

Разъ отвѣтственность государствъ признана началомъ положительнаго международнаго права и разъ договоръ 1879 года не содержитъ никакого спеціальнаго постановленія о неплатежѣ процентовъ, то Турція должна отвѣчать за умедленіе по общему праву. Третейское рѣшеніе 11 ноября 1912 г. оставило поэтому безъ вниманія турецкія теоріи относительно толкованія договора 1879 года

IV.

Предѣлы отвѣтственности Турціи.

§ 1.

Протестъ въ неплатежѣ.

Соединяетъ ли Международное Право умедленіе съ просрочкою, или же съ предъявленіемъ государствомъ-кредиторомъ государству-

[1]) Conclusions Ottomanes, Contre—Réplique pp. 85 -86; Contre—Mémoire Ottoman §§ 81, 85—88; Contre—Réplique Ottomane §§ 270—271.

[2]) Réplique Russe p. 22.

должнику протеста въ неплатежѣ (mise en demeure, Mahnung)? Долженъ ли этотъ протестъ спеціально упоминать о процентахъ умедленія для того, чтобы эти послѣдніе могли быть присуждены Судомъ?

Мемуаръ Русскаго Правительства заявляетъ, что неисполненіе Турціей обязательства, вытекающаго изъ международнаго трактата, должно быть обсуждаемо на основаніи международнаго права. Постановленія отдѣльныхъ законодательствъ непримѣнимы въ сферѣ международныхъ отношеній Это начало еще недавно легло въ основаніе двухъ третейскихъ рѣшеній Гаагскаго Суда. Одно изъ этихъ рѣшеній, по дѣлу «Fonds pieux de Californie» между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Мексикою, отъ 22 мая 1902 года, постановило: «что правила о давности относятся исключительно къ области гражданскаго права и потому непримѣнимы къ настоящему спору между двумя тяжущимися государствами». Другое рѣшеніе, по дѣлу «Ориноко» между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Мексикою, 25 Октября 1910 года, постановило, что уступка требованія (la cession d'une créance) безъ предварительнаго о томъ оповѣщенія есть только нарушеніе постановленія мѣстнаго законодательства, и, хотя подобное постановленіе встрѣчается и въ другихъ законодательствахъ, оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ велѣніе абсолютной справедливости» [1]). Равнымъ образомъ, по мнѣнію мемуара, постановленіе оттоманскаго закона, ставящее обязанность платить проценты умедленія въ зависимость отъ предъявленія соотвѣтственнаго требованія, (mise en demeure) непримѣнимо къ международнымъ отношеніямъ.

Впрочемъ, даже если предположить, что, по справедливости, (en équité) не слѣдуетъ неожиданно (par surprise) требовать съ государства-должника процентовъ умедленія, разъ ему никогда не напоминали объ исполненіи его обязательства,—въ данномъ случаѣ напоминанія Портѣ дѣлались въ теченіи 20 лѣтъ [2]).

Турецкій Контръ-мемуаръ [3]) находитъ, что съ государ-

[1]) Sentence dans l'affaire des Fonds pieux de Californie: «Considérant que le litige soumis à la décision du Tribunal d'Arbitrage consiste dans un conflit entre les Etats-Unis d'Amérique et les Etats-Unis Mexicains, qui ne sauraient être réglé que sur la base des traités internationaux et des principes de droit international, que les règles de la prescription étant exclusivement du domaine du droit civil ne sauraient être appliquées au présent conflit entre les deux Etats en litige». Sentence dans l'affaire de l'Orinoco «Considérant que le défaut de notification préalable de la cession d'une créance n'est que l'inobservation d'une prescription de la législation locale, et bien que pareille prescription se trouve aussi dans d'autres législations, elle ne peut être considérée comme exigée par l'équité absolue». (Mémoire Russe p. 32, Note).

[2]) «D'ailleurs, en supposant qu'en équité il convienne de ne pas rendre, par surprise, un Etat débiteur passible d'intérêts moratoires, alors qu'aucun avertissement ne l'a rappelé à l'observation de ses engagements» . Mémoire Russe p. 32.

[3]) Турецкій Contre-Mémoire (p.p 47—54) и турецкая Contre-Réplique (p p 69—71) со всякими оговорками (très subsidiairement) предусматриваютъ также случаи признанія кредиторами Турецкаго Государства не Россіи, а русско-подданныхъ, при чемъ вопросъ

ствомъ-должникомъ нельзя обращаться строже, чѣмъ съ частнымъ лицомъ Если даже признать, вопреки теоріи Порты, что Турецкое Правительство обязано уплатить проценты умедленія, то такая обязанность предполагаетъ во всякомъ случаѣ «дипломатическое предупрежденіе» (mise en demeure diplomatique) со стороны кредитора. Подъ «дипломатическимъ предупрежденіемъ» нужно разумѣть «предложеніе уплатить долгъ, вѣжливое по формѣ, но категорическое по существу» (une invitation, courtoise en la forme, mais catégorique dans le fond, d'avoir à acquitter sa dette) [1]).

Въ дальнѣйшемъ турецкій контръ-мемуаръ выставляетъ нѣсколько началъ всемірнаго права, (certains principes de droit universel), основанныхъ на элементарной справедливости (justice élémentaire), или, правильнѣе, вытекающихъ изъ природы вещей (la nature même des choses); начала эти обязательно (nécessairement) примѣняются, какъ къ отношеніямъ между государствами, такъ и къ отношеніямъ частныхъ лицъ между собою и съ государствами [2]).

Вотъ эти начала:

«Предупрежденіемъ» считается категорическое, повелительное и безусловное требованіе уплаты. (La «mise en demeure» doit consister en une demande catégorique, impérative et inconditionnelle de paiement).

Простыя оговорки касательно требованія процентовъ, а равно условное требованіе этихъ процентовъ не считаются предупрежденіемъ. (De simples réserves quant à une demande d'intérêts ne constituent pas une mise en demeure, pas plus qu'une réclamation conditionnelle de ces intérêts)

Предупрежденіе теряетъ свою силу, если кредиторъ, явнымъ или молчаливымъ волеизъявленіемъ, даровалъ должнику отсрочку. (Eût-il été mis en demeure, le débiteur cesse de l'être, lorsque le créancier lui a accordé expressément, ou tacitement, une prorogation de délai).

о процентахъ умедленія обсуждался бы по турецкому праву. На этотъ случай Порта старается доказать, что 4 требованія (requêtes) русско-подданныхъ, оффиціально переданныя Портѣ Русскимъ Посольствомъ (1881, 1882, 1887 и 1902 годовъ) не могутъ, по турецкимъ законамъ, считаться протестами. Протесты иностранныхъ подданныхъ противъ Оттоманскаго Правительства, по теоріи Порты, предъявляются ей либо черезъ турецкій нотаріатъ, либо черезъ соотвѣтственное Консульство, но не черезъ Посольство. Но Русское Правительство (Réplique pp. 37—39) совершенно правильно воспроизводитъ, что передача Портѣ прошеній и протестовъ частныхъ лицъ черезъ Посольства вполнѣ соотвѣтствуетъ практикѣ Этотъ споръ не имѣлъ, впрочемъ, никакого значенія для исхода дѣла, такъ какъ оба Правительства признали, что оно должно быть рѣшено на основаніи началъ Международнаго Права. Поэтому мы и не воспроизводимъ длинныхъ и совершенно безцѣльныхъ разсужденій турецкихъ мемуаровъ на эту тему.

[1]) Contre—Mémoire § 146,

[2]) Contre—Mémoire § 148.

Отсрочка уплаты капитала сама по себѣ влечетъ за собою отсрочку уплаты процентовъ. (La prorogation du délai pour le paiement du capital emporte en elle-même un nouveau délai pour le paiement des intérêts).

Предупрежденіе, сдѣланное послѣ уплаты части капитала, не можетъ служить основаніемъ для требованія процентовъ за эту уплаченную часть. (Une fois un acompte payé sur le capital, aucune mise en demeure ultérieure ne peut justifier une réclamation d'intérêts sur cet acompte)

Вообще же говоря, разъ капиталъ уплаченъ, хотя бы и съ умедленіемъ, кредиторъ не имѣетъ никакого права возбуждать требованіе объ уплатѣ процентовъ за это умедленіе. (Plus généralement, une fois le paiement du capital effectué, même avec retard, le créancier est sans aucun droit de réclamer rétrospectivement des intérêts moratoires»).

Русская Реплика указываетъ, что требованіе Россіи, основанное на трактатѣ 1879 года, сдѣлалось яснымъ и подлежащимъ исполненію (liquide et exigible) послѣ обмѣна ратификацій и сообщенія Портѣ постановленій Коммиссіи, опредѣлившей убытки русско-подданныхъ. Поэтому ни о какомъ предупрежденіи (mise en demeure) не могло быть рѣчи. «Mise en demeure» есть формальность, несоблюденіе которой можетъ повлечь за собою непринятіе иска къ разсмотрѣнію (fin de non recevoir).Но всѣ «fins de non recevoir» опредѣляются внутренними законодательствами, постановленія коихъ необязательны для государствъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Пожалуй, можно еще признать, что при срочныхъ обязательствахъ (obligation à terme), не содержащихъ условія о процентахъ, несправедливо (pas équitable) требовать процентовъ умедленія безъ всякаго предварительнаго напоминанія (avertissement préalable); но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ долгомъ, который долженъ быть уплаченъ немедленно [1]).

Турецкая Контръ-Реплика находитъ, что русскія возраженія «неопредѣленны и двусмысленны» (vagues et ambigues) и настаиваетъ на своей точкѣ зрѣнія [2]).

§ 2.

Третейское рѣшеніе 11 Ноября 1912 года гласитъ, что для опредѣленія предѣловъ отвѣтственности государства-должника слѣдуетъ установить по аналогіи основныя начала публичнаго и частнаго

---

[1]) Réplique Russe p.p. 39—40.

[2]) Contre—Réplique §§ 413—416

въ данной области [1]). Затѣмъ рѣшеніе выставляетъ слѣдующія положенія.

Всѣ европейскія законодательства признаютъ, по примѣру римскаго права, что государство, не исполнившее яснаго обязательства уплатить опредѣленную въ договорѣ денежную сумму, обязано уплатить проценты умедленія, какъ возмѣщеніе убытковъ (à titre d'indemnité forfaitaire); нѣкоторыя государства допускаютъ даже полное вознагражденіе (réparation complète) за всѣ понесенные отъ умедленія убытки. Точно также всѣ законодательства признаютъ, что умедленіе со стороны государства-должника начинается, по крайней мѣрѣ (au moins) съ тѣхъ поръ, какъ кредиторъ пригласилъ его къ исполненію; и лишь нѣкоторые законы идутъ дальше и соединяютъ умедленіе съ просрочкою. То обстоятельство, что большинство законодательствъ, по примѣру римскаго права, требуютъ особаго предупрежденія (mise en demeure expresse), объясняется тѣмъ, что кредиторъ виновенъ въ небрежности (manque de diligence), если онъ не настаиваетъ на уплатѣ яснаго и подлежащаго исполненію денежнаго требованія [2]).

Само Русское Правительство, продолжаетъ Третейское Рѣшеніе, допускаетъ, что по справедливости (en équité) не слѣдуетъ неожиданно (par surprise) требовать съ государства-должника процентовъ умедленія, разъ ему никогда не напоминали объ исполненіи его обязательства. (Mémoire Russe p 32). Что же касается доктрины, то, по Гефтеру [3]), при исполненіи публичнаго договора слѣдуетъ соблюдать умѣренность и справедливость, согласно правилу, предписывающему каждому

[1]) «Pour établir en quoi consiste cette responsabilité spéciale incombant à l'Etat débiteur d'une dette conventionnelle liquide et exigible, il convient maintenant de rechercher, en procédant par analogie, comme l'ont fait les sentences arbitrales invoquées, les principes généraux de droit public et privé en cette matière, tant au point de vue de l'étendue de cette responsabilité qu'à celui des exceptions opposables» (Sentence p 95)

[2]) «Les législations privées des Etats faisant partie du concert européen admettent toutes, comme le faisait autrefois le Droit romain, l'obligation de payer au moins des intérêts de retard à titre d'indemnité forfaitaire lorsqu'il s'agit de l'inexécution d'une obligation consistant dans le payement d'une somme d'argent fixée conventionnellement, liquide et exigible, et cela au moins à partir de la mise en demeure du débiteur Quelques législations vont plus loin et considèrent que le débiteur est déjà en demeure dès la date de l'échéance ou encore admettent la réparation complète des dommages au lieu des simples intérêts forfaitaires.

Si la plupart des législations ont, à l'exemple du Droit romain, exigé une mise en demeure expresse, c'est que le créancier est en faute de son côté par manque de diligence tant qu'il ne réclame pas le payement d'une somme liquide et exigible. (Protocoles et Sentence, p. 95)

[3]) Гефгеръ, Европейское Международное Право, переводъ Барона К. Таубе § 94; нѣмецкій текстъ интересующаго насъ здѣсь мѣста гласитъ. «Es darf ferner der Verpflichtete bei solchen Leistungen, welche nicht schon ganz bestimmt an einen bestimmten Zeitpunkt unaufschiebbar geknupft sind, vorerst die Aufforderung des Berechtigten erwarten, ehe er fur die Nachteile des Verzuges zu haften hat...»

обращаться съ другими такъ, какъ онъ желалъ бы, чтобъ съ нимъ поступали; слѣдуетъ поэтому даровать удобные сроки, дабы обязанная сторона потерпѣла какъ можно меньше ущерба; обязанное лицо въ правѣ ожидать предупрежденія кредитора, прежде чѣмъ отвѣчать за умедленіе, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда совершеніе какого-нибудь дѣйствія (Prestation, Leistung) связано съ опредѣленнымъ срокомъ, безъ возможности отсрочки.

Третейское рѣшеніе содержитъ также ссылку на сочиненіе Мериньяка [1]). Другихъ ссылокъ на доктрину третейское рѣшеніе не содержитъ.

Обращаясь затѣмъ къ судебной практикѣ, рѣшеніе 11 ноября 1912 года констатируетъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о присужденіи вознагражденія за убытки, причиненные умедленіемъ (dommages-intérêts moratoires), а не только процентовъ умедленія (intérêts moratoires), довольно многочисленныя международныя третейскія рѣшенія признали, что не всегда слѣдуетъ исчислять убытки со дня причинившаго ихъ дѣйствія [2]). Было бы поэтому несогласнымъ со справедливостью, продолжаетъ третейское рѣшеніе, провозгласить отвѣтственность государства-должника болѣе строгую, чѣмъ та, которая возлагается на частнаго должника многими (un grand nombre) европейскими законодательствами. Какъ указываетъ доктрина и по признанію самого Императорскаго Россійскаго Правительства, справедливость требуетъ, чтобы лицо, обязанное уплатить денежную сумму, не приносящую процентовъ, было предупреждено. По тѣмъ же причинамъ это предупрежденіе (mise en demeure) должно содержать прямое указаніе на требованіе процентовъ, а размѣры отвѣтственности не могутъ превосходить простыхъ процентовъ за убытки. Изъ переписки по настоящему дѣлу вытекаетъ, что Русское Правительство, нотою отъ 31 декабря 1890 — 12 января 1891 года, въ ясныхъ и совершенно категорическихъ выраженіяхъ потребовало отъ Порты уплаты,

---

[1]) Mérignhac, Traité de l'Arbitrage International, 1895 p. 290, ссылка сдѣлана на мѣсто, гдѣ обсуждается вопросъ, можетъ-ли третейскій судья руководствоваться справедливостью (équité)? Мериньякъ полагаетъ, что безусловное запрещеніе третейскому судьѣ руководствоваться идеею справедливости столь же опасно, какъ признаніе этой идеи единственнымъ источникомъ третейскихъ рѣшеній. Во первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда международное право не разрѣшаетъ какого-либо вопроса, судья долженъ по н волѣ обращаться къ идеѣ справедливости. Но и въ другихъ случаяхъ третейскому судьѣ идея справедливости часто можетъ служить основаніемъ для смягченія слишкомъ строгаго примѣненія принциповъ. Справедливость одно изъ основаній, какъ внутренняго положительнаго права народовъ, такъ и международнаго. Въ особенности же слѣдуетъ руководствоваться справедливостью въ вопросахъ, касающихся вознагражденія за убытки (dommages-intérêts) Mérignhac l. c. § 298.

[2]) «D'assez nombreuses sentences arbitrales internationales ont admis, même lorsqu'il s'agissait de dommages-intérêts moratoires, qu'il n'y avait pas lieu de les faire courir toujours dès la date du fait dommageable» Protocoles et sentence p. 95.

какъ капитала, такъ и процентовъ. Дипломатическія сообщенія (voie diplomatique) являются нормальнымъ и правильнымъ способомъ сношеній между государствами въ области ихъ публично-правовыхъ отношеній. Поэтому, сдѣланное предупрежденіе (mise en demeure) правильно по формѣ. Такимъ образомъ, Императорское Оттоманское Правительство должно считаться обязаннымъ уплатить проценты умедленія со времени полученія имъ этого предупрежденія [1]).

§ 3.

Рѣшеніе Третейскаго Суда въ вышеизложенной его своей части намъ кажется неправильнымъ.

Какъ мы видѣли, Турецкое Правительство не смогло доказать существованія положительнаго международнаго права (международныхъ соглашеній, обычаевъ, судебной практики), обязывающаго кредитора пригласить должника къ исполненію особымъ формальнымъ актомъ, подъ страхомъ потерять свое право на проценты умедленія. Третейское рѣшеніе точно также не опирается ни на международныя конвенціи (Conventions, Vereinbarungen), ни на международное обычное право, познаваемое изъ законовъ отдѣльныхъ государствъ международно-правового содержанія или договоровъ (traités, Vertrage). Изъ международной судебной практики дѣлается только весьма осторожный выводъ, что «не всегда слѣдуетъ исчислять убытки со дня причинившаго ихъ дѣйствія», другими словами, что иногда ихъ можно исчислять и со дня предупрежденія (mise en demeure). Что же касается доктрины, то третейскій судъ цитируетъ въ подкрѣпленіе своей теоріи только двухъ авторовъ, Геффтера и Мериньяка. При этомъ неизвѣстно, считаетъ ли судъ доктрину источникомъ права въ смыслѣ

[1]) «Il n'y a donc pas lieu, et il serait contraire à l'équité de presumer une responsabilité de l'Etat débiteur plus rigoureuse que celle imposée au débiteur privé dans un grand nombre de législations européennes. L'équité exige, comme l'indique la doctrine, et comme le Gouvernement Impérial Russe l'admet lui-même, qu'il y ait eu avertissement, mise en demeure adressée au débiteur d'une somme ne portant pas d'intérêts. Les mêmes motifs réclament que la mise en demeure mentionne expressement les intérêts, et concourent à faire écarter une responsabilité dépassant les simples intérêts forfaitaires

Il résulte de la correspondance produite que le Gouvernement Impérial Russe a expressément et en termes absolument catégoriques, réclamé de la Sublime Porte le payement du capital et «des intérêts» par note de son ambassade à Constantinople en date du 31 décembre 1890 (12 janvier 1891) Entre Etats la voie diplomatique constitue le mode de communication normal et régulier pour leurs relations de droit international public, cette mise en demeure est donc régulière en la forme.

Le Gouvernement Impérial Ottoman doit donc être tenu pour responsable des intérêts de retard à partir de la réception de cette mise en demeure». (Protocoles et sentence pp. 96).

нормативнаго факта, или лишь источникомъ познанія права. Мы вполнѣ признаемъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Петражицкимъ, что въ исторіи не только communis doctorum opinio, но и мнѣнія отдѣльныхъ ученыхъ (Гуго Гроція) имѣли значеніе нормативныхъ фактовъ [1]). Но врядъ ли за Геффтеромъ или Мериньякомъ—хотя они и выдающіеся ученые -слѣдуетъ признавать авторитетъ Гроція, а, съ другой стороны, мнѣнія двухъ только юристовъ, произвольно выбранныхъ, нельзя считать достовѣрнымъ источникомъ познанія современнаго международнаго права.

Итакъ, рѣшеніе Гаагскаго Суда основано не на положительномъ международномъ правѣ, а на справедливости (équité) Мы, впрочемъ, вполнѣ согласны съ Мериньякомъ, въ томъ, что третейскій судья въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ руководиться справедливостью. Нужно только условиться предварительно относительно значенія этого термина. Мы лично, принимая теорію профессора Петражицкаго, разумѣемъ подъ справедливостью не что иное, какъ интуитивное право, т е. право, отличающееся отъ положительнаго отсутствіемъ представленій нормативныхъ фактовъ (такъ называемыхъ источниковъ), присущихъ послѣднему. Выражаясь «въ сознаніи аттрибутивной обязательности соотвѣтственнаго поведенія независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ авторитетовъ», интуитивное право имѣетъ индивидуально-измѣнчивый характеръ, «интуитивныхъ правъ столько, сколько индивидовъ» [2]).

Такое пониманіе справедливости, конечно, рѣзко расходится съ тѣмъ, которое отождествляетъ ее съ «естественнымъ правомъ» въ смыслѣ прежней философіи права. Подъ справедливостью или интуитивнымъ правомъ мы отнюдь не разумѣемъ какое-то вѣчное право съ неизмѣннымъ содержаніемъ, на нашъ взглядъ, вообще на существующее Мы признаемъ, кромѣ того, вмѣстѣ съ профессоромъ Петражицкимъ, что, въ виду индивидуальнаго своего характера, интуитивное право далеко не всегда является «идеальнымъ» или болѣе совершеннымъ, чѣмъ положительное право [3]).

Очевидно, что интуитивное право суда весьма часто имѣетъ большое значеніе при рѣшеніи дѣла даже по положительному праву. Интуитивное право «оказываетъ давленіе на толкованіе и примѣненіе позитивнаго права въ направленіи достиженія рѣшеній, согласныхъ съ указаніями интуитивно-правовой совѣсти, или, по возможности, наименѣе съ этими указаніями расходящихся» [4]). Въ извѣстныхъ слу-

---

[1]) Петражицкій, Теорія Права и Государства II, 587—591.

[2]) Петражицкій, Теорія Права и Государства 1910, II, стр. 479 — 512, въ особенности стр. 479, 480 507

[3]) Петражицкій, II, стр. 482

[4]) Петражицкій, II, стр. 495—496.

чаяхъ, какъ то указалъ Мериньякъ, къ интуитивному праву (справедливости) необходимо обращаться для восполненія пробѣловъ положительнаго

Тѣмъ не менѣе обращеніе къ интуитивному праву возможно не во всѣхъ случаяхъ. Согласно глубоко-вѣрному психологическому анализу профессора Петражицкаго [1]), «правовая жизнь съ точки зрѣнія взаимоотношенія интуитивнаго и позитивнаго права распадается на три области: 1) область исключительнаго существованія и дѣйствія позитивнаго права, 2) область исключительнаго существованія и дѣйствія интуитивнаго права и 3) область параллельнаго существованія и дѣйствія обоихъ видовъ права» [2]). По мнѣнію профессора Петражицкаго, къ которому мы вполнѣ присоединяемся, «интуитивно-правовая нормировка распространяется на тѣ области отношеній къ другимъ, въ которыхъ дѣло идетъ о причиненіи извѣстнаго добра и зла (въ томъ числѣ извѣстной тягости, извѣстнаго имущественнаго бремени) или распредѣленія извѣстныхъ благъ или золъ между нѣсколькими субъектами... Поскольку же дѣло идетъ объ иного рода вопросахъ и отношеніяхъ, напр. о формальностяхъ, могущихъ быть по извѣстнымъ основаніямъ раціональными, необходимыми и т. д., о такихъ или иныхъ техническихъ способахъ и порядкахъ дѣйствій, могущихъ быть умѣстными или необходимыми съ точки зрѣнія цѣлесообразности, техники, политики, педагогики, но безразличныхъ съ точки зрѣнія распредѣленія добра или зла въ общемъ смыслѣ, не представляющихся въ сознаніи, какъ акты причиненія или полученія добра или зла, интуитивно-правовая совѣсть не реагируетъ, проявляетъ безразличное отношеніе; соотвѣтственныхъ правовыхъ переживаній не возникаетъ. «Такъ напр., продолжаетъ профессоръ Петражицкій, «порядка вызова наслѣдниковъ, охраны наслѣдства и проч. интуитивное наслѣдственное право не касается, но на вопросы, кому по совѣсти причитается наслѣдство, а равно на вопросы надлежащаго распредѣленія наслѣдства между сонаслѣдниками, такъ что-бы не было никому обиды, оно обыкновенно даетъ такіе или иные отвѣты» [3]).

Переходя къ третейскому рѣшенію, мы констатируемъ, что оно обращается къ справедливости (équité) для того, чтобы обосновать свою теорію, по которой кредиторъ имѣетъ право на проценты умедленія при соблюденіи двухъ условій: 1) условія приглашенія должника къ исполненію (mise en demeure) посредствомъ особаго акта и 2) условія спеціальнаго упоминанія въ этомъ актѣ о процентахъ умедленія. Но при этомъ, какъ мы видѣли, третейскій судъ не довольствуется простымъ указаніемъ на справедливость, а соединяетъ его съ ссылкою на «большое число европейскихъ законодательствъ». Можно поэтому

[1]) Петражицкій, II, стр. 488—492
[2]) Тамъ же, стр. 491
[3]) Тамъ же, стр 488—489.

БИБЛІОТЕКА

сказать, что рѣшеніе Гаагскаго суда постановлено, во имя справедливости, по аналогіи съ нѣкоторыми внутренними законодательствами. Эта теорія третейскаго суда заслуживаетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

Согласно господствующей и совершенно правильной доктринѣ, законы различныхъ государствъ никогда не могутъ служить источниками положительнаго международнаго права. Другими словами, они не могутъ считаться нормативными фактами въ области международнаго права, на которую они вовсе не расчитаны Если эти законы имѣютъ международноправовое содержаніе, то они могутъ служить источниками познанія международнаго обычнаго права [1]). Если же отдѣльные законы такого содержанія не имѣютъ, а регулируютъ только отношенія между частными лицами, или между частными лицами и государствомъ, то они не имѣютъ и характера источниковъ познанія положительнаго международнаго права.

Мы, конечно, не допускаемъ мысли, что третейскій судъ своей ссылкой на внутреннія законодательства хотѣлъ пріобщить эти послѣднія къ источникамъ положительнаго международнаго права· ибо въ такомъ случаѣ онъ не нуждался бы въ «справедливости», приводимой имъ какъ бы въ оправданіе этой ссылки Такимъ образомъ, намъ надлежитъ выяснить, что именно разумѣетъ третейскій судъ подъ «справедливостью»

Не трудно убѣдиться въ томъ, что судъ подъ этимъ терминомъ не разумѣетъ своей интуитивно- правовой совѣсти въ принятомъ нами смыслѣ Ибо, если эта совѣсть не содержитъ указаній на необходимость извѣстныхъ формальностей, то она, тѣмъ болѣе, не можетъ императивно указывать на примѣненіе этихъ формальностей только потому, что онѣ предписаны внутренними законами. Во первыхъ, гражданскіе законы различныхъ странъ часто между собою расходятся; которому отдать предпочтеніе? Намъ кажется, что выборъ, дѣлаемый Гаагскимъ судомъ въ пользу «большого числа европейскихъ законодательствъ», можетъ весьма часто оказаться неудачнымъ. Правда не всегда на сторонѣ большинства. Но даже если предположить совпаденіе всѣхъ гражданскихъ законовъ міра, рѣшеніе Гаагскаго суда, съ точки зрѣнія принимаемой нами теоріи права, логически несостоятельно: оно представляетъ полное смѣшеніе интуитивнаго права съ положительнымъ. Интуитивное право, или справедливость, по самой природѣ своей независимо отъ вліянія какихъ бы то ни было внѣшнихъ авторитетовъ, нормативныхъ фактовъ. А третейское рѣшеніе считаетъ «mise en demeure» въ международныхъ отношеніяхъ справедливой потому, что эта формальность требуется законами различныхъ государствъ!

Остается, поэтому, только предположить, что «справедливость» Гаагскаго Третейскаго суда есть не что иное, какъ естественное

[1]) Ср напр. Triepel l. c p 99, Heilborn въ Handbuch des Volkerrechts Stier-Somlo, 1912, p. 68

право въ старомъ его пониманіи, по которому международное право является лишь частью естественнаго [1]) И дѣйствительно при такомъ предположеніи, теорія Гаагскаго суда объ аналогичномъ примѣненіи частнаго права, во имя справедливости, становится вполнѣ понятною. Если подъ международнымъ правомъ разумѣть естественное право частныхъ лицъ, примѣненное къ междугосударственнымъ отношеніямъ. (angewandtes Naturrecht), то уже нѣтъ мѣста дуализму источниковъ международнаго права и права отдѣльнаго государства. То, что по «природѣ вещей» справедливо въ отношеніяхъ между частными лицами справедливо и въ отношеніяхъ между государствами [2])

Съ этимъ ученіемъ, вполнѣ совпадающимъ съ вышеприведенной теоріей «всемірнаго права», выставленной турецкимъ контръ-мемуаромъ, мы однако согласиться не можемъ. Мы не признаемъ естественнаго права съ постояннымъ, неизмѣннымъ содержаніемъ, одинаковымъ для частныхъ лицъ и для народовъ, а принимаемъ лишь идею справедливости съ индивидуально-измѣнчивымъ характеромъ Мы отвергаемъ поэтому положеніе, что, во имя «équité», нормы гражданскаго права отдѣльныхъ законодательствъ сами по себѣ, «по аналогіи», должны дѣйствовать и въ международныхъ отношеніяхъ. Такое положеніе не выдерживаетъ критики уже потому, что эти нормы обыкновенно не сходятся, мы опять-таки спросимъ, которыя же изъ нихъ дѣйствуютъ «по аналогіи» и какъ «справедливыя» въ международной области? А затѣмъ, и совпаденіе всѣхъ рѣшительно гражданско-правовыхъ нормъ отдѣльныхъ государствъ не могло бы явиться разумнымъ основаніемъ для ихъ примѣненія къ междугосударственнымъ отношеніямъ То, что можетъ быть справедливымъ для частно-правовой сферы, не всегда справедливо для международной, и наоборотъ [3]). Объ эти области несоизмѣ-

---

[1]) См. объ этомъ у Triepel Volkerrecht und Landesrecht pp. 128—129 и 211 225

[2]) Triepel l. c. p. 128—130.

Разбираемая теорія процвѣтала въ старой доктринѣ естественнаго права и привела, въ связи съ идеею патримоніальнаго государства и юридическими воззрѣніями феодальной эпохи, къ рецепціи многихъ нормъ римскаго и другихъ гражданскихъ правъ теоріею международнаго права, а иногда даже и международной практикою (Triepel l. c p 215, 221) Въ настоящее время положительное международное право эмансипировалось однако отъ такой рецепціи, или аналогичнаго примѣненія, гражданскаго. Современное международное право развивается совершенно самостоятельно, въ зависимости отъ особыхъ условій международной жизни и не заимствуя своихъ положеній изъ несоизмѣримой области, хотя положенія его могутъ совпадать съ нормами тѣхъ или иныхъ государственныхъ законовъ

[3]) Ср. И. А. Зиновьевъ, Извѣстія М. И. Д 1913, книга II, стр. 236 «Вообще постановленія какихъ-либо частныхъ кодексовъ, обязательныя для частныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть примѣняемы къ отношеніямъ между независимыми государствами, такъ какъ послѣднія въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ могутъ руководствоваться особыми соображеніями, каковыя не укладываются въ рамки частныхъ кодексовъ .. Въ виду этого третейскій трибуналъ поступилъ неправильно, примѣняя къ настоящему дѣлу статьи французскаго кодекса».

римы и утвержденіе Гаагскаго Суда, что отвѣтственность государства-должника не можетъ быть болѣе строгой, чѣмъ отвѣтственность частныхъ лицъ, является совершенно произвольнымъ.

Въ русско-турецкомъ спорѣ Судъ не могъ сослаться на совпадающее гражданское право цивилизованныхъ народовъ. «Справедливость» Суда требуетъ примѣненія началъ, принятыхъ «большимъ числомъ европейскихъ законодательствъ». Почему большое число (даже не большинство) въ данномъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія, Судъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ.

Если же бросить бѣглый взглядъ на эти законодательства, то недоумѣніе по поводу рѣшенія суда возрастаетъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (французскомъ, турецкомъ) умедленіе должника, а, слѣдовательно, и обязанность платить проценты умедленія, юридически наступаетъ лишь съ момента приглашенія должника къ исполненію, заявленнаго кредиторомъ въ той или другой формѣ [1]). Но существуютъ другія законодательства, не признающія необходимости такого приглашенія должника къ исполненію и соединяющія умедленіе съ просрочкою Таковы, напр., новое германское и итальянское законодательства, а также и русское [2]). Почему же «справед-

[1]) До послѣдняго времени французское законодательство предписывало кредитору денежной суммы для обезпеченія процентовъ умедленія требовать уплаты судебнымъ порядкомъ, и лишь въ случаяхъ другихъ обязательствъ довольствовалось предупрежденіемъ должника По закону же 1900 года, во всѣхъ случаяхъ достаточно предупрежденія должника (sommation).—99 ст. Прибавленія къ Турецкому Торговому Кодексу и 112 ст Турецкаго Устава Гражданскаго Судопроизводства гласятъ, что проценты умедленія, въ случаяхъ денежныхъ долговъ, исчисляются со дня предъявленія нотаріальнаго протеста или судебнаго иска, въ случаяхъ другихъ обязательствъ, турецкій законъ связываетъ умедленіе со всякимъ другимъ эквивалентнымъ оффиціальнымъ актомъ (ст 92 прибавленія къ турецкому торговому кодексу и 106 Уст. Гражд. Судопр.).

[2]) Германскій Гражданскій Кодексъ § 284, Alinea 2 «Ist für die Leistung eine Zeit nach dem Kalender bestimmt, so kommt der Schuldner ohne Mahnung in Verzug, wenn er nicht zu der bestimmten Zeit leistet».

Итальянскій Гражданскій Кодексъ § 1223 «Se l'obbligazione consiste nel dare o nel fare, il debitore e costituito in mora per la sola scaduta del termino stabilito nella convenzione». Что касается Русскаго законодательства, то ст. 570 ч. I т. X Свода Законовъ гласитъ: «Всякій договоръ и всякое обязательство, въ случаѣ неисполненія, производятъ право требовать отъ лица обязавшагося удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ оныхъ». Согласно рѣшеніямъ Правительствующаго Сената (1871 № 1245, 1874 № 103, 1876 № 62), условіе исполнить договоръ, а въ случаѣ неисполненія отвѣчать за убытки —подразумѣвается во всякомъ договорѣ. Законодательство наше содержитъ, впрочемъ, и болѣе категорическія предписанія по занимающему насъ вопросу «По общему правилу 72 ст Зак. Суд. Гражд. полагаются съ должника, не пришедшаго въ несостоятельность, проценты умедленія со времени просрочки. Счисленіе процентовъ со времени представленія обязательства ко взысканію установлено, только для обязательствъ, писанныхъ не на надлежащей бумагѣ (Касс. 1875. № 441). Хотя правило 72 ст. Зак. Суд. Гражд. о взысканіи процентовъ вошло въ составъ не I части X тома, но оно, по самому свойству своему, относится къ матеріальному праву, слѣдовательно, не устраняется съ изданіемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, въ тѣхъ

ливость» предписываетъ международному судьѣ примѣненіе, по аналогіи, французскаго или турецкаго права, а не русскаго, германскаго, итальянскаго?

§ 4.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, рѣшеніе Гаагскаго Суда въ данной его части должно быть признано совершенно произвольнымъ. Положительное международное право не содержитъ правила, связывающаго умедленіе государства-должника съ приглашеніемъ его къ исполненію посредствомъ особаго акта (mise en demeure) Поэтому совершенно невозможно перенести это правило, во имя «справедливости», изъ того или другого внутренняго законодательства въ международную сферу Тѣмъ болѣе такое заимствованіе странно со стороны суда, объявившаго [1]), что онъ будетъ руководствоваться международнымъ публичнымъ правомъ, и исключившаго, такимъ образомъ, не только частное, но и международное частное право [2]). Обращаясь, наконецъ, къ собственной интуитивно-правовой совѣсти, мы позволимъ себѣ высказать, что государство всегда обязано вознаграждать за причиненный имъ вредъ, и, что еще болѣе, чѣмъ частнымъ лицамъ, ему не пристало уклоняться отъ исполненія этой обязанности подъ предлогомъ несоблюденія кредиторомъ той или другой формальности.

Итакъ, по нашему мнѣнію, въ международныхъ отношеніяхъ умедленіе соединяется съ просрочкою, а не съ приглашеніемъ должника къ исполненію обязательства (mise en demeure). Поэтому государство, не исполнившее въ срокъ своего обязательства, не можетъ быть освобождено отъ отвѣтственности за нанесенный имъ ущербъ подъ предлогомъ, что государство-кредиторъ не напоминало ему о долгѣ. Государство-должникъ во всякомъ случаѣ обязано уплатить проценты умедленія со времени просрочки, независимо отъ какихъ бы-то ни было предупрежденій или напоминаній со стороны государства-кредитора.

§ 5

Отмѣтивъ произвольный, на нашъ взглядъ, характеръ теоріи Гаагскаго суда о необходимости особаго протеста со стороны государства-кредитора для обезпеченія его права на проценты умедленія

мѣстностяхъ, гдѣ сіи уставы дѣйствуютъ (Касс. 1879 г. № 64)» См. Побѣдоносцевъ. Курсъ Гражданскаго Права томъ III, стр. 89 Что касается векселей, то по простымъ векселямъ умедленіе соединяется съ просрочкою (Уст. Векс 106), по переводнымъ съ протестомъ относительно процентовъ, и съ предъявленіемъ ко взысканію относительно прочихъ издержекъ (Уст. векс 73, 118). См. Побѣдоносцевъ, томъ III стр. 145.

[1]) Protocoles et sentence p. 91

[2]) Вышеприведенныя рѣшенія Международныхъ Третейскихъ Судовъ по дѣламъ «Fonds pieux de Californie» и «Orinoco» вполнѣ подтверждаютъ нашу точку зрѣнія.

мы должны теперь констатировать, что въ данномъ дѣлѣ даже эта теорія не должна была бы привести къ извѣстному намъ рѣшенію. Какъ мы видѣли выше, Русское Правительство за періодъ времени отъ 1881 до 1902 г. протестовало много разъ противъ несвоевременнаго исполненія Турціею принятаго на себя обязательства. Третейскій Судъ не призналъ однако дѣйствительности всѣхъ этихъ заявленій. По его мнѣнію, первое русское предупрежденіе (mise en demeure) сдѣлано 31 декабря 1890 г./12 января 1891 г. и проценты умедленія должны исчисляться, начиная съ этого срока.

Къ такому выводу Третейскій Судъ могъ придти только путемъ присоединенія къ своей произвольной теоріи о необходимости особаго предупрежденія (mise en demeure) государства-должника, еще болѣ произвольнаго ученія о формальныхъ условіяхъ дѣйствительности этого предупрежденія. Основываясь на тѣхъ же мотивахъ, Гаагскій Судъ утверждаетъ, что актъ, устанавливающій умедленіе должника, непремѣнно долженъ содержать ясно выраженное требованіе процентовъ. Другими словами, для обезпеченія своего права на проценты умедленія недостаточно протестовать противъ неуплаты капитала [1]).

Такимъ образомъ, и въ данномъ вопросѣ Гаагскій Судъ примѣнилъ, во имя «справедливости», французское право къ международному спору. Но болѣе того. Предупрежденіе должника предписано французскимъ законодательствомъ; спеціальное же упоминаніе о процентахъ является лишь требованіемъ части французской юриспруденціи. По этому поводу мы съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ компетентный отзывъ одного изъ адвокатовъ Турецкаго Правительства въ Гаагскомъ процессѣ, профессора Рогэна [2]). Такимъ образомъ, международная «справедливость» въ

[1]) Il n'y a donc pas lieu, et il serait contraire à l'équité de présumer une responsabilité de l'Etat débiteur plus rigoureuse que celle imposée au débiteur privé dans un grand nombre de législations européennes. L'equité exige, comme l'indique la doctrine et comme le Gouvernement Impérial de Russie l'admet lui-même, qu'il y ait eu avertissement, mise en demeure adressée au débiteur d'une somme ne portant pas d'intérêts. Les mêmes motifs réclament que la mise en demeure mentionne expressément les intérêts. (Sentence p. 96) Слова «Les mêmes motifs», тѣ же мотивы, не могутъ относиться ни къ международной доктринѣ, ни къ Русскому Правительству. Ни Мериньякъ, ни Геффтеръ не высказались по вопросу о формѣ предупрежденія, а Русское Правительство никогда не признавало обязательности упоминанія о процентахъ умедленія въ актѣ, протестующемъ противъ неуплаты капитала, совершенно наоборотъ. Такимъ образомъ, слова рѣшенія «les mêmes motifs» относятся къ «справедливости» (équité), не допускающей возложенія на государство болѣе строгой отвѣтственности чѣмъ та, которая возлагается на должника большимъ числомъ европейскихъ законодательствъ.

[2]) «C'était un point également fort débattu que celui de savoir s'il suffisait de la demande de payement du capital, ou s'il fallait qu'elle portât elle-même sur les intérêts. La Cour de Cassation considérait la réclamation du capital comme suffisante pour faire courir les intérêts moratoires, la doctrine était en général en sens contraire, la jurisprudence des Cours d'Appel était divisée (Baudry-Lacantinerie p. 643). Voir Consultation, fournie à la Sublime Porte dans l'affaire des Indemnitaires Russes par M. E. Roguin p. 112.

рѣшеніи третейскаго суда совпала съ практикой нѣкоторыхъ французскихъ трибуналовъ.

Любопытно констатировать, что Порта, тоже защищающая необходимость спеціальнаго требованія процентовъ, не основываетъ ея на аналогіи съ внутренними законодательствами. Наоборотъ, Порта находитъ, что постановленія нѣкоторыхъ законодательствъ, по которымъ требованіе капитала обезпечиваетъ право на проценты, непримѣнимы въ международныхъ отношеніяхъ, такъ какъ международное право, по природѣ вещей, менѣе сурово относится къ должнику и не допускаетъ подразумѣваемыхъ требованій [1]). Эта теорія Порты, хотя и не грѣшитъ смѣшеніемъ интуитивнаго права съ положительнымъ, намъ кажется непріемлимой, потому что переноситъ въ область интуитивнаго права (справедливости) понятія совершенно ему чуждыя. Вопросъ о необходимости той или другой формальности никакъ не можетъ быть разрѣшенъ по велѣніямъ нашей совѣсти [2]). Такимъ образомъ, изъ того, что положительное международное право не устанавливаетъ формъ, въ которыя кредиторъ долженъ облечь дипломатическій протестъ въ неплатежѣ, мы заключаемъ, что государство-кредиторъ не теряетъ своихъ правъ на проценты умедленія, хотя бы въ своемъ протестѣ спеціально ихъ не оговорило.

§ 6.

Сказаннымъ не исчерпываются наши возраженія противъ рѣшенія Гаагскаго Суда. По нашему мнѣнію, Русское Правительство, не только съ 1891 г., а уже съ 1881 г. требовало процентовъ умедленія, а потому, даже становясь на точку зрѣнія Суда, нельзя было отказать Россіи въ этихъ процентахъ. Для доказательства этого тезиса мы обращаемся къ юридическому анализу дипломатической корреспонденціи въ періодъ времени отъ 1881 до 1891 года [3]).

Нотою отъ 29 января—10 февраля 1881 г., Императорское Россійское Посольство сообщило Портѣ, что Коммиссія, учрежденная въ силу V статьи Константинопольскаго мирнаго трактата 1879 года, присудила русскимъ подданнымъ, потерпѣвшимъ отъ войны 6.186.543 фр., т. е. менѣе трети суммы, на которую они заявляли притязанія (20.134.536 франковъ) и менѣе четверти максимума, предусмотрѣннаго трактатомъ (26.750.000 франковъ); при этомъ Посольство приглашало

---

[1]) Contre—Réplique Ottomane § 421 «Si, sous l'empire de certaines législations privées, une mise en demeure d'avoir à acquitter le capital peut être considérée comme comprenant implicitement celle des intérêts de retard, il ne saurait en être de même en droit de gens, moins rigoureux à cet égard pour le débiteur, par la nature même des choses. Il ne saurait y avoir, en droit international public, des réclamations implicites»

[2]) См. выше, § 3.

[3]) См. выше.

Порту уплатить ему 6 186.543 франка [1]). На это приглашеніе Порта, нотою отъ 9 іюня 1881 года отвѣтила уклончиво, оставляя за собою право сообщить Посольству рѣшеніе, которое приметъ Турецкое Правительство (mémoire Russe № 10). Послѣ этого прошло нѣсколько мѣсяцевъ и уплаты не послѣдовало. 23 сентября 1881 г. Императорское Посольство препроводило въ Порту, при нотѣ, заявленіе г. Россолато, представителя значительнаго числа русскихъ подданныхъ. Въ этомъ заявленіи г. Россолато приглашаетъ Порту (je prends la liberté de mettre, par les présentes, le Gouvernement Impérial Ottoman en demeure») сговориться съ нимъ въ 8 дневный срокъ относительно уплаты 4 милліоновъ франковъ, причитающихся его довѣрителямъ; въ противномъ случаѣ Россолато возлагаетъ на Порту отвѣтственность за всѣ убытки и обязанность платить проценты умедленія съ 4 милліоновъ франковъ [2]).

Турецкое Правительство находитъ, что нотою 23 сентября 1881 г. Русское Посольство только препроводило къ нему (transmis) петицію нѣкоторыхъ русскихъ подданныхъ. Эта петиція не является частнымъ протестомъ (mise en demeure privée) съ точки зрѣнія турецкаго закона, и не можетъ считаться дипломатическимъ предупрежденіемъ (mise en demeure diplomatique), такъ какъ нота Посольства не поддержала петиціи [3]). Русское Правительство, наоборотъ, смотритъ на ноту 23 сентября 1881 г., какъ на первое предупрежденіе (premier avertissement), сдѣланное имъ Портѣ [4]).

На вопросъ, имѣла ли петиція г Россолато характеръ частнаго протеста съ точки зрѣнія турецкаго закона, останавливаться излишне. Русское Посольство всегда стояло на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, что, по точному смыслу Сан-Стефанскаго и Константинопольскаго трактатовъ, кредиторомъ Турціи являлась Россія, а не русскоподданные. Вотъ почему нотою 29 января — 10 февраля 1881 года Императорское Посольство пригласило Порту уплатить ему (Посольству) капиталъ, причитающійся русскоподданнымъ. Въ «передачѣ» протеста г-на Россолато Порта должна была бы поэтому усмотрѣть лишь новое напоминаніе со стороны Посольства, а отнюдь не превращеніе дипломатическаго протеста въ частный. Изъ того обстоятельства, что нота 23 сентября 1881 г. не повторяла уже заявленнаго требованія капитала, нельзя было вывести, что Посольство отъ

---

[1]) Mémoire Russe, Annexes Document № 9.

[2]) «Passé ce délai sans que le Gouvernement Impérial Ottoman ait pris les dispositions nécessaires pour l'intervention de cette entente, je déclare le tenir d'ores et déjà responsable de tous dommages et intérêts et notamment des intérêts moratoires sur la somme susdite de 4 millions environ de francs, au taux légal du pays, de 12½ l'an, jusqu'à parfait payement» Mémoire Russe, № 11.

[3]) Contre-Mémoire Ottoman §§ 138 и 149, Contre-Réplique Ottomane § 421 note 2

[4]) Réplique Russe p. 41

него отказалось. А въ фактѣ, что эта нота «препровождала» также требованіе процентовъ умедленія, заявленное русско-подданными, Порта должна была увидать ясное предостереженіе· Посольство еще не требовало процентовъ отъ своего имени, но сообщало, что русско-подданные уже выставляютъ это притязаніе.

Правильность такого толкованія подтверждается тѣмъ, что, прождавъ болѣе года и препровождая протестъ представителя другой группы русско-подданныхъ, г-на Рота, Императорское Посольство, нотою 20 декабря 1882 — 1 января 1883 г., уже прямо его поддерживаетъ [1]). Можно ли допустить. что въ 1882 г. Посольство поддержало бы протестъ г-на Рота, если бы въ 1881 г. оно не поддержало протеста г-на Россолато? На нашъ взглядъ, обѣ ноты (23 сентября 1881 и 20 декабря 1882) являются предупрежденіями со стороны Посольства; фактъ, что лишь вторая содержитъ особое требованіе Посольства, объясняется желаніемъ произвести болѣе сильное давленіе, въ виду все яснѣе обнаруживающейся недобросовѣстности должника [2]).

Еще годъ прошелъ безъ всякой уплаты, хотя Султанъ почему-то нашелъ нужнымъ подтвердить рѣшеніе Коммиссіи, установленной 5 ст. договора 1879 г., и особымъ ирадэ предписалъ удовлетворить русско-подданныхъ, о чемъ Порта извѣстила Посольство нотою 9 октября 1883 г. [3]) 6/18 февраля 1884 г. Русскій Посолъ Нелидовъ обратился въ Порту съ нотою, которою «самымъ формальнымъ образомъ» проситъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ позаботиться о томъ, чтобы Министру Финансовъ были даны приказанія уплатить, «безъ дальнѣйшихъ промедленій» русско-подданнымъ присужденныя имъ суммы [4]) Трудно себѣ представить болѣе «формальный» и «категорическій» протестъ. Онъ не произвелъ однако должнаго впечатлѣнія на Порту. Нотою 21 іюня 1884 года, она отвѣтила предложеніемъ уплатить до конца года одну пятую часть причитающейся русско-подданнымъ суммы.

Такое отношеніе Порты къ обязательству, лежащему на ней въ силу мирнаго трактата, истощило, наконецъ, терпѣніе Императорскаго Посольства и вызвало съ его стороны весьма энергичную

---

[1]) «Les signataires de cette pièce protestent pour tous les dommages-intérêts causés par le non-paiement de leurs indemnités et mettent le Gouvernement Ottoman en demeure de payer les sommes, qui ont été adjugées à chacun d'eux. L'Ambassade Impériale ne s urait que soutenir cette juste réclamation de ses nationaux et vient derechef prier la Sublime Porte de procéder sans plus de retard au paiement des sommes susmentionnées».

[2]) Порта, впрочемъ, и ноту 1882 года разсматриваетъ, какъ «препроводительную». Contre-Réplique p 74 § 421 note 2.

[3]) Correspondance Diplomatique Pièce № 20.

[4]) «Je me vois obligé de Vous prier, Monsieur le Ministre, de la façon la plus formelle de vouloir bien faire provoquer des ordres catégoriques au Ministère des Finances afin que, conformément à l'Ordonnance Impériale susmentionnée, il procède sans plus de retard au payement des sommes adjugées aux sujets russes».

ноту 19 іюня—1 іюля 1884 года. Нота эта указываетъ, что Коммиссія, учрежденная въ силу 5 статьи Константинопольскаго трактата 1879 года, постановила свое рѣшеніе три года тому назадъ, и что, слѣдовательно, русско-подданные лишены въ теченіе трехъ уже лѣтъ процентовъ съ присужденныхъ имъ суммъ (Les sujets russes... subissent donc depuis trois ans une nouvelle perte d'intérêts sur les sommes qui leur sont adjugées). Заставить ждать русско-подданныхъ уплаты въ теченіе еще 5 лѣтъ было бы равносильно нанесенію имъ новыхъ убытковъ, на что Посольство никоимъ образомъ не можетъ согласиться. Императорское Посольство своимъ терпѣніемъ доказало, что оно принимаетъ во вниманіе положеніе турецкой казны. Нынѣ же оно принуждено, опираясь на Константинопольскій трактатъ, формально требовать полной уплаты присужденнаго русскимъ подданнымъ вознагражденія. Въ противномъ случаѣ Посольство будетъ принуждено признать за ними право требовать сверхъ капитала процентовъ, соотвѣтствующихъ умедленію въ исполненіи ихъ требованій [1]).

Турецкое Правительство заявляетъ въ своихъ мемуарахъ, что русская нота 19 іюня—1 іюля 1884 года содержитъ только условное требованіе процентовъ: изъ текста ноты слѣдуетъ, что Посольство до настоящаго времени не признавало за русско-подданными права на проценты умедленія и признаетъ за ними это право лишь въ томъ случаѣ, если Порта не произведетъ немедленно полной уплаты [2]). Русское Правительство возражаетъ, что, если даже допустить такое толкованіе Порты, то во всякомъ случаѣ „условіе", которому нота 19 іюня/1 іюля 1884 года подчинила требованіе процентовъ,—неплатежъ—на лицо. Но, помимо того, изъ предупрежденій, дѣлаемыхъ кредиторомъ, и указанія имъ на послѣдствія дальнѣйшаго уклоненія отъ платежа, нельзя вывести его намѣренія отказаться отъ процентовъ умедленія [3]).

---

[1]) «L'Ambassade Impériale, ayant par sa patience donné toutes les preuves de son désir de prendre en considération la situation du Trésor Ottoman, ne peut aujourd'hui que réclamer formellement, en se basant sur l'article susmentionne du Traité de Constantinople, le payement intégral des indemnités qui ont été adjugées aux sujets russes, et dont le montant doit être mis a sa disposition pour être distribué êntre les ayant droit.

Elle se verra obligée, dans le cas contraire, à leur reconnaître la faculté de prétendre outre le capital à des intérêts proportionnés au retard que subit le réglement de leur créance».

[2]) Contre-Mémoire § 152, Contre—Réplique § 423.

[3]) «Tout d'abord, même en admettant l'existence d'une semblable condition, on peut dire qu'elle s'est largement réalisée Mais il est bien évident que quand, par une sommation, un créancier met le débiteur en demeure de payer une dette depuis longtemps liquide et exigible, et déjà réclamée vainement plusieurs fois, quand le créancier rappelle à son débiteur à quelles conséquences il s'est exposé et s'expose en ne payant pas, il n'a pas l'intention apparemment d'abandonner toute créance de dommages-intérêts pour retard» (Réplique Russe p. 41).

Намъ кажется невозможнымъ отрицать, что требованіе процентовъ умедленія, содержащееся въ нотѣ 19 іюня—1 іюля 1884 года, сдѣлано въ условной формѣ. Оно не является поэтому тѣмъ „категорическимъ, повелительнымъ и безусловнымъ требованіемъ уплаты", которое Порта, согласно выставленнымъ ею началамъ „универсальнаго права", считаетъ дипломатическимъ предупрежденіемъ. На нашъ взглядъ, [1]) теорія Порты невѣрна, и требованіе процентовъ можетъ быть сдѣлано въ какой угодно, слѣдовательно и въ условной формѣ. Но въ данномъ случаѣ на нашей точкѣ зрѣнія излишне настаивать. Какъ то указываетъ Русское Правительство, условіе неплатежа, о которомъ говоритъ нота, впослѣдствіи наступило. Намъ кажется, сверхъ того, что, сравнивая ноту 19 іюня—1 іюля 1884 года съ предыдущ нельзя придти къ выводу, дѣлаемому Портою, будто Правительство раньше не признавало за потерпѣвшими права на проценты умедленія. Посольство передавало и поддерживало требованія русско-подданныхъ въ 1881 и 1882 годахъ. А посему ноту 1884 года нельзя понимать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что Русское Правительство заявляетъ объ отказѣ отъ своего права на проценты, при условіи, что Порта немедленно уплатитъ полностью (intégralement) свой долгъ. На то и другое,—на поддержку въ 1881 и 1882 годахъ требованій русскихъ подданныхъ, и на условный отказъ въ 1884 г.—Русское Посольство имѣло полное право, такъ какъ кредиторомъ Порты являлось Русское Правительство, а не русскіе подданные [2]).

10 декабря 1884 года Турецкое Правительсгво уплатило Посольству 50.000 тур. лиръ, въ счетъ общей суммы вознагражденія. Другими словами, Порта не уплатила своего долга полностью, какъ того требовала нота 19 іюня—1 іюля 1884 г; а потому «условное» требованіе процентовъ умедленія, заявленное этою нотою, превратилось въ категорическое и, стало быть, дѣйствительное даже съ точки зрѣнія Порты. При этомъ, согласно заключенію той же ноты, русско-подданные получили права на проценты, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ умедленію (proportionnés au retard), т. е. начиная съ 1881 года.

22 декабря 1885 г./3 января 1886 г. Русскій Посолъ вновь обратился въ Порту съ нотою, коей «самымъ настойчивымъ образомъ» про-

---

[1]) Ср выше

[2]) Редакція послѣдней фразы ноты 19 іюня—1 іюля могла бы, конечно, быть удачнѣе Было бы правильнѣе закончить ноту, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ. «L'Ambassade se verra obligée, dans le cas contraire, d'insister sur leur faculté de pretendre (вмѣсто «à leur reconnaître la faculté de prétendre») outre le capital à des intérêts proportionnés au retard que subit le règlement de leur créance». Тѣмъ не менѣе, несмотря на неудачное употребленіе слова «reconnaître» смыслъ ноты, особенно если ее сравнить съ предшествующей перепиской, совершенно ясенъ.

ситъ Порту уплатить «немедленно» остатокъ вознагражденія [1]). Нота эта раздѣлила участь предыдущихъ 15/27 февраля 1887 года [2]) Русскій Посолъ А. И. Нелидовъ вынужденъ былъ возобновить свои настоянія. Онъ констатируетъ, прежде всего, что съ 1884 г. Порта не сдѣлала, несмотря на многократныя обѣщанія, новаго взноса вознагражденія. Это тѣмъ болѣе странно, что требованія другихъ иностранныхъ подданныхъ, болѣе поздняго происхожденія и основанныя на менѣе торжественныхъ обязательствахъ, были удовлетворены полностью. Посолъ передаетъ новое прошеніе русско-подданныхъ и вновь проситъ Министра самымъ настойчивымъ образомъ принять мѣры къ немедленной уплатѣ остатка суммъ, слѣдуемыхъ русскимъ подданнымъ. «Дальнѣйшія просрочки заставили бы Императорское Правительство потребовать въ пользу своихъ подданныхъ процентовъ за умедленіе въ удовлетвореніи требованій, которое, по тексту договора, должно было имѣть мѣсто по мѣрѣ разсмотрѣнія ихъ Посольствомъ и представленія Блистательной Портѣ» [3]).

Турецкое Правительство толкуетъ послѣдній параграфъ ноты 15 27 февраля 1887 года въ томъ смыслѣ, что Русское Правительство окончательно отказывается отъ процентовъ умедленія за уже полученные 50.000 лиръ; Порта констатируетъ, сверхъ того, что Посольство опять-таки требуетъ процентовъ умедленія въ условной формѣ [4])

Толкованіе Порты по первому пункту вызываетъ сомнѣнія. Что же касается условнаго требованія процентовъ, то оно, какъ и раньше, превратилось очень быстро въ положительное: Порта не уплатила немедленно всего оставшагося капитальнаго долга, какъ того требовала нота 15/27 февраля 1887 г.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 5/17 іюля 1887 г., Посольство, очевидно, руководимое желаніемъ хоть сколько нибудь облегчить тяжелое положеніе русско-подданныхъ, предложило портѣ уплатить немедленно по крайней мѣрѣ 100.000 тур. лиръ [5]). Но Порта этой льготой не воспользовалась и предпочла по прежнему уклоняться отъ исполненія своего обязательства по отношенію къ Россіи, хотя въ то же время находила средства для значительныхъ заказовъ за границею. Указывая на это послѣднее обстоятельство, Русскій Посолъ,

---

[1]) «Je crois devoir Vous prier, Monsieur le Ministre, de la façon la plus pressante, de faire prendre par le Ministère des Finances les mesures nécessaires pour acquitter sans plus de retard le restant de ce qui est dû aux sujets russes» (Mémoire Russe, Document № 20).

[2]) Mémoire Russe, Document № 21.

[3]) «De nouveaux ajournements obligeraient le Gouvernement Impérial à réclamer en faveur de ses nationaux des intérêts pour les retards que subit le réglement de leurs créances, lequel devait, d'après les termes du Traité, s'effectuer a mesure qu'elles seraient examinées par l'Ambassade et transmises à la Sublime Porte».

[4]) Contre-Mémoire Ottoman § 154

[5]) Memoire Russe, Document № 22.

нотою отъ 26 ноября/8 декабря 1887 года [1]), счелъ нужнымъ «протестовать противъ подобнаго безпечнаго отношенія Оттоманскаго Правительства къ своимъ обязательствамъ относительно русско-подданныхъ и напомнить ему о нихъ самымъ категорическимъ образомъ». Въ заключеніе, Посолъ пригласилъ Министра приступить къ погашенію этихъ требованій ранѣе производства платежей по обязательствамъ позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ соглашеніе (arrangement) о вознагражденіи, слѣдуемомъ русско-подданнымъ [2]). Въ разбираемой нотѣ Русское Посольство не повторяетъ своего предложенія принять частичный взносъ въ 100.000 лиръ, молчаливо уже отклоненнаго Портою. Посольство настаиваетъ на преимущественномъ удовлетвореніи требованій, вытекающихъ изъ соглашенія (arrangement) касательно вознагражденія русско-подданныхъ [3]). Другими словами, нотой 26 ноября/8 декабря 1887 г. Русское Посольство оффиціально возвращается къ status quo ante, т. е. оно требуетъ немедленной и полной уплаты капитала. И, разумѣется, требованіе процентовъ, условно заявленное, 15/27 февраля 1887 года, ставшее положительнымъ за отсутствіемъ платежа со стороны Порты, но временно потерявшее силу вслѣдствіе предложенія ноты 5—17 іюля, вновь превращается въ положительное [1]).

Многократныя представленія Русскаго Посольства вызвали, наконецъ, Порту на отвѣтъ. Нотой отъ 1 февраля 1888 года Турецкое Правительство заявляетъ, что положеніе казны, къ несчастью, лишаетъ его возможности непосредственно (directement) приступить къ уплатѣ своего долга русско-подданнымъ, въ виду этого, генералъ-губернаторамъ нѣкоторыхъ областей посланы приказанія собрать, какъ можно скорѣе, слѣдуемыя русско-подданнымъ суммы. Нота кончается извиненіями. Порта надѣется, что Посольство признаетъ, что умедленіе

---

[1]) Mémoire Russe, Document № 23.

[2]) «De procéder au payement des créances en question avant tout autre versement à faire en vertu d'obligations postérieures à l'arrangement relatif aux indemnités dues aux sujets russes».

[3]) Подъ словомъ «arrangement» нужно, очевидно, разумѣть договоръ и протоколъ 1879 г, а не предложеніе ноты 5/17 іюля 1887 г. какъ то силится доказать Порта (Contre-Réplique § 432) Во первыхъ, никакого «arrangement» не состоялось, а было лишь предложеніе. Далѣе, если принять толкованіе Порты, то оказалось бы, что Русское Посольство не протестовало противъ удовлетворенія, р а н ѣ е р у с с к о-п о д д а н н ы х ъ, всѣхъ иностранныхъ кредиторовъ Турціи, требованія коихъ возникли послѣ договора 1879 года вплоть до 5/17 іюля 1887 года, и требовало преимущественнаго удовлетворенія русско-подданныхъ лишь по отношенію къ лицамъ, требованія коихъ возникли между (5/17) іюля и 26 ноября (8 декабря) 1887 года. Наше толкованіе подтверждается также текстомъ русской ноты 26 января (7 февраля) 1888 года, приводимомъ ниже.

[4]) Réplique Russe p.p. 43—44

(retards) въ уплатѣ произошло по причинамъ, совершенно независящимъ отъ воли Турецкаго Правительства [1]).

Въ своемъ отвѣтѣ Русское Посольство не преминуло вновь подчеркнуть (26 января 7 февраля 1888), что Порта произвела значительныя уплаты иностраннымъ подданнымъ по обязательствамъ позднѣйшаго происхожденія, нежели ея долгъ русскоподданнымъ. Нота заканчивается спѣшнымъ (d'urgence) требованіемъ, чтобы слѣдуемыя русскоподданнымъ суммы были немедленно и ранѣе производства всякихъ другихъ платежей (immédiatement et avant tout autre payement) уплачены изъ поступленій, ожидаемыхъ отъ барона Гирша [2]). Нота не упоминаетъ специально о процентахъ умедленія. Но изъ этого обстоятельства никакъ нельзя вывести отказа отъ нихъ Посольства: требованіе 1887 года, какъ мы уже выше сказали, изъ условнаго давно превратилось въ положительное и подкрѣпляется самымъ фактомъ новой ноты, свидѣтельствующей о неуплатѣ капитала.

3 апрѣля 1889 года Турецкое Правительство произвело вторую опять таки частичную уплату, въ размѣрѣ 50.000 тур. лиръ [3]). 17 29 іюня 1890 г. Русское Посольство вновь потребовало окончательнаго погашенія долга (un nouveau versement pour l'extinction de cette créance [4]), а 31 декабря 1890 12 января 1891 повторило свое требованіе въ болѣе рѣзкой формѣ. Отмѣтивъ, что изъ 265.000 турецкихъ лиръ, присужденныхъ Коммиссіей, пока уплачены лишь 100.000 и указавъ на все болѣе возрастающіе убытки русскоподданныхъ, Императорскій Посолъ заключаетъ: «Я долженъ просить Ваше Превосходительство принять мѣры къ отдачѣ немедленныхъ приказаній, кому слѣдуетъ, дабы сумма, слѣдуемая нашимъ подданнымъ, была имъ уплачена безъ промедленія, вмѣстѣ съ законными процентами, относительно которыхъ я имѣлъ честь предупредить Блистательную Порту нотою отъ 15 27 февраля 1887 г за № 77» [5]).

Русская нота 31 декабря 1890 12 января 1891 г. признается Турецкимъ Правительствомъ первымъ дипломатическимъ требованіемъ (mise en demeure diplomatique), такъ какъ въ ней Русскій Посолъ впервые категорически потребовалъ процентовъ умедленія [6]).

---

[1]) «En portant ce qui précède à la connaissance de Votre Excellence, j'aime à espérer qu'Elle voudra bien reconnaître que les retards apportés au règlement de ces arriérés tiennent à des causes absolument indépendantes de la volonté du Gouvernement Impérial». Mémoire Russe Document № 24

[2]) Mémoire Russe, Document № 25

[3]) Mémoire Russe, Document № 26

[4]) Mémoire, Document № 27

[5]) «Je crois devoir prier Votre Excellence de provoquer des ordres immédiats à qui de droit pour que la somme due à nos sujets leur soit payée sans retard, aussi bien que les intérêts légaux au sujet desquels j'ai eu l'honneur de prévenir la Sublime Porte par ma Note du 15/27 février 1887 № 77».

[6]) Contre-Mémoire Ottoman § 162 p. 59.

Этотъ взглядъ раздѣляется, какъ мы видѣли, Гаагскимъ Третейскимъ судомъ, постановившимъ, что Турецкое Правительство обязано платить проценты умедленія со времени полученія имъ вышеупомянутаго дипломатическаго предупрежденія. Намъ кажется однако, что вышеприведенная дипломатическая корреспонденція не оправдываетъ такого постановленія. Даже если принять совершенно невѣрную на нашъ взглядъ теорію Третейскаго Суда о необходимости категорическаго и ясно выраженнаго требованія процентовъ умедленія, невозможно отрицать, что условныя требованія уплаты, предъявленныя Посольствомъ въ 1884 и въ 1887 годахъ, превратились въ категорическія вслѣдствіе наступленія содержащагося въ нихъ условія, т. е. вслѣдствіе неисполненія Турціей полностью своего обязательства.

§ 7

Резюмируя свою критику разбираемой части третейскаго рѣшенія, мы скажемъ:

1) Гаагскій Третейскій Судъ неправъ, утверждая, что государство-должникъ обязано платить проценты умедленія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда государство-кредиторъ протестовало противъ неуплаты посредствомъ особаго акта (mise en demeure diplomatique);

2) Третейскій Судъ неправъ, утверждая, что актъ, содержащій протестъ противъ неуплаты капитала, долженъ непремѣнно содержать спеціальное требованіе процентовъ умедленія;

3) Третейскій Судъ неправъ, устанавливая, что это требованіе процентовъ должно непремѣнно быть облечено въ «категорическую» форму.

По нашему мнѣнію, Гаагскій Судъ долженъ былъ присудить Порту къ уплатѣ процентовъ умедленія, начиная не съ 1891, а съ 1881 года:

1) потому, что международное публичное право не знаетъ дипломатическихъ протестовъ;

2) потому, что Русское Посольство, несмотря на это обстоятельство, начиная съ 1881 года и вплоть до 1891 г., неоднократно протестовало противъ неуплаты Турціею капитала;

3) потому, что Посольство въ 1884 и 1887 годахъ предупреждало Турецкое Правительство о томъ, что потребуетъ процентовъ умедленія въ случаѣ дальнѣйшихъ уклоненій Порты отъ полной и немедленной уплаты своего долга.

V.

Возраженія Турецкаго Правительства.

На случай признанія Третейскимъ судомъ его отвѣтственности, Оттоманское Правительство представило цѣлый рядъ возраженій (exceptions).

Первое возраженіе.

Непреодолимая сила. (Force majeure).

Турецкое Правительство утверждаетъ, что, какъ частное лицо, такъ—тѣмъ паче—и государство, не могутъ быть присуждаемы къ уплатѣ процентовъ умедленія, если исполненію обязательства препятствовала непреодолимая сила. Государство—должникъ sui generis, который, при извѣстныхъ условіяхъ внутренней или внѣшней политики, даже обязанъ отсрочить уплату нѣкоторыхъ долговъ [1]).

За періодъ времени отъ 1881 г. до 1902 г.г. Оттоманскому Правительству приходилось бороться съ величайшими внутренними и внѣшними затрудненіями, которыя сильно поколебали состояніе его финансовъ [2]). Въ частности, можно доказать, что въ тѣ именно эпохи, когда Турецкое Правительство уплачивало части вознагражденія, слѣдуемаго русскоподданнымъ, оттоманской казнѣ приходилось считаться съ постоянно возрастающимъ дефицитомъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что значительная часть доходовъ Порты служила обезпеченіемъ исполненія другихъ ея обязательствъ, [3]), т. е. платежей по займамъ, а также взносовъ военнаго вознагражденія той же Россіи [4]). Частичныя уплаты вознагражденія, слѣдуемаго русско-подданнымъ были произведены изъ чрезвычайныхъ доходовъ казны или послѣ особыхъ финансовыхъ операцій [5]).

Впрочемъ, сама Россія, которая еще на Берлинскомъ Конгрессѣ освѣдомилась о печальномъ состояніи турецкихъ финансовъ, принимала иногда во вниманіе это обстоятельство, ибо въ теченіе нѣкоторыхъ періодовъ времени не настаивала на немедленной уплатѣ [6]).

Говорятъ, что сумма въ 6 милліоновъ франковъ не велика;—но государство нуждается иногда во всей наличности своей казны для производства необходимыхъ и не терпящихъ отлагательства расходовъ. Наконецъ, указываютъ, что Турція произвела за это время нѣсколько уплатъ другимъ своимъ иностраннымъ кредиторамъ: но такія уплаты имѣли мѣсто лишь въ виду особыхъ обстоятельствъ или вслѣдствіе мѣръ принужденія, принятыхъ противъ Турціи [7]).

---

[1]) «L'Etat est un débiteur sui generis auquel les nécessités de la politique intérieure et internationale peuvent malheureusement faire un devoir de laisser en souffrance certaines de ses dettes» (Contre—Mémoire Ottoman § 121).

[2]) См документы, представленные Турецкимъ Правительствомъ «Situation Financière du Gouvernement Ottoman de 1878 à 1903», а также Annexe II à la Contre—Réplique.

[3]) Conclusions Ottomanes, Contre—Réplique p.p 87—88.

[4]) Contre—Réplique § 386.

[5]) Contre—Mémoire § 127.

[6]) Contre—Mémoire 124; Contre—Replique p. 88.

[7]) «Quant aux sommes que le Gouvernement Ottoman a pu verser à des particuliers étrangers, elles l'ont été parceque ou les circonstances, ou des mesures coercitives prises àson égard lui en faisaient une nécessité absolue» (Contre-Mémoire Ottoman § 126).

Русское Правительство отвѣчаетъ, что доктрина и практика международнаго права очень тщательно опредѣлили тѣ совершенно исключительныя условія, на которыя ссылается Порта [1]). Какъ замѣчаетъ Анцилотти [2]), государство не можетъ считать себя освобожденнымъ отъ исполненія своихъ международныхъ обязанностей во имя того или другого, хотя бы важнаго, государственнаго интереса; только въ тѣхъ случаяхъ, когда самому существованію государства грозитъ опасность, можно допустить такое неисполеніе договора. Въ данномъ же случаѣ нельзя утверждать, что уплата 6 милліоновъ франковъ грозила такою опасностью. Сама Порта признаетъ, что, уступая абсолютной необходимости, она нѣсколько разъ производила уплаты кредиторамъ по обязательствамъ, возникавшимъ послѣ договора 1879 года. Неужели Порта полагаетъ, что исполненіе обязательства, наложеннаго этимъ договорамъ, не составляло абсолютной необходимости? Или она вмѣняетъ Россіи въ вину обстоятельство, что эта послѣдняя не прибѣгнула къ физическому принужденію? [3]) Что же касается утвержденія Порты, будто Россія еще на Берлинскомъ конгрессѣ знала, что Турція не въ состояніи уплатить ни капитальнаго долга, ни процентовъ,—то оно неточно: Берлинскій конгрессъ вовсе не занимался вознагражденіемъ потерпѣвшихъ отъ войны русско-подданныхъ [4]).

Не слѣдуетъ также забывать, что организація Оттоманскаго Публичнаго Долга несомнѣнно улучшила положеніе турецкихъ финансовъ. Кромѣ того, мы видимъ, что по конвенціи 2/14 мая 1882 г. сумма доходовъ отъ налоговъ, служащихъ обезпеченіемъ военнаго вознагражденія, должна превосходить на 1/4 сумму, уплату коей эти налоги обезпечиваютъ [5]). А въ своей нотѣ отъ 28 мая 1896 г. Порта сама заявляетъ, что сумма ежегодныхъ доходовъ съ десятиннаго сбора въ 5 вилайетахъ, служащихъ обезпеченіемъ русскаго военнаго вознагражденія, равняющаяся 814.000 тур. лирамъ, въ дѣйствительности значительно (почти вдвое) превышаетъ размѣры аннуитета, который она обязана выплачивать по конвенціи 1882 года (420.000 тур лиръ) [6]). Наконецъ, если сравнить турецкіе займы за періодъ времени отъ Декрета Мухаррема до 1901 года съ различными амортизаціями за тотъ же періодъ, то окажется, что займовъ было заключено на 19 милліоновъ турецкихъ лиръ, а амортизировано на 34 милліона тур. лиръ,

---

[1]) Réplique Russe p. 33

[2]) Anzilotti. La responsabilité internationale des Etats, Revue Générale de Droit International public t. XIII p 304.

[3]) Réplique Russe p. 33.

[4]) Réplique Russe p. 22.

[5]) Réplique Russe p.p 34—35.

[6]) Mémoire Russe, Annexes, Document № 42.

т. е. на 350 милліоновъ франковъ болѣе, чѣмъ было занято [1]). Такимъ образомъ, Порта имѣла полную возможность уплатить вознагражденіе слѣдуемое русскимъ подданнымъ.

Третейское Рѣшеніе 11 ноября 1912 года признаетъ, что въ международныхъ отношеніяхъ, какъ и въ частныхъ, можно въ извѣстныхъ случаяхъ ссылаться на непреодолимую силу. «Международное право должно примѣняться къ политическимъ нуждамъ» [2]). Нельзя также отрицать, что за періодъ времени отъ 1881 до 1902 года Турціи приходилось бороться съ крайне серьезными финансовыми затрудненіями и переживать тяжелые внутренніе и внѣшніе кризисы, вслѣдствіе коихъ она была принуждена поступиться многими своими доходами для обезпеченія платежей по долгамъ и допустить частичный иностранный контроль своихъ финансовъ, а также лишена возможности исполнить свои обязательства своевременно и полностью. Но, съ другой стороны, доказано, что за тотъ же періодъ Турція заключила рядъ займовъ на выгодныхъ условіяхъ, сдѣлала конверсію другихъ займовъ и амортизировала значительную часть публичнаго своего долга (на сумму 350 милліоновъ франковъ). Было бы поэтому явнымъ преувеличеніемъ утверждать, что уплата сравнительно ничтожной суммы въ 6.000,000 франковъ русско-подданнымъ грозила бы опасностью существованію Оттоманской Имперіи или подрывала бы внутреннее или внѣшнее ея положеніе.

Поэтому Третейскій Судъ возраженіе непреодолимой силы отклоняетъ [3]).

Къ этимъ совершенно справедливымъ соображеніямъ Третейскаго Суда мы вполнѣ присоединяемся.

Второе возраженіе.

Дарственный характеръ обязательства, принятаго на себя Портою.

Турецкое Правительство полагаетъ, что общее междуна-

---

[1]) Réplique Russe p. 37.

На послѣдніе два аргумента Порта возражаетъ 1) излишекъ съ доходовъ 5 вилайетовъ, обезпечивающихъ уплату русскаго военнаго вознагражденія, шелъ на покрытіе дефицита другихъ провинцій, 2) часть оттоманскаго долга была, дѣйствительно, амортизирована, но до полнаго погашенія того или иного долга обезпечивающіе его уплату доходы не становились свободными, кромѣ того Порта за это время заключила новые займы превышающіе размѣрами амортизацію. (Contre-Réplique §§ 393 et 396).

[2]) «Le droit international doit s'adapter aux nécessités politiques» Sentence p. 96.

[3]) «Il serait manifestement exagéré d'admettre que le payement (ou la conclusion d'un emprunt pour le payement) de la somme relativement minime d'environ 6 millions de francs due aux indemnitaires russes, aurait mis en péril l'existence de l'Empire Ottoman ou gravement compromis sa situation intérieure ou extérieure. L'exception de la force majeure ne saurait donc être accueillie (Sentence p. 97).

родное право не признаетъ обязанности государствъ вознаграждать частныхъ лицъ за понесенные ими во время войны убытки [1]). Исходя изъ этого начала, оно утверждаетъ, что постановленіе договора 1879 года, признающее за русско-подданными право на вознагражденіе, носитъ по отношенію къ нимъ характеръ дарения (une véritable donation de créance), несмотря на то, что это постановленіе является составною частью мирнаго трактата, носящаго въ своей совокупности не безмездный, а обоюдный характеръ (convention à titre onéreux) [2]). А изъ дарственнаго характера обязательства, принятаго на себя Портой, слѣдуетъ, по справедливости и согласно принципамъ римскаго права, часто примѣняемаго въ международныхъ отношеніяхъ, что лица, воспользовавшіяся щедростью (libéralité) Порты, не имѣютъ права требовать процентовъ умедленія Этотъ принципъ безпроцентности дарственныхъ обязательствъ былъ твердо установленъ Австрійскимъ Императоромъ въ постановленномъ имъ въ 1881 г. третейскомъ рѣшеніи между Англіею и Никарагуа по дѣлу «Москитіи» [3]).

Помимо сего, Порта утверждаетъ, что нѣкоторые изъ русско-подданныхъ «злоупотребили великодушіемъ» Коммиссіи, учрежденной по договору 1879 года при Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ въ Константинополѣ, присудившей въ ихъ пользу крупныя суммы [4]).

Русское Правительство отвѣчаетъ, что мирный трактатъ 1879 года есть договоръ синаллагматическій. Вознагражденіе русскихъ подданныхъ является однимъ изъ элементовъ общаго вознагражденія, возложеннаго Русскимъ Правительствомъ на Турецкое въ качествѣ одного изъ мирныхъ условій, причемъ кредиторомъ Турціи является Русское Государство, а отнюдь не его подданные. Договоръ, которымъ Турція купила у Россіи миръ, нельзя назвать безмезднымъ Принятіе на себя обязательства уплатить военное вознагражденіе никакъ не можетъ считаться актомъ щедрости (acte de désintéressement) [5]). Что же касается критики Оттоманскимъ Правительствомъ образа дѣйствій Коммиссіи 1879 года и обвиненій нѣкоторыхъ русскихъ подданныхъ въ недобросовѣстности, то Русское Правительство не считаетъ возможнымъ вступить съ Портою по этому вопросу въ полемику уже потому, что критика рѣшеній Коммиссіи 1879 г выходитъ изъ компетенціи Третейскаго Суда. Русское Правительство ограничивается выра-

---

[1]) Contre-Mémoire Ottoman §§ 55—64

[2]) Contre-Mémoire Ottoman § 78

[3]) Conclusions Ottomanes, Contre-Replique p 87.

[4]) Conclusions Ottomanes, Contre-Réplique Ottomane p. 87, См. также Contre-Mémoire §§ 65—77 и Contre-Réplique §§ 203—204 bis.

[5]) Réplique Russe pp. 20—21

женіемъ сожалѣнія по поводу того, что Порта сочла возможнымъ прибѣгнуть къ подобнаго рода аргументамъ [1]).

Турецкое Правительство не считаетъ себя однако разбитымъ и возражаетъ, что безразлично, кого считать кредиторомъ — Россію, или ея подданныхъ: ясно, что послѣдніе были объектомъ акта щедрости (libéralité) [2]). Нельзя, конечно, отрицать, что договоръ 1879 г составляетъ одно цѣлое; различныя постановленія его находятся во взаимномъ соотвѣтствіи [3]). Но и отдѣльныя условія этого договора имѣютъ право на самостоятельное существованіе [4]), въ томъ числѣ постановленіе о вознагражденіи русско-подданныхъ, дарственный характеръ котораго внѣ сомнѣнія [5]).

Третейскій Судъ указываетъ Портѣ, что аналогія, проводимая ею между разбираемымъ дѣломъ и дѣломъ «Москитіи», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ дѣлѣ «Москитіи» арбитръ призналъ безденежность обязательства республики Никарагуа уплачивать ежегодную ренту Москитосамъ, обязательства, установленнаго въ договорѣ этой республики съ Англіею. Русскіе же подданные являются потерпѣвшими отъ военныхъ дѣйствій; Турція обязалась вознаградить всѣхъ тѣхъ пострадавшихъ, которые установятъ свои убытки передъ Коммиссіей, учрежденной при Русскомъ Посольствѣ въ Константинополѣ. Рѣшенія этой Коммиссіи не были оспорены, и Третейскій Судъ не можетъ заняться ни пересмотромъ, ни опредѣленіемъ степени «великодушія» этихъ рѣшеній. Если вознагражденіе русско-подданныхъ за убытки, понесенные во время войны, и не вытекаетъ изъ общаго международнаго права, то, во всякомъ случаѣ, оно и не противно этому праву и можетъ разсматриваться, какъ обращеніе нравственной обязанности въ юридическую посредствомъ мирнаго трактата. Во время всей дипломатической корреспонденціи по настоящему дѣлу «Русскіе, жертвы военныхъ операцій» разсматривались обѣими сторонами, какъ индемнитеры, а не какъ донатаріи. Наконецъ, Турція получила взамѣнъ своего, такъ называемаго, акта великодушія выгоду въ видѣ прекращенія военныхъ дѣйствій. Поэтому невозможно признать наличность акта великодушія (libéralité), ни тѣмъ паче даренія, а потому излишне изслѣдовать вопросъ, освобождаетъ ли международное право дарителей отъ уплаты процентовъ умедленія [6]).

---

[1]) Réplique Russe p 19.

[2]) Contre—Réplique § 256

[3]) Ibidem § 260.

[4]) Ibidem § 258.

[5]) Conclusions Ottomanes Contre—Replique p. 87.

[6]) «Il n'est donc pas possible d'admettre l'existence d'une libéralité et encore moins d'une donation, et il devient par suite, superflu de rechercher si, en droit international public, les donateurs doivent bénéficier de l'exemption d'intérêts moratoires établie à leur profit par certaines législations privées», Sentence p. 98.

Рѣшеніе Третейскаго Суда по данному вопросу намъ кажется вполнѣ правильнымъ. Теорія «самостоятельной жизни» отдѣльныхъ условій международнаго договора не имѣетъ, конечно, научнаго характера. Ни одно изъ этихъ условій не можетъ быть оцѣнено внѣ связи съ остальными, а потому утвержденіе, что русско-подданные были одарены Портою, является очевиднымъ софизмомъ. Съ русской точки зрѣнія нужно также отмѣтить съ особеннымъ удовлетвореніемъ, что нареканія Порты на Коммиссію 1879 года и русскихъ индемнитеровъ Третейскимъ Судомъ были оставлены безъ вниманія. Судъ призналъ за русскими подданными характеръ «жертвъ войны» (victimes de faits de guerre) и отказался обсуждать образъ дѣйствій Коммиссіи 1879 года.

Третье возраженіе.

Res Judicata.

По мнѣнію Турецкаго Правительства, Коммиссія, учрежденная въ 1879 году при Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ въ Константинополѣ, была единственной инстанціей, компетентной для присужденія процентовъ умедленія. Трое русскихъ подданныхъ, братья Гедиковы и Задуровъ, вошли своевременно въ Коммиссію съ требованіемъ присудить имъ не только извѣстное вознагражденіе, но и проценты до дня полной его уплаты. Между тѣмъ рѣшеніе Коммиссіи о процентахъ умалчиваетъ, т. е. косвенно (implicitement) отказываетъ въ нихъ. Такимъ образомъ, относительно этихъ трехъ лицъ имѣется res judicata, и это постановленіе Коммиссіи распространяется, конечно, и на прочихъ индемнитеровъ, не предъявившихъ Коммиссіи требованій о процентахъ умедленія [1]).

Третейское рѣшеніе отклоняетъ это возраженіе Порты на томъ основаніи, что Коммиссія 1879 г. не рѣшала, да и не могла рѣшать, вопроса, подлежащаго нынѣ разсмотрѣнію Гаагскаго Суда, т. е. вопроса о томъ, слѣдуетъ ли теперь, a posteriori, присудить Турціи къ уплатѣ процентовъ умедленія. Поэтому нельзя признать «exception de la chose jugée» [2]). Къ этой мотивировкѣ можно добавить, что по смыслу 5 ст. Константинопольскаго Трактата 27 января 1879 года и на основаніи Протокола, подписаннаго того же дня, Коммиссіи при Русскомъ Посольствѣ надлежало только установить претензіи (réclamations) русскоподданныхъ, которыя должны были удовлетворяться Портою по мѣрѣ ихъ представленія послѣдней, т. е. не-

---

[1]) Contre—Réplique §§ 378—381 Conclusions p 86.
[2]) Sentence etc p. 98.

медленно [1]). Опредѣленіе процентовъ умедленія не могло поэтому никоимъ образомъ входить въ компетенцію Коммиссіи.

Четвертое возраженіе.

Утрата Россіею своего права на проценты умедленія.

§ 1.

Намъ остается теперь выяснить мотивы, по которымъ Гаагскій Судъ, признавъ принципіальное право Россіи на проценты умедленія начиная съ 31 декабря 1890/12 января 1891 года, въ то же время пришелъ къ заключенію, что она это право утратила. Для этой цѣли намъ прежде всего необходимо изложить содержаніе дипломатической корреспонденціи отъ 1890 до 1902 года.

§ 2.

Русская нота 31 декабря 1890/12 января 1891 г., признаваемая самой Портою категорическимъ дипломатическимъ предупрежденіемъ, не имѣла однако большаго успѣха, чѣмъ предыдущія 14/26 августа и 20 октября/1 ноября 1891 года. Русское Посольство принуждено было обратиться въ Порту съ новыми напоминаніями [2]). Въ послѣдней нотѣ Посольство взываетъ «къ чувствамъ справедливости и международнаго приличія» (sentiments d'équité et de convenance internationale) Оттоманскаго Правительства и требуетъ «быстрой и полной уплаты» (un prompt et définitif règlement) долга.

Наконецъ, Порта нашла нужнымъ сдѣлать новый взносъ. Нотой отъ 27 марта 1893 г. [3]) она извѣстила Посольство, что Оттоманскій Банкъ получилъ приказаніе уплатить въ счетъ вознагражденія 75.000 тур. лиръ. Что касается остатка, то половина будетъ внесена въ бюджетъ текущаго, а другая въ бюджетъ будущаго года (Quant au reliquat, la moitié en sera inscrit dans le budget de l'exercice courant et l'autre moitié dans celui de l'exercice prochain). Русское Посольство отвѣтило на это сообщеніе (нотой отъ 18/30 марта 1893) [4]), что оно принимаетъ его къ свѣдѣнію, но сдѣлало при этомъ оговорку, выразивъ надежду, что Турецкое Правительство, въ случаѣ какой ни-

---

[1]) Art. 5 «Les reclamations des sujets et institutions russes en Turquie à titre d'indemnité pour les dommages subis pendant la guerre seront payées à mesure qu'elles seront examinées par l'Ambassade de Russie à Constantinople et transmises à la Sublime Porte».

Protocole: «une Commission ad hoc sera instituée à l'Ambassade de Russie pour examiner scrupuleusement les réclamations qui lui seront présentées»..

[2]) Mémoire Russe, Documents №№ 29 et 30

[3]) Mémoire Russe, Document № 31.

[4]) Mémoire Russe, Document № 32

будь прибыльной финансовой комбинаціи, уплатитъ свой долгъ и «ранѣе вышеозначенныхъ сроковъ» (avant les termes susmentionnés) [1]).

Турецкое Правительство не уплатило «половины остатка» ни ранѣе положеннаго имъ срока», (1 13 марта 1894 г., начало финансоваго года), ни послѣ его истеченія, хотя Посольство не преминуло ему напомнить нотою 26 февраля / 10 марта о приближеніи, а нотою 1 13 Марта о наступленіи этого срока [2]). Порта ограничилась уклончивымъ отвѣтомъ (нота отъ 3 мая 1894) [3]), что способъ уплаты «половины остатка вознагражденія» будетъ установленъ одновременно со всѣмъ бюджетомъ; что же касается другой половины, то Порта сообщитъ Посольству мѣры, которыя ею будутъ приняты [4]).

Русское Посольство немедленно запротестовало (нотой отъ 23 мая 4 іюня 1894) [5]). Оно напомнило Портѣ, что лишь вслѣдствіе желанія облегчить ей исполненіе давнишняго обязательства, оно согласилось на уплату остатка (reliquat) вознагражденія въ два пріема, въ указанные Портой сроки. Между тѣмъ, Порта этихъ сроковъ не соблюла. Въ виду этого Посолъ заявляетъ, что онъ не можетъ допустить дальнѣйшихъ обѣщаній, соглашеній и отсрочекъ и требуетъ немедленной уплаты всего остатка долга, т. е. 91.000 тур. лиръ [6]).

Характеръ и значеніе «соглашенія 1893 года» (arrangement de 1893) вызвалъ оживленную полемику между тяжущимися передъ Гаагскимъ судилищемъ сторонами. Изъ изложенной переписки, и въ особенности изъ ноты Посольства отъ 23 мая / 4 іюня 1894 г., Турецкое Правительство выводило, что Россія «въ концѣ концовъ согласилась со способомъ и сроками уплаты Турціей трехъ первыхъ частичныхъ уплатъ, и отказалась отъ процентовъ умедленія» [7]). Русское Правительство

---

[1]) «Tout en prenant acte de ces dispositions, j'aime cependant à espérer que, dans le cas où une combinaison financière mettrait avant les termes susmentionnés à la disposition du Gouvernement Impérial Ottoman des sommes plus ou moins importantes, il ne manquerait pas, dans sa haute justice, d'en affecter une partie au règlement de l'indemnité en question»

[2]) Mémoire Russe, Documents № 33 et 34.

[3]) Mémoire Russe, Document 35.

[4]) «J'ai l'honneur de Vous informer que le mode de payement de la moitié du reliquat de l'indemnité due aux sujets Russes sera arrêté en même temps que l'ensemble du budget de l'exercice courant qui est en cours d'élaboration. Quant à l'autre moitié, je me réserve de Vous faire connaître les dispositions qui seront prises à cet égard»

[5]) Mémoire Russe, Document № 36.

[6]) «Vous voudrez bien convenir, Monsieur le Ministre, qu'en présence de ces faits et du mode de procéder employé par la Sublime Porte dans cette question, je suis placé dans l'impossibilité d'accepter des promesses, des arrangements ou des atermoiements ultérieurs, mais suis obligé d'insister pour que la totalité du reliquat dû aux sujets russes, qui monte à 91.000 livres turques, soit, sans plus de retard, versé à l'Ambassade».

[7]) «L'importante dépêche qui vient d'être analysée a cette signification de constater, d'une manière incontestable, que la Russie avait admis finalement les modes et dates du paiement par la Turquie des trois premiers versements partiels, effectués alors, sans prétendre

указывало прежде всего, что, такъ какъ соглашеніе 1893 года не было соблюдено Портою, то оно потеряло силу, и что своей нотой 23 мая/4 іюня 1894 г. Посольство вновь потребовало полной и немедленной уплаты вознагражденія. Что же касается приписываемаго ему отказа отъ процентовъ умедленія, то онъ никоимъ образомъ не можетъ быть выведенъ изъ неупоминанія о нихъ [1]) На это Порта возражала, что нота 23 мая/4 іюня 1894 г. отнюдь не содержитъ отказа Русскаго Правительства отъ соглашенія 1893 г., а лишь заявленіе, что Посолъ не потерпитъ дальнѣйшихъ отсрочекъ. Что же касается процентовъ умедленія, то, конечно, всѣ притязанія на нихъ Русскаго Правительства отпали, разъ оно въ своей нотѣ потребовало «всего остатка вознагражденія» (totalité du reliquat) и опредѣлило его въ 91.000 турлиръ т. е. какъ разъ цифрою неуплаченнаго еще капитала [2]).

Вопроса о значеніи неупоминанія о процентахъ умедленія въ вышеприведенной дипломатической перепискѣ мы коснемся ниже. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь, что нотой 23 мая/4 іюня 1894 Русское Посольство несомнѣнно отказалось отъ соглашенія 1893 года, уже нарушеннаго Портою Аргументація Порты, весьма неудачно играющей словами, неубѣдительна. Если бы Россія не отказалась нотою 23 мая/4 іюня отъ соглашенія, то какимъ же образомъ она могла бы въ той же нотѣ требовать полной и немедленной уплаты?

Итакъ, нотою 23 мая/4 іюня 1894 г. возстановлялся status quo до соглашенія 1893 года. На нашъ взглядъ, это соглашеніе, позволивъ Турціи уплатить свой долгъ въ два пріема, отнюдь не имѣло въ виду освободить ее, еще сверхъ того, отъ платежа процентовъ, и уже ни въ какомъ случаѣ отъ процентовъ за просрочку прежнихъ взносовъ. Но даже если держаться противоположнаго взгляда, уничтоженіе соглашенія 1893 г. возстановило въ полной силѣ русскій дипломатическій протестъ 31 декабря 1890/12 января 1891 г., содержащій требованіе процентовъ умедленія.

§ 3.

3 октября 1894 г Порта сообщила Посольству, что Министерство Финансовъ получило приказаніе уплатить ему 50.000 тур. лиръ (4-й взносъ), и что Оттоманскій Банкъ гарантируетъ уплату остатка (reliquat) въ теченіе ближайшаго бюджетнаго періода (exercice prochain) [3]). 9 ноября 1894 г. Порта уплатила 50.000 тур. лиръ. Что же касается

à aucuns dommages-intérêts, à raison du retard au regard de l'échéance primitive de 1881 ni des termes plus récents accordés à la Sublime Porte». (Contre-Memoire Ottoman § 173)

[1]) Mémoire Russe pages 43 - 45

[2]) Contre-Réplique Ottomane §§ 433 - 440

[3]) Mémoire Russe, Document № 37.

остатка, то, какъ всегда, Турецкое Правительство не исполнило своего обѣщанія въ указанный имъ срокъ. Между тѣмъ, Посольству стало извѣстно, что Порта собирается уплатить остатокъ вознагражденія, слѣдуемаго русскоподданнымъ, изъ десятинныхъ сборовъ съ 5 вилайетовъ, каковые сборы по русско-турецкой конвенціи 2/14 мая 1882 г. обезпечивали уплату военнаго вознагражденія, слѣдуемаго Императорскому Россійскому Правительству. Посольство протестовало противъ такого намѣренія Порты нотою 13/25 января 1896 года и потребовало, чтобы Турецкое Правительство нашло другіе источники доходовъ для исполненія обязательства, принятаго имъ на себя нотою 3 октября 1894 г. Порта отвѣтила 11 февраля 1896 г., что десятинный сборъ съ пяти вилайетовъ (814.000 тур. лиръ) значительно превышаетъ размѣръ аннуитета военнаго вознагражденія (420.000 тур. лиръ). Несмотря однако на это заявленіе, свидѣтельствующее о наличности нѣкоторыхъ денежныхъ рессурсовъ у Порты, переписка объ уплатѣ остатка протянулась въ обычномъ порядкѣ (т. е. напоминанія съ русской стороны, обѣщанія съ турецкой) вплоть до 1902 г. [1]). Наконецъ, уплата 42.438 лиръ Посольству была произведена 11/24 февраля 1902 г. и небольшой остатокъ въ 1539 тур. лиръ депонированъ въ Оттоманскомъ банкѣ.

Дипломатическая переписка отъ 1894 до 1902 г. комментируется Турецкимъ Правительствомъ нижеслѣдующимъ образомъ.

Въ нотѣ Русскаго Посольства отъ 13/25 января 1896 г. содержится согласіе Русскаго Правительства на новую отсрочку, предложенную Портою 3 октября 1894 г., т. е. на уплату остатка вознагражденія въ теченіе ближайшаго бюджетнаго періода, другими словами, до 1 марта 1896 г. Въ той же нотѣ Русское Посольство требуетъ только уплаты «остатка вознагражденія» (reliquat de l'indemnité), очевидно, въ смыслѣ «остатка капитала», совершенно не упоминая о процентахъ. Нотою отъ 10/22 февраля 1896 г. Посольство опять-таки требуетъ уплаты «остатка вознагражденія», дабы, наконецъ, «покончить съ этимъ дѣломъ» (terminer enfin cette affaire). Нота Порты отъ 28 мая 1896 г. точно также касается только «остатка вознагражденія». Турецкая нота отъ 19 іюля 1899 года извѣщаетъ Посольство, что 43.000 и столько-то лиръ, составляющихъ остатокъ вознагражденія (montant du reliquat de l'indemnité), будутъ уплачены при посредствѣ Оттоманскаго банка въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года. Посольство, въ своей нотѣ 25 апрѣля / 8 мая 1900 г. требуетъ опять-таки уплаты «43.000 и столькихъ то турецкихъ лиръ». Порта въ своихъ нотахъ 11 іюня и

[1]) Нота Посольства 13/25 января 1896, нота Порты 11 февраля 1896, нота Посольства 10/23 февраля 1896, нота Порты 28 мая 1896, нота Порты 19 іюля 1899, нота Посольства 25 апрѣля/8 мая 1900; ноты Порты отъ 27 мая, 11 іюня 1900 и 5 іюля 1900. Нота Посольства 3/16 марта 1901, нота Порты отъ 27 мая 1901, см. Mémoire Russe. Documents №№ 39—46, Correspondance p.p. 64—66.

5 іюля 1900 г. извѣщаетъ Посольство о приказаніяхъ, данныхъ Министерству Финансовъ и казначеямъ трехъ вилайетовъ въ связи съ уплатою 43 798 тур. лиръ «остатка вознагражденія». Русская нота 3/16 марта 1901 г воспроизводитъ турецкія цифры и настаиваетъ на уплатѣ «вышеозначенныхъ суммъ» (des sommes susmentionnées), не упоминая о процентахъ умедленія Этихъ процентовъ Русское Правительство потребовало лишь нотою отъ 23 іюня 6 іюля 1902 г т е, послѣ уплаты Портою капитальнаго долга [1]). Наконецъ, очень важно отмѣтить, что ни въ одной изъ росписокъ (reçus), выданныхъ Русскимъ Посольствомъ Портѣ, Посольствомъ не сдѣланъ зачетъ платежа въ счетъ процентовъ (imputation des versements sur les intérêts); росписки Посольства не содержали даже оговорки (réserve) относительно процентовъ [2]). Такимъ образомъ, заключаетъ Турецкое Правительство, въ теченіе почти 12 лѣтъ, съ 1891 по 1902 годъ, въ дипломатической перепискѣ между Россіей и Турціей не было рѣчи о процентахъ. Съ другой стороны, оба Правительства въ той же перепискѣ совершенно одинаково толковали терминъ «остатокъ вознагражденія» (reliquat de l'indemnité), подразумѣвая подъ нимъ всякій разъ исключительно неуплаченныя части капитала, выражая ихъ иногда даже въ цифрахъ. Такимъ образомъ, за время этихъ 12 лѣтъ между обоими Правительствами установилось соглашеніе въ томъ смыслѣ, что Турція не обязана платить процентовъ умедленія [3]). Въ виду сего Русское Правительство не могло послѣ уплаты капитала односторонне отказаться отъ этого соглашенія.

Русское Правительство стоитъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Право на проценты умедленія, утверждаетъ оно, возникаетъ не на основаніи предъявленія протеста (mise en demeure), а изъ самаго факта неисполненія договора. Но если даже и признать необходимость протеста, то для обезпеченія права на проценты достаточно протестовать противъ неуплаты капитала. Между тѣмъ, ноты Русскаго Посольства нѣсколько разъ даже спеціально оговаривали проценты умедленія. Изъ того же обстоятельства, что не каждая нота Посольства содержала эту спеціальную оговорку, ни-

[1]) Contre—Memoire Ottoman §§ 176 - 191

[2]) См Protocoles des seances p 62

[3]) Contre-Mémoire Ottoman §§ 191—198, Contre-Réplique Ottomane §§ 437—444, Conclusions pour le Gouvernement Ottoman (dans toutes les hypothèses) «Attendu, en résumé, que, maigré les réserves quant aux intérêts et même la réclamation momentanee de ceux-ci au nom du Gouvernement Impérial de Russie, il a été entendu, tacitement et même expressément, pendant tout le cours des onze et douze dernières années de correspondances diplomatiques, que la Russie ne réclamait pas d intérêts ni de dommages-intérêts d'aucune sorte qui auraient été a la charge de l'Empire Ottoman, que le Gouvernement Impérial de Russie, une fois la capital de l'indemnité intégralement mis à sa disposition, ne pouvait pas valablement revenir d'une façon unilatérale sur l'entente convenue de sa part»

какъ нельзя вывести отказа Русскаго Правительства отъ своего права на эти проценты [1]).

По поводу же указанія Порты на редакцію расписокъ Посольства, Русское Правительство возражаетъ, что Порта смѣшиваетъ проценты по договору (intérêts conventionnels) съ процентами умедленія Только въ первомъ случаѣ слѣдуетъ зачитывать уплачиваемыя суммы въ счетъ процентовъ [2]).

§ 4.

Гаагскій Третейскій Судъ высказалъ слѣдующее сужденіе·

«Блистательная Порта приводитъ, въ качествѣ послѣдняго возраженія, тотъ фактъ, что «въ теченіе всего послѣдняго одинадцати или двѣнадцатилѣтняго періода дипломатической корреспонденціи существовало молчаливое и даже прямое соглашеніе (il a été entendu tacitement et même expressément), въ силу котораго Россія не требовала ни процентовъ (intérêts), ни какихъ бы то ни было вознагражденій за убытки (dommages intérêts) съ Оттоманскаго Правительства», и «что Императорское Россійское Правительство не можетъ, послѣ полной уплаты ему капитала, односторонне отказаться отъ заключеннаго имъ соглашенія» (Contre-Réplique Ottomane p. p. 89—81). Императорское Оттоманское Правительство основательно (avec raison) замѣчаетъ, что, хотя Россія и сдѣлала 31 декабря 1890 / 12 января 1891 г. въ

---

[1]) «Car les dommages-intérêts et les intérêts moratoires, qui en constituent les premiers éléments, ne naissent pas de l'interpellation, ils naissent de l'inexécution même L'interpellation n'est qu'une question de fin de non-recevoir et de formalité, et on ne voit pas comment une renonciation à des dommages-intérêts, en l'absence d'une disposition légale qui ne peut pas exister en l'espèce, pourrait être présumée Selon les expressions d'une des consultations produites par la Sublime Porte à l'appui de son Contre-Mémoire, la sommation de payer en supposant même qu'elle fût nécessaire,—n'aurait pas eu besoin de tendre expressément au payement des intérêts en même temps que du capital» Réplique Russe, p. 45.

[2]) «Comme précédemment, la Sublime Porte paraît faire, sur ce point une confusion entre les intérêts conventionnels et les dommages-intérêts en cas de retard (Cp. C. Civ. français art. 1254). S'il se fût agi d'une somme stipulée productive d'intérêts, ce qui eût supposé soit une dette a terme, soit une dette ferme avec clause pénale d'intérêts moratoires, on comprendrait qu'il eût pu être question, à chaque acompte versé, d'imputer ou de réserver les dits intérêts. Mais dans l'espèce, il n'en est pas ainsi. L'indemnité de 6 millions n'était pas stipulée productive d'intérêts. ce n'était pas une dette à terme; elle n'était accompagnée d'aucune clause pénale d'intérêts moratoires. Il a été et est réclamé des intérêts sur la dite indemnité, seulement parce que la réparation du dommage causé par le retard à payer ne peut se réaliser que par l'allocation du produit ordinaire de l'argent indûment retenu Comme on le sait, les intérêts moratoires ne sont pas autre chose qu'une espèce de dommages-intérêts. En conséquence, il n'y avait pas lieu d'imputer les intérêts sur le capital lors de chaque acompte versé». (Réplique orale du Gouvernement Russe Protocoles des Séances p .p. 45—64.

Константинополѣ правильное предупрежденіе (mise en demeure régulière) относительно уплаты капитала и процентовъ, но, съ другой стороны, изъ послѣдующей переписки вытекаетъ, что при уплатѣ взносовъ (payement des acomptes) въ распискахъ, выдаваемыхъ Посольствомъ, не дѣлалось никакихъ оговорокъ (réserve) касательно процентовъ, и что Посольство никогда не зачитывало полученныхъ суммъ въ счетъ процентовъ. Изъ этой переписки явствуетъ также, что стороны не только создавали комбинаціи для обезпеченія уплаты (ébauché des combinaisons pour arriver au payement), но и вовсе воздерживались въ теченіе приблизительно 10 лѣтъ отъ упоминанія о процентахъ. Въ особенности же (surtout) вытекаетъ изъ этой переписки, что оба Правительства одинаковымъ образомъ толковали терминъ остатокъ (reliquat) вознагражденія,—что этотъ терминъ, употребленный въ первый разъ Оттоманскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ въ сообщеніи отъ 27 марта 1893 г., встрѣчается затѣмъ зачастую,—что оба Правительства постоянно разумѣли подъ терминомъ остатокъ части капитала, остававшіяся неуплаченными въ моментъ составленія нотъ, такъ что проценты умедленія оставались въ сторонѣ; что Россійскій Посолъ въ Константинополѣ писалъ 23 мая / 4 іюня 1894 г. «я принужденъ настаивать на томъ, чтобы совокупность остатка (totalité du reliquat), слѣдуемаго русскимъ подданнымъ, составляющая до 91.000 турецкихъ лиръ, была, безъ дальнѣйшихъ промедленій, уплачена Посольству, дабы удовлетворить справедливыя жалобы и требованія заинтересованныхъ... и дѣйствительно положить, такимъ образомъ, какъ выражается Ваше Превосходительство, конецъ инцидентамъ, которые онъ (этотъ вопросъ) вызвалъ»,—что эта сумма въ 91.000 тур. лиръ равнялась именно той части капитала, которая, въ тотъ моментъ оставалась неуплаченной, и что, такимъ образомъ, проценты умедленія были оставлены въ сторонѣ,—что 3 октября того же 1894 года, Турція, собираясь сдѣлать взносъ въ 50.000 лиръ, заявила Посольству, не встрѣтивъ возраженій, что Оттоманскій Банкъ «гарантируетъ уплату остатка въ 41 000 тур. лиръ»,—что 13/25 января 1896 г. Посольство вновь прибѣгло къ термину остатокъ вознагражденія, заявляя протестъ противъ предоставленія Турціей Оттоманскому Банку правъ на доходы, уже служащіе обезпеченіемъ уплаты Русскому Правительству военнаго вознагражденія,—что 11 февраля того же 1896 года, по случаю обсужденія источниковъ доходовъ, которые надлежало предоставить Оттоманскому Банку, Блистательная Порта упомянула въ нотѣ, адресованной Посольству о «43.978 тур. лирахъ, составляющихъ (représentant) остатокъ вознагражденія»;—что нѣсколько дней спустя, 10/22 февраля, Посольство отвѣтило, употребивъ тѣ же слова «solde» или «reliquat de l'indemnité», и что 28 мая Оттоманское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ вновь упомянуло о «суммѣ въ 43.978 турецкихъ лиръ, составляющей

названный остатокъ»,—что то же наблюдается въ нотѣ Посольства отъ 25 апрѣля—8 мая 1900 г., хотя прошло около 4 лѣтъ между этими сообщеніями и заявленіями 1896 года, и что послѣ столь долгаго срока напоминаніе о вопросѣ о процентахъ являлось въ нѣкоторомъ родѣ обязательнымъ (s'imposât en quelque sorte),—что то же выраженіе «остатокъ вознагражденія» содержится въ нотѣ Блистательной Порты отъ 5 іюля 1900 г.;—что, наконецъ, 3/16 марта 1901 г. Русское Посольство, установивъ, что Оттоманскій Банкъ не сдѣлалъ новыхъ взносовъ для уплаты 43.978 тур. лиръ, составляющихъ (montant) остатокъ вознагражденія, слѣдуемаго русскимъ подданнымъ, потребовало отдачи кому слѣдуетъ «категорическихъ приказаній для уплаты безъ дальнѣйшихъ промедленій упомянутыхъ суммъ»,—что, когда этотъ остатокъ, за исключеніемъ маленькой суммы, былъ Оттоманскимъ Банкомъ представленъ въ распоряженіе Посольства, послѣднее и притомъ только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 23 іюня—6 іюля, препроводило къ Блистательной Портѣ требованіе «заинтересованныхъ» объ уплатѣ около 20 милліоновъ франковъ въ качествѣ процентовъ умедленія, выразивъ при этомъ надежду, что Блистательная Порта «не преминетъ признать принципіальную правильность требованія», съ тѣмъ, чтобы изученіе подробностей, было поручено смѣшанной русско-турецкой коммиссіи,—что, въ итогѣ, въ теченіе одиннадцати лѣтъ и болѣе, вплоть до періода, слѣдующаго за уплатой остатка капитала, между обоими Правительствами не только не было рѣчи о процентахъ, но даже неоднократно упоминалось только объ остаткѣ капитала.

Какъ только судъ призналъ (Dès l'instant où le Tribunal a reconnu que), что согласно общимъ началамъ и обычаямъ международнаго публичнаго права (d'après les principes généraux et la coutume en droit international public), существуетъ сходство между положеніями государства и частнаго лица, являющихся должниками опредѣленной договоромъ, безспорной и подлежащей ко взысканію денежной суммы (il y avait similitude des situations entre un Etat et un particulier débiteurs d'une somme conventionnelle liquide et exigible), то является «справедливымъ и юридическимъ» (il est équitable et juridique) примѣнить, также по аналогіи, правила общаго гражданскаго права къ случаямъ, въ которыхъ умедленіе должно считаться несуществующимъ и выгода отъ него—уничтоженной (d'appliquer aussi par analogie les règles de droit privé commun aux cas où la demeure doit être considérée comme purgée et le bénéfice de celle-ci supprimé).

Въ частномъ правѣ послѣдствія умедленія прекращаются, когда кредиторъ, послѣ того какъ пригласилъ должника къ исполненію, даетъ ему одну или нѣсколько отсрочекъ для исполненія главнаго обязательства, не оговаривая при этомъ правъ, пріобрѣтенныхъ вслѣдствіе умедленія. (Toullier-Duvergier, Droit Français, tome III, p. 159, № 256),

или еще когда «кредиторъ не преслѣдуетъ приглашенія къ исполненію, сдѣланнаго имъ должнику» (ne donne pas suite à la sommation qu'il avait faite au débiteur), и «эти правила примѣнимы къ вознагражденію за убытки (dommages-intérêts), а также къ процентамъ, слѣдуемымъ за неисполненіе обязательства... или за умедленіе въ исполненіи» (Duranton, Droit Français, X, p. 470, Aubry et Rau, Droit Civil 1871, IV, p. 99; Berney, de la demeure etc Lausanne 1886, p 62; Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts 1879 p 99; Demolombe X, p. 49; Larombière I art 1139 № 22, etc.).

Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ между Императорскимъ Россійскимъ Правительствомъ и Блистательной Портой имѣлъ мѣсто отказъ отъ процентовъ со стороны Россіи (Entre le Gouvernement Imperial Russe et la Sublime Porte, il y a donc eu renonciation aux intérêts de la part de la Russie), потому что Посольство этой послѣдней приняло безъ спора или оговорокъ, а потомъ многократно воспроизводило въ собственной дипломатической корреспонденціи цифры остатка вознагражденія, какъ совпадающія (identiques) съ цифрами остатка капитала. Другими словами, переписка послѣднихъ лѣтъ устанавливаетъ, что обѣ стороны фактически толковали акты 1879 года въ смыслѣ совпаденія уплаты остатка капитала съ уплатою остатка суммы, на которую имѣли право заинтересованныя лица (les deux Parties ont interprêté, en fait, les actes de 1879 comme impliquant l'identité entre le payement du solde du capital et le payement du solde auquel avaient droit les indemnitaires), откуда вытекаетъ отказъ отъ процентовъ или возмѣщенія убытковъ за умедленіе (ce qui impliquait l'abandon des intérêts ou dommages-intérêts moratoires).

Императорское Россійское Правительство не можетъ, послѣ того какъ капиталъ вознагражденія полностью былъ ему уплаченъ или предоставленъ въ его распоряженіе, односторонне отказаться отъ толкованія, принятаго и примѣнявшагося отъ его имени его Посольствомъ (revenir valablement d'une façon unilatérale sur une interprétation acceptée et pratiquée en son nom par son Ambassade) [1]).

---

[1]) La Sublime Porte invoque, comme dernière exception, le fait «qu'il a été entendu, tacitement et même expressément, pendant tout le cours des onze ou douze dernières années de correspondances diplomatiques, que la Russie ne réclamait pas d'intérêts ni de dommages-intérêts d'aucune sorte qui auraient été à la charge de l'Empire Ottoman» et «que le Gouvernement Imperial de Russie, une fois le capital intégralement mis à sa disposition, ne pouvait pas valablement revenir d'une façon unilatérale sur l'entente convenue de sa part» (Contre-Réplique Ottomane, p p. 89—91).

Le Gouvernement Impérial Ottoman fait observer avec raison que si la Russie a fait parvenir à Constantinople, par la voie diplomatique, le 31 décembre 1890/12 janvier 1891, une mise en demeure régulière d'avoir à payer le capital et les intérêts, il résulte, d'autre part, de la correspondance subséquente, qu'à l'occasion du payement des acomptes, aucune réserve d'intérêts n'a figuré dans les réçus délivrés par l'Ambassade, et que celle-ci n'a jamais imputé les sommes reçues sur les intérêts. Il en résulte aussi que les Parties ont

§ 5.

Рѣшеніе Гаагскаго Суда касательно «отказа» Русскаго Посольства отъ права на проценты умедленія намъ представляется столь же несогласнымъ съ началами публичнаго международнаго права, какъ и рѣшеніе Суда по вопросу о необходимости дипломатическаго протеста въ международныхъ отношеніяхъ.

Какъ мы видѣли, утрата Посольствомъ своего права выводится Судомъ изъ четырехъ обстоятельствъ: 1) Въ распискахъ, выдававшихся Посольствомъ при уплатѣ Портою взносовъ (acomptes), не дѣлалось никакихъ оговорокъ касательно процентовъ;

2) Стороны заключали соглашенія, по которымъ кредиторъ даровалъ должнику отсрочки, не оговаривая правъ, пріобрѣтенныхъ первымъ благодаря умедленію второго;

---

non seulement ébauché des combinaisons pour arriver au payement, mais se sont abstenues de faire mention des intérêts pendant dix ans environ. Il en résulte surtout que les deux Gouvernements ont interprété de façon identique le terme de reliquat de l'indemnité; que ce terme, employé pour la première fois par le Ministère Ottoman des Affaires Etrangères dans une communication du 27 mars 1893, revient fréquemment dans la suite; que les deux Gouvernements ont visé constamment par le mot reliquat les fractions du capital restant, dû à la date des notes échangées, ce qui laisse de côté les intérêts moratoires, que l'ambassadeur de Russie à Constantinople a écrit le 23 mai/4 juin 1894 «Je suis obligé d'insister pour que la totalité du reliquat, dû aux sujets russes, qui monte à 91,000 livres turques, soit, sans plus de retard, versé à l'Ambassade, afin de faire droit aux justes plaintes et réclamations des intéressés... et mettre ainsi réellement, selon l'expression de Votre Excellence, fin aux incidents auxquels elle avait donné lieu», que cette somme de 91,000 livres turques était exactement celle qui demeurait alors due sur le capital et qu'ainsi les intérêts moratoires ont été laissés de côté; —que le 3 octobre de la même année 1894, la Turquie, sur le point de payer un acompte de 50,000 livres, a annoncé à l'Ambassade, sans rencontrer d'objections, que la Banque Ottomane «garantira le payement du reliquat de 41,000 livres turques»,—que le 13/25 janvier 1896, l'Ambassade a repris le même terme de reliquat de l'indemnité tout en protestant contre l'affectation par la Turquie à la Banque Ottomane, de délégations sur des revenus déjà engagés au Gouvernement Impérial Russe pour le payement de l'indemnité de guerre, —que, le 11 février de cette même année 1896, à l'occasion de la discussion des ressources à fournir à la Banque Ottomane, la Sublime Porte a mentionné, dans une note adressée à l'Ambassade, «les 43,978 livres turques représentant le réliquat de l'indemnité»,—que, quelques jours plus tard, le 10/23 février, l'Ambassade a répondu en se servant des mêmes mots «solde» ou «reliquat de l'indemnité», et, que le 28 mai, le Ministère Ottoman des Affaires Etrangères a mentionné derechef, «la somme de 43,978 livres turques représantant ledit reliquat»; — qu'il en a été de même dans une note de l'ambassade datée du 25 avril/8 mai 1900, bien qu'il se fut écoulé près de quatre ans entre ces communications et celles de 1896 et qu'un rappel de la question des intérêts s'imposât en quelque sorte après un aussi long délai; que cette même expression «reliquat de l'indemnité» figure dans une note de la Sublime Porte du 5 juillet 1900, —qu'enfin le 3/16 mars 1901, l'Ambassade de Russie, après avoir constaté que la Banque Ottomane n'a pas fait de nouveaux versements «pour le payement des 43,978 livres turques, montant du reliquat de l'indemnité due aux sujets russes», a demandé l'envoi à qui de droit d'ordres «catégoriques pour le payement sans plus de retard» des sommes susmentionnées»,—que ce reliquat ayant, à un petit solde près, été tenu

3) Въ дипломатической перепискѣ послѣднихъ 11 лѣтъ не было рѣчи о процентахъ;

4) Въ той же перепискѣ цифры остатка вознагражденія всегда совпадаютъ съ цифрами остатка капитала. Юридическія послѣдствія, соединяемыя Гаагскимъ Судомъ съ первыми тремя фактами, вводятся имъ не изъ международнаго, а изъ общаго гражданскаго права (droit privé commun). Такое примѣненіе частнаго права мотивируется тѣмъ, что по началамъ публичнаго международнаго права существуетъ сходство въ положеніяхъ должника—государства и должника—частнаго лица.

Мы уже выше имѣли случай объяснить, почему примѣненіе частнаго права отдѣльныхъ государствъ намъ кажется недопустимымъ въ

---

par la Banque Ottomane a la disposition de l'Ambassade, c'est seulement au bout de plusieurs mois, le 23 juin 6 juillet, que cette dernière a transmis à la Sublime Porte une demande «des intéresses» concluant au payement d'une vingtaine de millions de francs pour intérêts de retard, en exprimant l'espoir que la Sublime Porte «n'hésitera pas à reconnaître, en principe, le bien fondé de la réclamation», sauf «à déférer» l'examen des détails à une commission mixte russo-turque,—qu'en résumé, depuis onze ans et davantage, et jusqu'à une date postérieure au payement du reliquat du capital, il n'avait non seulement plus été question d'intérêts entre les deux Gouvernements, mais été, à maintes reprises, fait mention seulement du reliquat du capital.

Dès l'instant où le Tribunal a reconnu que, d'après les principes généraux et la coutume en droit international public, il y avait similitude des situations entre un Etat et un particulier débiteurs d'une somme conventionnelle liquide et exigible, il est équitable et juridique d'appliquer aussi par analogie les règles de droit privé commun aux cas, où la demeure doit être considérée comme purgée et le bénéfice de celle-ci supprimé En droit privé, les effets de la demeure sont supprimés, lorsque le créancier, après avoir constitué le débiteur en demeure, accorde un ou plusieurs délais pour satisfaire à l'obligation principale sans réserver les droits acquis par la demeure (Toullier-Duvergier, Droit français, tome III, p. 159, № 256), ou encore lorsque «le créancier ne donne pas suite à la sommation qu'il avait faite au débiteur», et «ces règles s'appliquent aux dommages intérêts et aussi aux intérêts dus pour l'inexécution de l'obligation.. ou pour retard dans l'exécution» (Duranton, Droit français, X, p. 470, Aubry et Rau, Droit Civil 1871, IV, p. 99, Berney, De la demeure etc Lausanne 1886, p. 62, Windscheid Lehrbuch des Pandektenrechts 1879 p. 99, Demolombe X, p 49, Larombière I art 1139 № 22, etc.).

Entre le Gouvernement Impérial Russe et la Sublime Porte, il y a donc eu renonciation aux intérêts de la part de la Russie, puisque son Ambassade a successivement accepté sans discussion ni réserve et reproduit à maintes reprises dans sa propre correspondance diplomatique les chiffres du reliquat de l'indemnité comme identiques aux chiffres du reliquat en capital En d'autres termes, la correspondance des dernières années établit que les deux Parties ont interprété, en fait, les actes de 1879 comme impliquant l'identité entre le payement du solde du capital et le payement du solde auquel avaient droit les indemnitaires, ce qui impliquait l'abandon des intérêts ou dommages-intérêts moratoires.

Le Gouvernement Impérial Russe ne peut, une fois le capital de l'indemnité intégralement versé ou mis à sa disposition, revenir valablement d'une façon unilatérale sur une interprétation acceptée et pratiquée en son nom par son Ambassade.

междугосударственныхъ отношеніяхъ. Гаагскій судъ, повидимому, хочетъ сказать, что, разъ онъ призналъ принципъ отвѣтственности государства за долги въ томъ же объемѣ, въ какомъ она существуетъ для частныхъ лицъ, то всѣ процессуальныя правила, содержащіяся въ частномъ правѣ, переносятся eo ipso и въ международныя отношенія Такое разсужденіе основано на невѣрной предпосылкѣ Не потому принципъ отвѣтственности общепризнанъ въ международныхъ отношеніяхъ, что онъ считается справедливымъ въ частноправовыхъ отношеніяхъ, а потому что безъ него немыслима никакая международная жизнь. Онъ существуетъ самъ по себѣ, какъ начало положительнаго международнаго права, совершенно независимо отъ какой бы-то ни было «аналогіи» съ частнымъ правомъ. А потому изъ существованія различныхъ процессуальныхъ правилъ, опредѣляющихъ условія отвѣтственности должника въ частномъ правѣ, нельзя дѣлать вывода о дѣйствіи этихъ правилъ и въ международныхъ отношеніяхъ.

Какъ уже было указано, положительное международное право не содержитъ никакихъ правилъ, ставящихъ право государства-кредитора на проценты умедленія въ зависимость отъ предупрежденія имъ государства-должника (mise en demeure). Точно также международное право не знаетъ никакихъ правилъ, опредѣляющихъ условія утраты этого права. Поэтому введеніе такихъ правилъ въ международное право путемъ «справедливой аналогіи», какъ это сдѣлалъ Гаагскій Судъ, намъ кажется совершенно произвольнымъ. Произвольность эта въ данномъ случаѣ выступаетъ тѣмъ ярче, что Судъ не ссылается даже на «большое число европейскихъ законодательствъ», какъ это онъ сдѣлалъ для доказательства необходимости протеста (mise en demeure) въ международныхъ отношеніяхъ, а на «общее гражданское право»; подъ этимъ же терминомъ, судя по ссылкамъ, Гаагскій трибуналъ разумѣетъ французское и римское право. На чемъ основанъ этотъ выборъ, судъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ.

Такимъ образомъ, мы должны отвергнуть первыя три основанія, на которыхъ Гаагскій судъ строитъ свою теорію отказа Русскаго Посольства отъ права на проценты умедленія:

1. Публичное международное право не содержитъ никакихъ нормъ, требующихъ внесенія особыхъ оговорокъ о процентахъ въ расписки, выдаваемыя кредиторомъ въ полученіи части капитальнаго долга. Даже если бы всѣ законы содержали такое постановленіе, оно не было бы обязательнымъ для международныхъ отношеній. Помимо того, въ данномъ случаѣ «общее гражданское право» оказывается не общимъ.

Такъ, русское гражданское право, т. е національное право кредитора, не сходится съ приведеннымъ «по аналогіи» правомъ римскимъ. По рѣшенію Сената, «принятіе въ уплату капитала, безъ возраженія о неуплатѣ процентовъ на оный, не означаетъ отказа отъ процентовъ и

не лишаетъ права требовать оныхъ послѣ, въ теченіе давности (2 сб. Сен рѣш. 1, № 95) [1]).

2. Точно также, публичное международное право не знаетъ вовсе правила, по которому согласіе кредитора на разсрочку уплаты капитальной суммы лишало бы его уже пріобрѣтеннаго права на проценты умедленія, если онъ не оговорилъ особо сохраненія этого права.

Какъ мы видѣли, Русское Правительство дѣйствительно дважды соглашалось на разсрочку уплаты слѣдуемой ему суммы, а именно въ въ 1887 и въ 1893 годахъ. Въ 1887 г. Русское Посольство, нотою отъ 5 17 іюля, предложило Портѣ уплатить немедленно 100,000 лиръ, т. е. не весь остатокъ долга, но Порта этой льготой не воспользовалась, а нотою 26 ноября 8 декабря 1887 г. Посольство потребовало уже опять погашенія требованій русскоподданныхъ, а не только частичной уплаты. Точно также въ 1893 году Посольство (нотою отъ 18/30 марта) согласилось принять уплату остатка вознагражденія въ два срока, совпадающіе съ окончаніемъ двухъ ближайшихъ бюджетныхъ періодовъ; но Порта въ эти сроки ничего не уплатила, и нотою отъ 23 мая/4 іюня 1894 г. Посольство опять потребовало немедленной уплаты всего остатка Какъ въ 1887 г., такъ и въ 1894 г неисполненіе Портою своихъ обязательствъ повело къ возстановленію status quo ante, т. е къ возстановленію силы предупрежденій о процентахъ умедленія, содержавшихся въ нотахъ 15 27 февраля 1887 г. и 31 декабря 1890/12 января 1891 г. Такое заключеніе логически вытекаетъ изъ сдѣланнаго нами выше анализа дипломатической переписки между Портою и Русскимъ Посольствомъ, и отнюдь не можетъ быть поколеблено ссылками на римское и французское право, приводимыми Гаагскимъ судомъ въ доказательство противоположнаго взгляда.

3. Отказъ Русскаго Правительства отъ права на проценты умедленія Гаагскій трибуналъ усматриваетъ и въ томъ обстоятельствѣ, что оно не преслѣдовало приглашенія къ исполненію, сдѣланнаго имъ должнику (ne donne pas suite à la sommation qu'il avait faite au débiteur). И это положеніе подкрѣплено обильными ссылками на курсы французскаго и римскаго права.

Совершенно вѣрно, что послѣ подачи ноты 31 декабря 1890/12 января 1891 года и вплоть до подачи ноты 23 іюня/6 іюля 1892 г., т. е. въ теченіе свыше 11 лѣтъ, въ дипломатической перепискѣ между Посольствомъ и Портою не было рѣчи о процентахъ умедленія. Но, что бы ни говорили вышеупомянутые курсы римскаго и французскаго права, въ международныхъ отношеніяхъ невозможно выводить изъ подобнаго факта утрату кредиторомъ своего права на проценты. Для такого утвержденія въ международномъ правѣ не находится ни ма-

---

[1]) Побѣдоносцевъ Курсъ Гражданскаго Права, Третья Часть, изд. 1890, стр 91.

лѣйшихъ основаній, ибо оно совершенно не знаетъ института давности.

Правда, Гаагскій судъ не употребляетъ термина «давность». Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что онъ внесъ это понятіе въ международное право. Опираясь на римское и французское право, судъ утверждаетъ, что кредиторъ теряетъ права, пріобрѣтенныя протестомъ (mise en demeure), если не преслѣдуетъ ихъ (ne donne pas suite) При этомъ не указывается однако, по истеченіи какого срока времени кредиторъ считается лишеннымъ своего права. Судъ констатируетъ лишь, для даннаго случая, что стороны въ теченіе болѣе 11 лѣтъ не упоминали въ своей перепискѣ о процентахъ умедленія.

Такимъ образомъ, судъ не установилъ предѣловъ для исчисленія давности въ международномъ правѣ. Изъ рѣшенія слѣдуетъ только, что право на проценты умедленія погашается, если кредиторъ не требовалъ ихъ въ теченіе одиннадцати, и, конечно, болѣе лѣтъ. Но какъ быть, если кредиторъ не повторялъ своихъ требованій въ теченіе 9, 7, 5, 2 лѣтъ, одного года? На этотъ вопросъ въ рѣшеніи Гаагскаго Суда нѣтъ отвѣта, и возможно предположить, что и въ случаѣ неупоминанія о процентахъ въ теченіе болѣе краткаго срока, онъ вынесъ бы тождественное рѣшеніе. Гаагскій судъ сказалъ только: право на проценты умедленія въ международныхъ отношеніяхъ погашается въ срокъ, превышающій 11 лѣтъ.

Мы уже неоднократно указывали на произвольность системы третейскаго суда, примѣняющаго къ разрѣшенію международнаго спора законы тѣхъ или другихъ государствъ. Перенесеніе въ международную сферу совершенно чуждаго ей института давности безпримѣрно въ лѣтописяхъ Гаагской юриспруденціи. То обстоятельство, что срокъ давности не указанъ опредѣленно, а лишь признанъ для даннаго случая, конечно, только увеличиваетъ неопредѣленность вынесеннаго рѣшенія. Излишне настаивать на опасности этого послѣдняго для международнаго оборота, если бы будущіе третейскіе судьи придали ему значеніе прецедента. Мы увѣрены однако, что рѣшеніе 11 ноября 1912 года не создастъ школы, и что судебная практика будетъ продолжать идти по пути, указанномъ въ рѣшеніи другого Гаагскаго суда отъ 14 октября 1902 г (по дѣлу Fonds pieux de Californie), гласящемъ: «правила о давности, какъ относящіяся исключительно къ области гражданскаго права, не могутъ быть примѣнены къ спору между двумя тяжущимися государствами».

§ 6.

Мы переходимъ теперь къ четвертому и главному аргументу, приводимому Гаагскимъ Судомъ въ пользу своей теоріи отказа Русскаго Посольства отъ процентовъ умедленія—къ совпаденію въ дипло-

матической корреспонденціи цифръ остатка вознагражденія (reliquat de l'indemnité) съ цифрами остатка капитала (reliquat du capital).

Что этотъ аргументъ для суда является главнымъ, нетрудно усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ рѣшенія: перечисливъ первые три довода, выше нами разобранные, судъ продолжаетъ: «Изъ нея (дипломатической переписки) въ особенности [1]) слѣдуетъ, что оба Правительства тождественно толковали терминъ «остатокъ вознагражденія» (il en résulte surtout que les deux Gouvernements ont interprété de façon identique le terme de reliquat de l'indemnité, p 99) Послѣ этого приводятся всѣ мѣста изъ дипломатическихъ нотъ, въ которыхъ употребляется терминъ «reliquat», и дѣлается слѣдующій выводъ: «Въ итогѣ, въ теченіе 11 лѣтъ и болѣе, и вплоть до періода, слѣдующаго за уплатой остатка капитала, между обоими Правительствами не только не было рѣчи о процентахъ, но даже [1]) неоднократно упоминалось только объ остаткѣ капитала (il n'avait non seulement plus été question d'intérêts entre les deux Gouvernements, mais été à maintes reprises fait mention seulement du reliquat du capital p 100). Наконецъ, въ послѣднихъ параграфахъ рѣшенія (стр. 100, внизу) говорится, что отказъ (renonciation) Русскаго правительства отъ процентовъ слѣдуетъ изъ того, что Посольство принимало и воспроизводило цифры остатка вознагражденія, какъ совпадающія съ цифрами остатка капитала, или, другими словами, изъ того, что обѣ стороны толковали акты 1879 года въ смыслѣ тождества (identité) уплаты остатка капитала и уплаты остатка суммы, на которую притязали русско-подданные. Изъ такого толкованія вытекаетъ-де отказъ (abandon) отъ процентовъ умедленія (стр. 101).

Гаагскій Судъ особенно настаиваетъ на своемъ четвертомъ аргументѣ въ пользу теоріи отказа Посольства отъ права на проценты, и это понятно. Тогда какъ первые три довода (отсутствіе оговорокъ въ роспискахъ, дарованіе должнику отсрочекъ и погашеніе 11-лѣтнею давностью права на проценты) всецѣло основаны на отдѣльныхъ государственныхъ законахъ и введены судомъ въ международное право лишь путемъ «аналогіи», послѣдній аргументъ притязаетъ на самостоятельное значеніе. Тутъ уже не соединяются юридическія послѣдствія съ тѣмъ или другимъ образомъ дѣйствія Посольства, а толкуются сдѣланныя имъ заявленія. Очевидно, что, если изъ терминовъ, употребленныхъ Русскимъ Посольствомъ въ своей перепискѣ съ Портою слѣдуетъ, что оно отказалось (abandon) отъ своего требованія процентовъ, то оно не могло впослѣдствіи взять назадъ свой отказъ.

Но содержится ли этотъ отказъ (renonciation, abandon) въ дипломатической перепискѣ? На нашъ взглядъ, нѣтъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Гаагскій Судъ, какъ мы видѣли, основываетъ свое мнѣніе на томъ обстоятельствѣ, что Порта и Посольство, употребляя въ своихъ нотахъ термины «reliquat», «totalité du reliquat», и «reliquat de l'indemnité», тутъ же выражали этотъ остатокъ въ цифрѣ, которая всякій разъ равнялась неуплаченной части капитала. Судъ, очевидно, хочетъ сказать, что подъ вышеприведенными тремя терминами Посольство разумѣло все, что ему оставалось получить, и что, разъ этотъ остатокъ всякій разъ выражался цифрою, соотвѣтствующей цифрѣ остатка капитала, то Посольство этимъ самымъ отказывалось отъ процентовъ.

Такое толкованіе намъ кажется однако неправильнымъ. Разъ выраженія «reliquat», «totalité du reliquat» и «totalité de l'indemnité» соединялись во всѣхъ нотахъ съ цифрами остатка капитала, то нужно заключить, что подъ выраженіями этими и разумѣлся только остатокъ капитала. Такое толкованіе самое естественное, и опирается на предшествующую дипломатическую переписку. Въ самомъ дѣлѣ, въ перепискѣ между Посольствомъ и Портою, начиная съ 1881 г. и до 1893 г., когда впервые было употреблено выраженіе «reliquat», подъ терминомъ «вознагражденіе» (indemnité) разумѣлся капиталъ, а не капиталъ съ процентами умедленія.

Нота Посольства отъ 23 сентября 1881 [1]) передаетъ прошеніе русско-подданныхъ, имѣющихъ получить вознагражденія (des indemnités) на основаніи постановленій Коммиссіи, учрежденной въ силу 5 ст. договора 1879 года; Коммиссія эта никакихъ процентовъ не присуждала, и подъ терминомъ «indemnités» слѣдуетъ конечно, разумѣть одинъ капиталъ. Въ приложенномъ къ нотѣ прошеніи рускоподданныхъ проценты умедленія оговорены особо.

Нота Посольства отъ 6/18 февраля 1884 г. требуетъ уплаты «суммъ, присужденныхъ въ силу Константинопольскаго договора русскимъ подданнымъ въ качествѣ вознагражденія» (à titre d'indemnités), а отвѣтная нота Порты отъ 21 іюня 1884 г. предлагаетъ уплату пятой части этого вознагражденія (cinquième du montant total des dites indemnités) [2]). И здѣсь подъ терминомъ «indemnités», очевидно, разумѣетея одинъ капиталъ.

Нота Посольства отъ 19 іюня/1 іюля 1884 [3]) требуетъ «полной уплаты вознагражденія» (le payement intégral des indemnités) и угрожаетъ, въ противномъ случаѣ, признать за русско-подданными право требовать, кромѣ капитала, также процентовъ (outre le capital à des intérêts proportionnés au retard). Совершенно ясно, что и въ этой нотѣ «indemnité» означаетъ «капиталъ»

---

[1]) Mémoire Russe, Document № 11.
[2]) Memoire Russe, Documents №№ 12 et 13.
[3]) Mémoire Russe, Document № 14.

Точно также въ своей нотѣ отъ 15/27 февраля 1887 г. [1]), Русское Посольство, указывая на неуплату Портою «суммъ, слѣдуемыхъ русскоподданнымъ въ качествѣ вознагражденія (sommes dues aux sujets russes à titre d'indemnité), и настаивая на немедленной уплатѣ всего остатка этихъ суммъ (acquitter sans délai le restant des sommes dues aux sujets russes), заявляетъ, что въ случаѣ новыхъ промедленій, Русское Правительство потребуетъ процентовъ умедленія (des intérêts pour les retards). Итакъ подъ выраженіями «sommes dues à titre d'indemnité» и «restant des sommes dues» подразумѣвается исключительно капитальный долгъ.

Наконецъ, нота Посольства отъ 31 декабря 1890/12 января 1891, содержащая категорическое требованіе процентовъ умедленія, ставитъ его отдѣльно отъ требованія суммъ, слѣдуемыхъ русскоподданнымъ въ качествѣ вознагражденія (indemnité), т. е. отъ требованія капитала.

Что касается прочихъ нотъ, которыми Посольство и Порта обмѣнялись за періодъ времени отъ 1881 до 1893 года, то и въ нихъ терминъ «indemnité» внѣ всякаго сомнѣнія, обозначаетъ «капиталъ». Въ этомъ смыслѣ терминъ этотъ употребленъ въ 5 статьѣ Константинопольскаго трактата 1879 года. Въ этомъ же смыслѣ онъ толкуется, какъ Русскими, такъ и Турецкими Мемуарами. Русское Правительство утверждаетъ, что спеціальное предупрежденіе о процентахъ не требуется международнымъ правомъ и указываетъ, что оно его тѣмъ не менѣе сдѣлало въ 1881, 1884, 1887 и 1891 годахъ. Турецкое Правительство считаетъ такое спеціальное предупрежденіе необходимымъ, но признаетъ силу лишь за русскимъ протестомъ 1891 года. Но ни Россія, ни тѣмъ паче Турція не усматриваютъ спеціальнаго требованія процентовъ въ требованіи «indemnité»; другими словами, они не утверждаютъ, что слово «indemnité» обозначаетъ «капиталъ съ процентами». И самъ Гаагскій судъ, рѣшивъ что первое требованіе процентовъ умедленія было сдѣлано 30 Декабря 1890/12 Января 1891 г., призналъ, что подъ терминомъ «indemnité» во всей предшествовавшей перепискѣ нужно разумѣть одинъ капиталъ.

Намъ кажется очевиднымъ, что толкованіе термина «indemnité», принятое сторонами и судомъ при анализѣ первой части русско-турецкой дипломатической переписки (1881—1893), не можетъ быть произвольно измѣнено при обсужденіи второй части этой переписки (отъ 1893 до 1902 года). Между тѣмъ, принятое Турецкими Мемуарами, а за ними и Гаагскимъ судомъ толкованіе термина «reliquat de l'indemnité» грѣшитъ именно этой непослѣдовательностью. Изъ того, что «остатокъ вознагражденія» опредѣляется цифрою остатка капитала, судъ дѣлаетъ выводъ, что Русское Посольство требовало только остатка капитала и отказалось отъ процентовъ Такой выводъ возможенъ однако,

[1]) Mémoire Russe, Document № 21.

только при предположеніи, что «indemnité» означаетъ «все, что остается получить русскимъ подданнымъ». Если же придать термину «indemnité» то же значеніе, которое ему придается обѣими сторонами и Судомъ въ перепискѣ за періодъ отъ 1881—1893 годовъ, т. е. значеніе «капитала», а терминамъ «reliquat de l'indemnité», «reliquat» и «totalité du reliquat» то же значеніе, которое имѣлъ въ прежнихъ нотахъ терминъ «restant des sommes dues», то мы придемъ къ совершенно иному выводу: Русское Посольство въ своихъ нотахъ начиная съ 1893 и до 1902 года требовало только остатка капитала, тутъ же выражая его въ цифрахъ; о процентахъ же не упоминало.

Такимъ образомъ, и четвертый доводъ Гаагскаго Суда въ пользу теоріи отказа Русскаго Посольства отъ своего права оказывается совершенно несостоятельнымъ. Русское Правительство, дѣйствительно, въ теченіе болѣе 11 лѣтъ, не требовало процентовъ, но оно отъ нихъ и не отказывалось. Поэтому Россія могла потерять свое право на проценты умедленія лишь въ томъ случаѣ, если бы въ международно-правовой области существовалъ институтъ давности, какъ извѣстно, въ ней не существующій.

Гаагскій Судъ заключаетъ свои разсужденія по поводу «отказа Посольства» слѣдующими словами: «Императорское Россійское Правительство не можетъ, послѣ того какъ капиталъ вознагражденія полностью былъ ему уплаченъ или предоставленъ въ его распоряженіе, односторонне отказаться отъ толкованія, принятаго и примѣнявшагося отъ его имени его Посольствомъ». На основаніи сдѣланнаго нами анализа, мы позволяемъ себѣ высказать мнѣніе, что Гаагскій Судъ ошибся, приписавъ терминамъ, употребленнымъ Посольствомъ, смыслъ, котораго они не имѣли и имѣть не могли. Русское Посольство отъ своего права на проценты умедленія никогда не отказывалось.

VI.

Формула Рѣшенія Гаагскаго Суда.

§ 1.

Заключеніе (conclusion) Гаагскаго Суда гласитъ:

«Третейскій Судъ, исходя изъ вышеизложенныхъ юридическихъ и фактическихъ соображеній, полагаетъ, что въ принципѣ (en principe)

[1]) То же мнѣніе высказываетъ И. А Зиновьевъ (l. c. стр. 137): «употребленное въ обмѣненной между Портою и Посольствомъ перепискѣ выраженіе остатокъ (reliquat), какъ это явствуетъ изъ самой переписки, касалось лишь капитальной суммы долга турецкаго правительства, относительно каковой не могло возникнуть спора, и третейскій трибуналъ не имѣлъ права придать означенному выраженію тотъ смыслъ, будто бы вопросъ о процентахъ, возникшій вслѣдствіе несвоевременной уплаты капитальнаго долга, былъ совершенно устраненъ обѣими сторонами».

Императорское Оттоманское Правительство было обязано уплатить Императорскому Россійскому Правительству проценты умедленія, считая съ 31 декабря 1890/12 января 1891 года, числа полученія яснаго и правильнаго предупрежденія (mise en demeure), но что фактически (de fait) дѣйствіе (bénéfice) этого предупрежденія прекратилось для Императорскаго Россійскаго Правительства вслѣдствіе послѣдующаго отказа его Посольства въ Константинополѣ, и что, въ виду сего, Императорское Оттоманское Правительство не обязано въ настоящее время (aujourd'hui) возмѣстить ему убытки (dommages-intérêts), происшедшіе отъ сроковъ (à raison des dates), въ которые была произведена уплата вознагражденія,

а, посему

рѣшаетъ.

дается отрицательный отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ 1 параграфѣ 3-й статьи Третейской записи и формулированный слѣдующимъ образомъ: «Да или нѣтъ, обязано ли Императорское Оттоманское Правительство возмѣстить пострадавшимъ русскимъ подданнымъ убытки, понесенные благодаря срокамъ, въ которые это Правительство уплачивало вознагражденіе, опредѣленное во исполненіе 5-й статьи договора 27 января/8 февраля 1879 года, и протокола отъ того же числа» [1]).

§ 2

Подводя итоги нашему изслѣдованію, мы позволяемъ себѣ по поводу этого рѣшенія Гаагскаго Суда высказать нижеслѣдующія замѣчанія

---

[1]) Le Tribunal arbitral, se basant sur les observations de droit et de fait qui précèdent, est d'avis

qu'en principe, le Gouvernement Impérial Ottoman était tenu, vis-à-vis du Gouvernement Impérial de Russie, à des indemnités moratoires à partir du 31 décembre 1890/12 janvier 1891, date de la réception d'une mise en demeure explicite et réguliere,

mais que, de fait, le bénéfice de cette mise en demeure ayant cessé pour le Gouvernement Impérial de Russie par suite de la renonciation subséquente de son Ambassade a Constantinople, le Gouvernement Impérial Ottoman n'est pas tenu aujourd'hui de lui payer des dommages-intérêts à raison des dates auxquelles a été effectué le payement des indemnités,

et en conséquence,

Arrête

Il est répondu négativement à la question posée au chiffre I de l'article 3 du Compromis et ainsi conçue: «Oui ou non, le Gouvernement Impérial Ottoman est-il tenu de payer aux indemnitaires russes des dommages-intérêts à raison des dates auxquelles ledit Gouvernement a procédé au payement des indemnités fixées en exécution de l'article 5 du traité du 27 janvier/8 fevrier 1879, ainsi que du Protocole de même date»

1. Третейскій судъ призналъ, вопреки теоріи Порты, что изъ международнаго начала отвѣтственности государства вытекаетъ обязанность государства-должника къ уплатѣ процентовъ умедленія.

2 Значеніе этого совершенно правильнаго положенія третейскій судъ ослабилъ однако введеніемъ въ международное право протеста въ неплатежѣ (mise en demeure), какъ условія, несоблюденіе котораго влечетъ за собою утрату права на проценты. Начало это заимствовано судомъ изъ французскаго права и примѣнено по аналогіи. Произвольность этого примѣненія нормы частнаго права къ международнымъ отношеніямъ усугубляется тѣмъ, что, по мнѣнію суда, этотъ протестъ долженъ содержать спеціальное требованіе процентовъ умедленія, и при томъ облеченное въ категорическую форму.

3 Основываясь на этихъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ положительному международному праву положеніяхъ, Гаагскій судъ призналъ за Россіею право на проценты умедленія не съ 1881 г., а съ 1891 года. Это постановленіе представляется неправильнымъ не только съ точки зрѣнія дѣйствующаго международнаго права, но и съ точки зрѣнія самого суда, если принять во вниманіе, что въ 1884 и въ 1887 годахъ Русское Посольство предъявляло Портѣ условныя требованія процентовъ умедленія, которыя сами собою превратились въ категорическія вслѣдствіе наступленія условія, т. е. неуплаты Турціей капитала.

4. Отклонивъ возраженія Турціи, основанныя на непреодолимой силѣ, дарственномъ характерѣ обязательства Порты и res judicata, Третейскій Судъ принялъ, наоборотъ, послѣднее возраженіе Турецкаго Правительства и призналъ, что Русское Правительство утратило свое право на проценты умедленія. Свое рѣшеніе третейскій Судъ мотивируетъ четырьмя доводами, изъ которыхъ первые три опять-таки заимствованы изъ частнаго права, а именно: отсутствіе оговорокъ о процентахъ умедленія въ распискахъ Посольства, дарованіе отсрочекъ должнику и неупоминаніе о процентахъ въ перепискѣ въ теченіе болѣе 11 лѣтъ. Этотъ третій доводъ равносиленъ введенію въ международное право неизвѣстнаго ему доселѣ понятія давности. Наконецъ, четвертый главный доводъ третейскаго суда заключается въ имѣвшемъ будто бы мѣсто отказѣ Русскаго Посольства отъ своего права. Отказъ этотъ выводится судомъ изъ того обстоятельства, что въ дипломатической перепискѣ послѣднихъ 11 лѣтъ Посольство, требуя остатка вознагражденія (reliquat de l'indemnité), опредѣляетъ его тутъ же цифрою остатка капитала. Изъ переписки перваго періода слѣдуетъ, однако, что подъ словомъ «вознагражденіе» (indemnité) никогда не разумѣлось «все, что оставалось получить», а всегда одинъ капиталъ. Толкованіе Гаагскаго суда поэтому не можетъ быть принято. Посольство въ теченіе послѣднихъ 11 лѣтъ не требовало процентовъ, но и не отказывалось отъ нихъ.

Такимъ образомъ, рѣшеніе Гаагскаго третейскаго суда отъ 11 ноября 1912 года намъ представляется:

1) согласнымъ съ международнымъ правомъ въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ признается принципіальное право Россіи на проценты умедленія и отклоняются первые три возраженія Порты, и

2) несогласнымъ съ международнымъ правомъ въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ принципіальное право Россіи на проценты умедленія признается лишь съ 31 декабря 1890—12 января 1891 г., а затѣмъ объявляется утраченнымъ вслѣдствіе отказа Императорскаго Посольства въ Константинополѣ [1]).

А потому мы, конечно, полагаемъ, что на вопросъ 1-го параграфа 3-ей статьи Компромисса третейскій судъ долженъ былъ отвѣтить не отрицательно, а утвердительно.

§ 3.

Какъ уже было упомянуто въ предисловіи, настоящее изслѣдованіе имѣло главною цѣлью выяснить значеніе третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года, какъ прецедента для разрѣшенія аналогичныхъ междугосударственныхъ споровъ. При всемъ нашемъ уваженіи къ высокому судилищу, вынесшему это рѣшеніе, мы не можемъ не высказать своего отрицательнаго къ нему отношенія. По нашему глубокому убѣжденію, рѣшеніе 11 ноября 1912 года не должно служить прецедентомъ для будущихъ третейскихъ судей.

Въ основаніе рѣшенія третейскаго суда положена совершенно невѣрная, на нашъ взглядъ, старая теорія естественнаго права, по которой то, что справедливо въ отношеніяхъ между частными лицами, всегда справедливо и въ отношеніяхъ между государствами (angewandtes Naturrecht). Судъ забываетъ, что международная жизнь развивается по совершенно другимъ соціологическимъ законамъ, чѣмъ жизнь индивидовъ внутри государствъ. Государственная и междугосударственная области несоизмѣримы, и регулирующія ихъ нормы должны считаться съ совершенно различными условіями. Иногда, конечно, эти нормы могутъ совпадать, но это совпаденіе случайное.

Мы отнюдь не отрицаемъ значенія справедливости (équité) въ международномъ правѣ. Наоборотъ, этой идеѣ суждено играть большую роль въ международныхъ отношеніяхъ, такъ какъ большая часть международно-правовыхъ нормъ еще не кодифицирована. Но мы разумѣемъ подъ этой справедливостью интуитивное, независящее ни отъ какихъ нормативныхъ фактовъ, или источниковъ, право. А потому мы

[1]) Ср. И. А. Зиновьевъ, l. c. стр. 136—138.—Какъ видно уже изъ предыдущихъ ссылокъ (см. выше стр. 150 и 186), высокоуважаемый авторъ считаетъ приговоръ Гаагскаго суда неправильнымъ.

протестуемъ противъ перенесенія, во имя справедливости, и путемъ аналогіи, въ международное право нормъ, расчитанныхъ на частно-правовыя отношенія. Произвольность этого перенесенія еще ощутительнѣе, если нормы отдѣльныхъ государствъ не сходятся, и третейскій судъ, какъ въ данномъ случаѣ Гаагскій, выбираетъ ту, которая ему кажется наиболѣе подходящей. Восполненіе пробѣловъ положительнаго международнаго права, по нашему мнѣнію, должно совершаться не такимъ путемъ. Отрѣшившись отъ всякихъ аналогій съ частнымъ правомъ, третейскій судъ долженъ основывать свое постановленіе на внимательномъ изученіи междугосударственныхъ отношеній въ данной области. Только въ такомъ случаѣ его рѣшеніе будетъ принято народами и ихъ судьями, какъ прецедентъ при разрѣшеніи международныхъ споровъ.

Рѣшеніе Гаагскаго суда 11 ноября 1913 г. этому условію не удовлетворяетъ. Оно не основано ни на дѣйствующемъ положительномъ международномъ правѣ, ни на интуитивной совѣсти международныхъ судей, а опирается на различные государственные законы, примѣненные по аналогіи. Это рѣшеніе не можетъ, поэтому, служить прецедентомъ для международной судебной практики.

VII.

Возможенъ ли пересмотръ третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года.

§ 1.

Вопросъ о пересмотрѣ третейскихъ рѣшеній въ наукѣ международнаго права.

До созванія гаагскихъ конференцій 1899 и 1907 года и послѣдовавшаго за нимъ учащенія случаевъ обращенія государствъ къ арбитражу, большинство теоретиковъ международнаго права признавали ничтожность (nullité) третейскихъ рѣшеній въ извѣстныхъ случаяхъ, а слѣдовательно, и допустимость пересмотра (révision); не допускалась только аппеляція [1]).

Институтъ международнаго права, выработавшій во время сессіи 1875 года въ Гаагѣ уставъ международнаго третейскаго

[1]) Вопросъ о ничтожности и о пересмотрѣ третейскихъ рѣшеній подробно изложенъ у Méringhac Traité de l'arbitrage International 1895 стр 306—312; Ernest Nys. La Révision de la Sentence Arbitrale въ «Revue de Droit International» année 1910 p. 595—641, Otfried Nippold. Die Fortbildung des Verfahrens in völkerrechtlichen Streitigkeiten 1907 p.p. 347—373. Эти авторы приводятъ мнѣнія слѣдующихъ ученыхъ, признающихъ ничтожность (nullité) третейскихъ рѣшеній при наличности извѣстныхъ условій: Vattel, Heffter, Geffcken, Phillimore, Travers Twiss, Bluntschli, Calvo, Hall, Neumann, Pierantoni, Fiore, Carnazza-Amari, Pradier-Fodéré, Bulmerincq, Гр. Камаровскій, Goldschmidt, Weiss, Mancini, Lapradelle

производства, постарался сгруппировать въ 27-ой статьѣ большинство приводимыхъ этими учеными основаній для признанія третейскихъ рѣшеній ничтожными, другими словами, дать перечень кассаціонныхъ поводовъ въ международномъ судопроизводствѣ. Упомянутая статья устава института гласитъ: «Третейское рѣшеніе ничтожно въ случаяхъ ничтожности компромисса, превышенія власти, доказаннаго подкупа одного изъ арбитровъ, или существенной ошибки» («La sentence arbitrale est nulle en cas de compromis nul, ou d'excès de pouvoir, ou de corruption prouvée d'un des arbitres, ou d'erreur essentielle») [1]). При этомъ институтъ не указалъ инстанціи, которая должна отмѣнить ничтожное третейское рѣшеніе.

§ 2.

Отношеніе гаагскихъ конференцій къ пересмотру третейскихъ рѣшеній.

Гаагскія конференціи не пошли по пути, намѣченному институтомъ международнаго права.

26-ая статья русскаго проекта «устава третейскаго разбирательства» (Code d'Arbitrage), представленнаго первой гаагской конференціи, предусматривала ничтожность третейскаго рѣшенія въ трехъ случаяхъ: ничтожности компромисса, превышенія власти и доказаннаго подкупа одного изъ судей [2]). Эта статья не встрѣтила однако сочувствія среди членовъ комитета (Comité d'Examen) третейской коммиссіи, указывавшихъ на отсутствіе власти, компетентной для объявленія приговора ничтожнымъ [3]). Комитетъ занялся вмѣсто того обсужденіемъ 7-ой статьи американскаго проекта: «Всякая сторона, представившая дѣло третейскому суду, имѣетъ право на вторичное разсмотрѣніе своего процесса тѣми же судьями, если въ 3-хъ мѣсячный срокъ послѣ сообщенія рѣшенія, она заявитъ, что можетъ представить новыя доказательства или возбудитъ правовые вопросы, не обсуждавшіеся и не рѣшенные во время перваго судоговоренія» [4]). Принципъ пересмотра (révision) былъ принятъ въ комитетѣ большинствомъ голосовъ; противъ него голосовали швейцарскій делегатъ Одіе, бельгійскій — Деканъ и русскій — профессоръ Мартенсъ. Послѣдній полагалъ,

[1]) Voir «Tableau Général de l'organisation, des travaux et du personnel de l'Institut de Droit International» 1893 p 131.

[2]) Art. 26 «La sentence arbitrale est nulle en cas de compromis nul, ou d'excès de pouvoir ou de corruption prouvée d'un des arbitres».

[3]) Conférence Internationale de la Paix 1899, Edition du Ministère des Affaires Etrangères de la Haye de 1907, Quatrième Partie, Comité d'examen, X séance, page 39

[4]) Art 7 «Tout litigant qui aura soumis un cas au Tribunal international aura droit à une seconde audition de sa cause devant les mêmes juges, en dedans les trois mois après que la sentence aura été notifiée, s'il déclare pouvoir invoquer des témoignages nouveaux ou des questions de droit non soulevées et non tranchées la première fois».

что главная цѣль арбитража «международное успокоеніе» (apaisement international), цѣль, нарушаемая допущеніемъ пересмотра. Во время преній было затѣмъ установлено, что подъ понятіе «новаго факта» нельзя подводить открытіе ошибки судей (erreur) [1]). За то подлогъ (faux) подходитъ подъ понятіе новаго факта [2]). Въ результатѣ редакція американскаго предложенія была измѣнена, и комитетъ внесъ въ третью коммиссію проектъ 54-ой статьи, допускающей пересмотръ третейскаго рѣшенія, за исключеніемъ лишь того случая, когда стороны отказались отъ него въ компромиссѣ [3]).

Въ 5-омъ засѣданіи третьей коммиссіи, 17 іюля 1889 года, начало пересмотра подверглось новымъ нападкамъ со стороны Ф. Ф. Мартенса (Россія) и Декана (Бельгія).

Ф. Ф. Мартенсъ основывалъ свою оппозицію на слѣдующихъ соображеніяхъ. Цѣль арбитража—покончить разъ на всегда съ возникшимъ международнымъ споромъ. Было бы крайне прискорбно, если одно третейское рѣшеніе могло бы быть отмѣнено другимъ. Государство, которое въ теченіе извѣстнаго срока будетъ имѣть право требовать пересмотра на основаніи открытія «новыхъ обстоятельствъ», сдѣлаетъ все возможное, чтобы открыть такія обстоятельства; за это время вновь разгорятся страсти, возобновятся полемика и взаимныя обвиненія въ прессѣ и парламентахъ обѣихъ странъ. Помимо того, возможность пересмотра умаляетъ нравственный авторитетъ третейскихъ судей въ глазахъ общества, и чувство отвѣтственности въ ихъ собственныхъ. Профессоръ Мартенсъ признаетъ, что съ точки зрѣнія права можно отстаивать не только ревизію, но даже аппеляцію; но онъ, какъ практикъ, становится на точку зрѣнія мира, для достиже-

---

[1]) Ibidem p. 46 «Le Président (M Bourgeois) estime qu'il faut distinguer soigneusement entre la découverte d'une erreur et la découverte d'un fait nouveau. Dans le premier cas, il n'est pas possible de remettre en question la sentence, car ce serait mettre en cause la conscience des juges».

[2]) Ibidem, заявленіе американскаго делегата Holls «Le faux constitue évidemment un cas de nullité et un fait nouveau».

[3]) Art 54 «A moins de disposition contraire contenue dans le compromis, la révision de la sentence arbitrale peut être demandée au Tribunal qui l'a rendue, mais seulement à raison de la découverte d'un fait nouveau qui eût été de nature à exercer une influence décisive sur la sentence et qui, lorsque le tribunal a statué, a été inconnu du tribunal lui même et de la partie qui a demandé la révision.

La procédure de révision ne peut être ouverte que par une décision du Tribunal constatant expressément l'existence du fait nouveau, lui reconnaissant les caractères prévus par le paragraphe précédent et déclarant à ce titre la demande recevable.

Aucune demande en révision ne peut être accueillie que si elle est formée dans les trois mois qui suivent la notification de la sentence».

нія котораго необходимо прекращать всѣ конфликты радикальнымъ способомъ [1]).

Теорія русскаго делегата, поддержанная бельгійцемъ Деканомъ, подверглась оживленной критикѣ со стороны американскаго уполномоченнаго Голса, исходившаго изъ знаменитаго принципа Абрагама Линкольна· «Nothing is settled until it is settled right». По мнѣнію Голса, допущеніе пересмотра въ извѣстныхъ случаяхъ безусловно необходимо. Можно быть увѣреннымъ, что даже, если не включить соотвѣтственное постановленіе въ конвенцію, все же государство, потерпѣвшее отъ явно несправедливаго третейскаго рѣшенія, добровольно ему не подчинится. По поводу высказанныхъ Ф. Ф Мартенсомъ опасеній, Голсъ замѣчаетъ, что гласное обсужденіе рѣшенія можетъ содѣйствовать выясненію истины, что ни одно государство не рѣшится представить суду новыя обстоятельства безъ тщательной провѣрки, и что возобновленіе дѣла зависитъ отъ суда, постановившаго рѣшеніе. Нравственный авторитетъ третейскихъ рѣшеній не умаляется, а увеличивается данной арбитрамъ возможностью исправлять допущенныя ошибки.

Въ пользу пересмотра говорили еще въ коммиссіи другой американскій делегатъ Seth Low и итальянскій—графъ Нигра. Послѣдній указалъ однако на неопредѣленность понятія «новаго факта» и предложилъ принять редакцію 13-й статьи договора о третейскомъ разбирательствѣ между Италіей и Аргентиніею [2]). Противъ пересмотра, говорили Van-Karnebeek (Голландія), тоже указывавшій на неопредѣленность понятія «новаго факта», и Деканъ (Бельгія) полагавшій что развитіе арбитража несовмѣстимо съ введеніемъ въ конвенцію начала пересмотра, какъ о б щ а г о п р а в и л а; пересмотръ допустимъ только, какъ исключеніе [3]).

Въ результатѣ, третья коммиссія, а за ней и конференція, приняли предложеніе А с с е р а, по которому пересмотръ допускается

---

[1]) M. d e M a r t e n s «Il faut bien distinguer deux points de vue· d'après celui du jurisconsulte, il n'est pas douteux, qu'on doive demander la revision et même l'appel. D'après celui de l'homme pratique, c'est l'amour de la paix qui l'emporte· pour la sauvegarder, il veut c o u p e r c o u r t à tous les conflits par un moyen radical». (Actes de la Première Conférence de la Paix, Troisième Commission, p. 30).

[2]) Art. 13· «Le jugement n'est pas susceptible d'appel et il est confié à l'honneur des nations signataires du pacte.

Est reconnu le droit d'en demander, avant que la sentence ne soit exécutée, la révision devant le même tribunal qui a prononcé le jugement

1° Si on a jugé sur un document faux ou erroné,

2° Si la sentence, en tout ou en partie, a été l'effet d'une erreur de fait, positif ou négatif, résultant des actes ou des documents du procès» (Evans Darby. International Tribunals p. 219).

[3]) Ibidem, Troisième Commission p.p. 29—31.

только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ особо предусмотрѣнъ сторонами въ компромиссѣ [1]).

На второй гаагской конференціи 1907 года Ф. Ф. Мартенсъ вновь возсталъ противъ ревизіи даже въ той скромной формѣ, которую ей придала 55 статья первой гаагской конференціи и предложилъ отмѣну этой статьи. Русскій делегатъ встрѣтилъ однако единодушное противодѣйствіе. Делегаты находили, что каждому суду должна быть предоставлена возможность исправлять ошибки (Choate); что нельзя стѣснять свободу сторонъ (Beernaert); что, если частныя лица имѣютъ въ извѣстныхъ случаяхъ право на пересмотръ рѣшеній, то тѣмъ болѣе оно принадлежитъ государствамъ, и что арбитражъ является орудіемъ мира лишь, поскольку онъ орудіе справедливости (Barbosa). Въ результатѣ, 55-ая статья Конвенціи 1899 года сдѣлалась, безъ измѣненій, 83-ей статьею первой Конвенціи 1907 года, которая гласитъ·

«Стороны могутъ въ третейской записи оговорить свое право просить о пересмотрѣ третейскаго рѣшенія.

Въ этомъ случаѣ, при отсутствіи иного соглашенія, просьба о пересмотрѣ должна быть направлена въ судъ, который постановилъ рѣшеніе Она можетъ быть обоснована обнаруженіемъ такого новаго обстоятельства, которое было бы въ состояніи оказать существенное вліяніе на рѣшеніе и которое, при заключеніи судебныхъ преній, было неизвѣстно ни самому суду, ни сторонѣ, просящей о пересмотрѣ.

Производство о пересмотрѣ рѣшенія можетъ быть начато не иначе, какъ по постановленію суда, коимъ положительно удостовѣряется наличность новаго обстоятельства, признается за послѣднимъ значеніе, указанное въ предшествующей части статьи, и просьба на семъ основаніи объявляется пріемлемою.

Срокъ, въ теченіе коего должна быть подана просьба о пересмотрѣ, опредѣляется въ третейской записи» [2]).

83-ью статью гаагской конвенціи слѣдуетъ сблизить съ 81-ой,

[1]) Art. 55 de la Convention pour le Règlement pacifique des conflits internationaux de 1899.

«Les Parties peuvent se réserver dans le compromis de demander la révision de la sentence arbitrale.

Dans ce cas et sauf convention contraire, la demande doit être adressée au Tribunal qui a rendu la sentence. Elle ne peut être motivée que par la découverte d'un fait nouveau qui eût été de nature à exercer une influence décisive sur la sentence et qui, lors de la clôture des débats, était inconnu du Tribunal lui-même et de la Partie qui a demandé la révision

La procédure de révision ne peut être ouverte que par une décision du Tribunal constatant expressément l'existence du fait nouveau, lui reconnaissant les caractères prévus par le paragraphe précédent et déclarant à ce titre la demande recevable.

Le compromis détermine le délai dans lequel la demande de révision doit être formée».

[2]) См. изданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: «Вторая Конференція Мира 1907» стр 85.

которая категорически исключаетъ обжалованіе третейскаго рѣшенія въ апелляціонномъ порядкѣ [1]).

Такимъ образомъ, по гаагской конференціи 1907 года существуетъ только одинъ видъ пересмотра, а именно возобновленіе дѣла въ случаѣ открытія новаго обстоятельства. Но и этотъ видъ пересмотра не является нормою международнаго права, которою тяжущіеся могутъ всегда воспользоваться; наоборотъ, право требовать пересмотра должно быть сторонами особо оговорено въ третейской записи. При этомъ гаагская конвенція совершенно не опредѣляетъ понятія «новаго обстоятельства, которое было бы въ состояніи оказать существенное вліяніе на рѣшеніе», вполнѣ представляя суду, постановившему рѣшеніе, признаніе наличности и значенія новаго факта.

Отношеніе, проявленное гаагскими конференціями къ началу пересмотра третейскихъ рѣшеній, подверлось въ научномъ мірѣ довольно единодушной критикѣ.

Самымъ рѣшительнымъ противникомъ гаагскихъ постановленій является Лапрадель [2]), который видитъ въ нихъ опасное уклоненіе отъ арбитража въ сторону посредничества. Лапрадель находитъ, что, отвергнувъ начало обязательности пересмотра въ извѣстныхъ случаяхъ, конференція, подъ предлогомъ стремленія къ миру, отдалила арбитражъ отъ идеи справедливости; между тѣмъ миръ не можетъ быть основанъ на развалинахъ права [3]). Къ тому же конференція забыла, что арбитражъ дѣйствуетъ именно въ правовой, а не въ политической области, что третейскій судъ не можетъ заставить изсякнуть политическіе источники войны. Конференція исказила весь смыслъ института третейскаго суда, давъ понять народамъ, что миръ можетъ быть достигнуть за счетъ права. Между тѣмъ единственный желательный миръ—миръ, основанный на правѣ, а не покой во чтобы то ни стало. Отдавъ миру предпочтеніе передъ правомъ, конференція отняла у идеала мира благородство и силу, которыя можетъ имъ придать одно право [4]).

Мериньякъ [5]) стоитъ за пересмотръ третейскихъ рѣшеній въ самомъ широкомъ смыслѣ. Гаагская конференція должа была, по его мнѣнію, допустить пересмотръ не въ видѣ исключенія, а какъ правило, и притомъ въ гораздо болѣе широкихъ границахъ. Мериньякъ сожалѣетъ даже о томъ, что конференція не создала апелляціонной инстанціи, состоящей изъ новыхъ судей.

---

[1]) Art. 81 «La sentence, dûment prononcée et notifiée aux agents des Parties, décide définitivement et sans appel la contestation».

[2]) Revue Générale de Droit International Public, année 1899 p.p. 821—830.

[3]) «C'est l'évolution de l'arbitrage hors du cadre et de l'idée de justice qui, sous prétexte de paix, ose s'effectuer, comme si la paix pouvait jamais se fonder sur les ruines du droit».

[4]) «En donnant à la paix la préférence sur le droit, elle a clôturé ses travaux en enevant à l'idéal pacifique la noblesse et la force que seul le droit peut lui communiquer».

[5]) Mérignhac. La Conférence internationale de la Paix (p. 368 et ss.).

Противникомъ гаагскихъ постановленій о пересмотрѣ является также Гансъ Вебергъ [1]), который основываетъ необходимость пересмотра на соображеніи, что миръ не можетъ быть купленъ причиненіемъ несправедливости одной изъ сторонъ [2]).

Наоборотъ, Отфридъ Ниппольдъ [3]) принципіально возстаетъ противъ пересмотра. Въ понятіе третейскаго рѣшенія, говоритъ онъ [4]), входитъ окончательное разрѣшеніе спора; нельзя себѣ представить инстанцію, стоящую надъ третейскимъ судьею. Къ тому же судебныя ошибки возможны и въ высшихъ инстанціяхъ. Ниппольдъ находитъ, что мотивы, приведенные Мартенсомъ на гаагской конференціи противъ пересмотра, имѣли не только политическій, но и юридическій характеръ. Третейское разбирательство имѣетъ свои особенности (Eigenart), отличающія его отъ общаго судоговоренія; тѣмъ болѣе такія особенности свойственны международному третейскому суду. Поэтому невозможно введеніе въ международное право института пересмотра въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ гражданскомъ. Ниппольдъ одобряетъ, однако, съ практической точки зрѣнія, среднее рѣшеніе, принятое въ Гаагѣ, и предоставляющее сторонамъ обезпечить себѣ пересмотръ посредствомъ компромисса. Онъ защищаетъ гаагскую конференцію отъ упрека, что она принесла право въ жертву политикѣ; торжество права можетъ быть обезпечено и одною инстанціею. Международное третейское разбирательство можетъ быть юрисдикціею въ полномъ смыслѣ международнаго права, хотя бы оно не обладало нѣсколькими инстанціями, ни другими чертами, свойственными судоговоренію внутри отдѣльныхъ государствъ [5]).

§ 3.

Постановленія о пересмотрѣ въ договорахъ о постоянномъ третейскомъ разбирательствѣ между отдѣльными государствами.

Договоры о постоянномъ третейскомъ разбирательствѣ, заключенные въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія между различными государствами, содержатъ иногда постановленія о пересмотрѣ третейскихъ рѣшеній.

Такъ, договоръ о постоянномъ третейскомъ разбирательствѣ между Италіею и Аргентинскою республикою отъ 23 іюля 1898 года въ 13-й своей статьѣ гласилъ: «Рѣшеніе не можетъ быть предметомъ апелляціи, и его исполненіе обезпечено честью націй, подписавшихъ этотъ договоръ. Признается однако право требовать его пересмотра тѣмъ самымъ судомъ, который его постано-

[1]) Kommentar zu dem Haager Abkommen betreffend die friedliche Erledigung internationaler Streitigkeiten vom 18 October 1907, Tubingne 1911.

[2]) Ibidem p. 145.

[3]) Die Fortbildung des Verfahrens in volkerrechtlichen Streitigkeiten. 1907.

[4]) L c. p. 359.

[5]) Nippold pp. 347—373.

вилъ и притомъ до исполненія упомянутаго рѣшенія: 1⁰ если оно постановлено на основаніи подложнаго или невѣрнаго документа; 2⁰ если рѣшеніе, въ цѣломъ или въ частности, является послѣдствіемъ фактической ошибки положительнаго или отрицательнаго свойства, вытекающей изъ актовъ или документовъ дѣла» [1]). А 6-ая статья новаго договора о постоянномъ арбитражѣ между тѣми же государствами, заключеннаго въ Гаагѣ 18 сентября 1907 г., постановляетъ: «Третейское рѣшеніе рѣшаетъ споръ окончательно и безапелляціонно. Тѣмъ не менѣе, ходатайство о пересмотрѣ можетъ быть подано суду или арбитру, постановившему рѣшеніе, до его исполненія въ слѣдующихъ случаяхъ: 1⁰ если рѣшеніе было постановлено на основаніи подложныхъ или невѣрныхъ актовъ; 2⁰ если рѣшеніе, въ цѣломъ или въ какой либо его части, опорочено фактическою ошибкою, вытекающей изъ актовъ или документовъ дѣла» [2]).

7-ая статья договора между Италіею и Мексикою, заключеннаго въ Гаагѣ, 16 октября 1907 года, говоритъ: «Третейское рѣшеніе рѣшаетъ споръ окончательно и безапелляціонно. Тѣмъ не менѣе, ходатайство о пересмотрѣ можетъ быть подано суду или арбитру, постановившему рѣшеніе, до его исполненія, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1⁰. если обнаружено такое новое обстоятельство, которое было бы въ состояніи оказать существенное вліяніе на рѣшеніе, и которое, при заключеніи судебныхъ преній, было неизвѣстно, какъ сторонѣ, просящей о пересмотрѣ, такъ и суду или арбитру; 2⁰. если рѣшеніе постановлено на основаніи подложныхъ или невѣрныхъ актовъ; 3⁰. если рѣшеніе, въ цѣломъ или какой либо его части, опорочено фактической ошибкой, вытекающею изъ актовъ или документовъ дѣла [3])·

[1]) Art. 13 «La sentence est sans appel et son exécution repose sur l'honneur des nations signataires de ce traité. On admet toutefois le droit d'en demander la révision devant le tribunal même qui l'aura prononcée et avant que ladite sentence ait été exécutée

1⁰ si on a jugé sur un document faux ou erroné,

2⁰ si la sentence a été, en tout ou en partie, l'effet d'une erreur de fait positif ou négatif résultant des actes ou documents de la cause» (Revue Générale de Droit International Public, 1898, p 869)

[2]) Art. 6 «La sentence arbitrale décide définitivement et sans appel la contestation. Toutefois, le tribunal ou l'arbitre qui a prononcé la sentence, peut, avant que celle-ci soit exécutée, être saisi d'une demande en revision dans les cas suivants, 1⁰ s'il a été jugé sur pièces fausses ou erronées; 2⁰ si la sentence se trouve, en tout ou en partie, viciée par une erreur de fait qui résulte des actes ou documents de la cause». (Revue Générale de Droit International Public 1908, Documents, p. 10)

[3]) Art. 7 «La sentence arbitrale décide définitivement et sans appel la contestation. Toutefois le tribunal ou l'arbitre qui a prononcé la sentence peut avant que celle ci soit exécutée être saisi d'une demande en révision dans les cas suivants· 1 si on a découvert un fait nouveau qui eût été de nature à exercer une influence décisive sur la sentence, et qui, lors de la clôture des débats, était inconnu de la Partie qui demande la révision, et du tribunal ou de l'arbitre, 2. s'il a été jugé sur pièces fausses ou erronées; 3 si la sentence se trouve, en tout ou en partie, viciée par une erreur de fait qui résulte des actes ou documents de la cause». (Revue Générale de Droit International Public, 1908, Documents, p. 9).

13-ая статья договора о постоянномъ арбитражѣ между Аргентинскою республикою и Чили отъ 28 мая 1902 года почти буквально воспроизводитъ 13-ую статью договора между Аргентиной и Италіею отъ 23 іюля 1898 года [1]).

Аналогичныя постановленія содержитъ также договоръ 7 сентября 1905 года между Аргентинскою республикою и Бразиліею. 14-ая статья гласитъ: «Законно постановленное рѣшеніе разрѣшаетъ, въ предѣлахъ своего содержанія, споръ между сторонами: Оно опредѣляетъ срокъ, въ который должно быть исполнено» [2]). Ст. 17. «Если, до окончательнаго исполненія рѣшенія, одна изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ узнаетъ о невѣрности или подложности документа, послужившаго основаніемъ рѣшенію, или докажетъ, что это рѣшеніе, въ цѣломъ или въ какой-либо части, обусловлено фактической ошибкою, она можетъ возбудить ходатайство о пересмотрѣ передъ тѣмъ же арбитромъ или судомъ» [3]).

Нератифицированный американскимъ сенатомъ англо-американскій договоръ 11 января 1897 года (Olney-Pauncefote Treaty) содержитъ любопытныя постановленія о ревизіи. Денежныя претензіи (pecuniary claims), не превышающія 100.000 фунтовъ и не касающіяся территоріи, разбираются третейскимъ судомъ, состоящимъ изъ трехъ членовъ (суперарбитра и по судьѣ отъ каждой стороны) и почитаются окончательными (final), хотя бы были постановлены лишь большинствомъ голосовъ. Денежныя претензіи, превышающія 100 000 фунтовъ и всѣ другіе споры, не касающіеся territorial claims постановляются третейскимъ судомъ въ томъ же составѣ, но окончательны лишь въ томъ случаѣ, если постановлены единогласно; если рѣшеніе не постановлено единогласно, каждая сторона можетъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ требовать пересмотра, при чемъ новый судъ состоитъ изъ 5 членовъ (суперарбитръ и по 2 члена отъ каждой стороны); рѣшеніе второго суда окончательно, хотя бы было постановлено большинствомъ голосовъ. Наконецъ, споры о территоріяхъ передаются суду, состоя-

---

[1]) Art. 13 «La Sentence n'est pas appelable, et son exécution est confiée à l'honneur des nations signataires de ce pacte Toutefois, on admettra le recours en révision devant le même arbitre qui l'aura prononcée, à condition qu'il soit demandé avant l'expiration du délai fixé pour son exécution, dans les cas suivants 1° si la sentence est rendue en vertu d'un document faux ou altéré, 2° si la sentence est, en tout ou en partie, la suite d'une erreur de fait provenant des pièces ou documents du procès». (Revue Générale de Droit International Public 1903 p 559).

[2]) Art. 14 «La sentence légalement rendue décide, dans les limites de son contenu, le litige entre les parties. Elle indiquera le délai dans lequel elle devra être exécutée».

[3]) Art. 17: «Si, avant que soit terminée l'exécution de la sentence, une des deux parties intéressées apprend la fausseté ou la falsification d'un document qui a servi de base à la sentence ou démontre que celle ci, en tout ou en partie, a été motivée par une erreur de fait, elle pourra former un recours en révision devant le même arbitre ou tribunal». Revue Générale de Droit International Public, 1909, p. 88.

щему изъ трехъ англійскихъ и трехъ американскихъ судей, рѣшеніе которыхъ окончательно, если постановлено единогласно или большинствомъ 5 противъ 1; въ случаяхъ, когда рѣшеніе постановлено другимъ большинствомъ, каждая сторона можетъ его опротестовать въ теченіе 3 мѣсяцевъ, послѣ чего обязательно обращеніе къ посредничеству дружественныхъ державъ [1])

Новый договоръ о постоянномъ арбитражѣ между Соединенными Штатами и Англіею отъ 3 августа 1911 года, ратификованный американскимъ сенатомъ 5 марта 1912 года, не содержитъ вовсе постановленій о пересмотрѣ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что по 1 ст. новаго договора правила третейскаго судопроизводства устанавливаются особымъ компромиссомъ (special agreement), заключаемымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ арбитража Изъ молчанія договора 1911 года нельзя поэтому дѣлать вывода, что Англія и Соединенные Штаты измѣнили своему сочувственному отношенію къ пересмотру, проявленному въ 1897 году [2]).

§ 4.

Международная практика.

1. Дѣло о сѣверо-восточной границѣ между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Англіею [3]). 29 сентября 1827 года Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Англія заключили въ Лондонѣ конвенцію, которою, во исполненіе 5 статьи Гентскаго мирнаго трактата, передавали на третейское разбирательство споръ, возникшій между коммиссарами обоихъ правительствъ, назначенными для проведенія между Канадою и Соединенными Штатами границы согласно постановленіямъ англо-американскаго договора 1783 года. 7-ая статья вышеупомянутой Лондонской третейской записи гласила. «Рѣшеніе третейскаго судьи по постановленіи будетъ почитаться вошедшимъ въ законную силу и окончательнымъ; оно должно быть безусловно и немедленно приведено въ исполненіе коммиссарами, назначенными договаривающимися сторонами для этой цѣли» [4]).

---

[1]) Articles II, III, IV and VI of the treaty of Washington, January II, 1897. voir American Journal of International Law 1911, volume 5, Number 2, Official Documents pp 88 –90

[2]) Ср Vlitinck Le Traité d'arbitrage Anglo-Américain au Sénat des Etats-Unis, (Revue de Droit International et de Législation Comparée 1913 pp. 307 ss.)

[3]) A de Lapradelle et N. Politis Recueil des Arbitrages Internationaux. Tome Premier pp 355- 400

[4]) Art. 7. «La décision de l'arbitre, une fois donnée, sera prise comme finale et décisive, et elle devra être mise, sans réserve, immédiatement à l'exécution par les commissaires nommés à cet effet par les parties contractantes».

Нидерландскій король Вильгельмъ, избранный третейскимъ судьею, постановилъ свое рѣшеніе 10 января 1831 года. Признавъ, что спорные вопросы должны быть разрѣшены на основаніи договоровъ, актовъ и конвенцій, заключенныхъ между сторонами [1]), король, тѣмъ не менѣе, основалъ только часть своего рѣшенія (объ истокахъ рѣки Коннектикутъ) на толкованіи текстовъ Въ остальномъ же постановленіе короля является не третейскимъ рѣшеніемъ, а актомъ посредничества Арбитръ заявляетъ, что ни доводы и документы, представленные сторонами, ни туманныя и недостаточныя постановленія договора 1783 года, не позволяютъ высказаться въ пользу той или иной изъ границъ, предложенныхъ сторонами, безъ нарушенія началъ права и справедливости. А потому рѣшеніе проводитъ границу по чертѣ, лежащей внутри предложенныхъ сторонамъ линій.

Соединенные Штаты отказались подчиниться третейскому рѣшенію голландскаго короля Сенатъ постановилъ, въ іюнѣ 1832 года, что оно не должно быть исполнено, а статсъ-секретарь Ливингстонъ, извѣщая англійскаго посла объ этомъ постановленіи, прибавилъ, что не возникло бы даже вопроса о дѣйствительности рѣшенія, если бы король, вмѣсто того, чтобы выступать въ роли посредника, заявилъ, что проведенная имъ граница основана на договорѣ 1783 года [2]). Послѣ этого возобновились переговоры между обоими правительствами, которые привели, наконецъ, въ 1842 году къ заключенію договора о границахъ

Вышеизложенное дѣло представляетъ большой интересъ для изслѣдованія вопроса о ничтожности международныхъ третейскихъ рѣшеній. По компромиссу рѣшеніе голландскаго короля объявлялось окончательнымъ и подлежащимъ немедленному исполненію. Но по справедливому замѣчанію Ассера [3]), этими свойствами могло, конечно обладать только рѣшеніе, постановленное согласно компромиссу. А согласнымъ съ копромиссомъ могло считаться только рѣшеніе, основанное на текстахъ, которые король Вильгельмъ оставилъ безъ вниманія.

---

[1]) «Considérant que les trois points précités doivent être jugés d'après les traités, actes et conventions, conclus entre les deux puissances: savoir le traité de paix de 1783, le traité d'amitié, de commerce et de navigation de 1794, la déclaration relative à la rivière Sainte Croix de 1798, le traité de paix signé à Gand en 1814, la convention du 29 septembre 1827, et la carte de Mitchell et la carte A, citées dans cette convention»

[2]) «Qu'aucune question ne se serait élevée sur la validité de la sentence, si l'arbitre avait déterminé et désigné la frontière comme étant celle prévue par le traité de 1783, qu'il ne l'avait pas fait, mais semblait avoir abandonné le caractère d'arbitre pour assumer celui de médiateur, en conseillant aux deux parties d'accepter, comme la plus convenable pour toutes deux, la frontière qu'il leur indiquait».

[3]) Asser, Note doctrinale, dans Lapradelle et Politis l. c p. 399.

Мы можемъ только присоединиться къ мнѣнію знаменитаго голландскаго юриста. Третейское рѣшеніе, нарушающее какое-либо постановленіе третейской записи, ничтожно и ни въ коемъ случаѣ не подлежитъ исполненію.

2. Дѣло «La Abra Silver Mining Company» [1]).

4 іюля 1868 года Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Мексика заключили конвенцію, которою учреждалась смѣшанная коммиссія для разсмотрѣнія всѣхъ претензій подданныхъ Штатовъ къ Мексикѣ и мексиканскихъ подданныхъ къ Штатамъ. Коммиссія состояла изъ американскаго и мексиканскаго коммиссаровъ, которые, въ случаѣ несогласія, должны были избрать арбитра. Рѣшенію коммиссіи, или эвентуально арбитра, придавался безусловный и окончательный характеръ (absolue et définitive).

Избранный арбитръ, Sir Edward Thornton, рѣшеніемъ отъ 27 декабря 1875 года присудилъ Мексику къ уплатѣ американскому обществу «La Abra silver mining company» крупнаго денежнаго вознагражденія за убытки, понесенные обществомъ вслѣдствіе незаконныхъ дѣйствій мексиканскихъ властей. Послѣ постановленія этого рѣшенія мексиканскій агентъ потребовалъ у арбитра его пересмотра, основываясь на томъ, что, во первыхъ, арбитръ по одному пункту присудилъ больше, чѣмъ требовалъ истецъ (ultra petita), и что, во вторыхъ, открылось новое обстоятельство, доказывающее ложность свидѣтельскихъ показаній, представленныхъ обществомъ по одному дѣлу (Weil). Арбитръ отказался однако отъ пересмотра своего рѣшенія, ссылаясь на окончательный характеръ, присвоенный ему компромиссомъ. Мексика подчинилась рѣшенію и внесла правительству Соединенныхъ Штатовъ суммы, къ уплатѣ коихъ она была присуждена. Но въ то же время она обратила вниманіе Штатовъ на ложность цѣлаго ряда другихъ показаній, представленныхъ обществомъ арбитру и, несомнѣнно, повлявшихъ на его рѣшеніе. Американское общественное мнѣніе возмутилось этими фактами не менѣе мексиканскаго, и американское правительство предложило сенату заключеніе новой арбитражной конвенціи съ Мексикою. Когда же сенатъ на это не далъ своего согласія, американскій конгрессъ принялъ законъ, въ силу котораго Court of Claims (судъ разсматривающій процессы между федеральнымъ правительствомъ и Штатами) получилъ порученіе изслѣдовать вопросъ, было ли рѣшеніе арбитра постановлено подъ вліяніемъ обмана. Рѣшеніе Court of Claims, постановленное 24 іюня 1897 года, признало, что рѣшеніе арбитра было основано на лжесвидѣтельствѣ и другихъ обманныхъ дѣйствіяхъ общества, которое поэтому теряетъ всѣ права на присужденныя въ его пользу суммы.

---

[1]) Mérignhac, De l'autorité de la chose jugée en matière de sentence arbitrale, dans la Revue de Droit International Public 1898, p.p. 606- 625.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, международное третейское рѣшеніе, объявленное въ компромиссѣ окончательнымъ, подверглось пересмотру со стороны національнаго суда государства, выигравшаго процессъ, но не захотѣвшаго воспользоваться успѣхомъ, основаннымъ на подлогахъ.

Мериньякъ совершенно основательно критикуетъ порученіе пересмотра международнаго рѣшенія національному суду, и высказывается въ пользу учрежденія въ подобныхъ случаяхъ новой международной третейской инстанціи. Все же, онъ считаетъ, что рѣшеніе Court of Claims было постановлено не только на основаніи постановленія конгресса, но и въ силу «молчаливаго мандата» Мексики, очевидно, согласившейся на пересмотръ рѣшенія Торнтона федеральнымъ судомъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Мериньяка, остался непоколебленнымъ принципъ законной силы третейскаго рѣшенія (autorité de la chose jugée).

3. Дѣло Cerruti [1]).

18 августа 1894 г. Италія и Колумбія заключили протоколъ о передачѣ на третейскій судъ дѣла о претензіяхъ къ колумбійскому правительству итальянскаго подданнаго Черути, потерпѣвшаго убытки во время смутъ 1885 года въ Колумбіи. Стороны обязались подчиниться рѣшенію арбитра, которому приданъ окончательный характеръ, исключающій всякіе споры, апелляцію и дальнѣйшіе дипломатическіе переговоры.

Третейскій судья—призидентъ Соединенныхъ Штатовъ Grover Cleveland постановилъ свое рѣшеніе 2 марта 1895 года. Присудивъ въ пользу Эрнеста Черути 60.000 фунтовъ стерлинговъ за лично понесенные имъ убытки, третейскій судья постановилъ, сверхъ того, что Колумбійское правительство обязано гарантировать Черути отъ всякой отвѣтственности за долги общества Черути и К°, причемъ къ этому Правительству переходятъ всѣ права на имущество Черути въ колумбійскомъ округѣ Каука (5-й пунктъ рѣшенія).

Колумбійское правительство уплатило Черути вышеупомянутую сумму, но отказалось признать обязательность 5-го пункта рѣшенія въ виду того, что третейскій судья превысилъ свои полномочія [2]).

---

[1]) La Fontaine Pasicrisie Internationale p 295; Pierantoni La nullité d'un arbitrage international dans la «Revue de Droit International» année 1898 p.p. 445—462.

[2]) Компромиссъ 18 августа 1894 г. уполномачивалъ третейскаго судью лишь на разсмотрѣніе претензій г-на Черути, а судья вошелъ также въ разсмотрѣніе претензій общества Черути и К°. Далѣе, по справедливому замѣчанію Пьерантони, судья нарушилъ компромиссъ, присудивъ Колумбіи все имущество Черути, на что онъ не имѣлъ никакого полномочія. Наоборотъ, по компромиссу, онъ долженъ былъ отдѣлить претензіи Черути, подсудныя колумбійскимъ судамъ, отъ претензій международнаго характера. Наложеніе же на Колумбію, взамѣнъ присужденія правъ собственности, обязан-

Запрошенный колумбійскимъ правительствомъ извѣстный итальянскій международникъ Пьерантони (Pierantoni) призналъ, что Колумбія въ правѣ считать эту часть рѣшенія ничтожной, и что Италія не можетъ требовать ея исполненія.

4. Дѣло о претензіяхъ Сѣверо-Американскихъ гражданъ Pelletier и Lazare къ республикѣ Гаити [1]).

Протоколомъ отъ 28 мая 1884 г правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Гаити передали на разсмотрѣніе третейскаго суда претензіи американскихъ гражданъ Pelletier и Lazare, требовавшихъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ властями республики Гаити Третейской записью рѣшенію присваивался характеръ окончательнаго (finale et obligatoire). Арбитръ William Strong присудилъ Гаити къ уплатѣ вознагражденія обоимъ американскимъ гражданамъ (13 іюня 1885) Но правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не признало этого рѣшенія, хотя и постановленнаго въ пользу его подданныхъ, такъ какъ нашло, что въ дѣлѣ Pelletier арбитръ неправильно истолковалъ международное право, а въ дѣлѣ Lazare были обнаружены впослѣдствіи новыя обстоятельства.

5. Споръ о границахъ между Перу и Боливіей [2]).

30 декабря 1902 года Перу и Боливія заключили конвенцію о передачѣ на разсмотрѣніи третейскаго суда давнишняго спора о границахъ между обѣими республиками. По статьѣ 1-й этого компромисса задача арбитра сводится къ опредѣленію границъ 1810 года между бывшими испанскими провинціями Харкасъ и Лима, причемъ ему вмѣняется въ обязанность судить по праву (juez de derecho, juge de droit), а будущее рѣшеніе его объявляется окончательнымъ и безапелляціоннымъ. 3-ья статья указываетъ на законы, дипломатическіе акты и карты, которые арбитръ долженъ положить въ основаніе своего рѣшенія, а 4-ая предписываетъ ему, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти акты и законы не устанавливали бы съ достаточною точностью предѣловъ какой-либо территоріи, разрѣшать вопросъ по справедливости (equitativamente), приближаясь по возможности, къ смыслу

ности гарантировать уплату всѣхъ законно установленныхъ долговъ общества Черути и К°, неправильно и въ томъ смыслѣ, что не является тѣмъ окончательнымъ, исключающимъ всякіе споры, рѣшеніемъ, которое арбитръ долженъ былъ постановить по компромиссу, а, наоборотъ, открываетъ дверь новымъ тяжбамъ и международнымъ пререканіямъ. Правда, арбитръ основываетъ 5 пунктъ своего рѣшенія на одномъ мѣстѣ компромисса 18 августа 1894 г., которое даетъ ему, будто бы, неограниченныя уполномочія. Но, какъ справедливо указываетъ Пьерантони, компромиссъ далъ ему эти полномочія лишь для принятія всѣхъ мѣръ, способныхъ выяснить истину.

[1]) La Fontaine, Pasicrisie Internationale, p. 245.

[2]) Weiss, L'arbitrage de 1909 entre la Bolivie et le Pérou, Revue Générale de Droit International Public, année 1910, pp. 105—136, Fiore, La sentence arbitrale du Président de la République Argentine, Ibidem p.p. 225—256, Renault. Ibidem année 1909 p.p. 368—372.

этихъ документовъ или къ духу ихъ составителей. По 9-ой статьѣ рѣшеніе арбитра становится окончательнымъ и вступаетъ въ законную силу съ момента сообщенія посланникамъ обѣихъ договаривающихся державъ.

Арбитръ, президентъ Аргентинской республики, г. Figueroa Alcorta, постановилъ свое рѣшеніе 9 іюля 1909 г. Онъ завляетъ, что, изучивъ предъявленные ему документы, онъ не находитъ возможнымъ признать границей ни ту, ни другую изъ предложенныхъ сторонами линій; и это потому, что въ 1810 году спорная зона совершенно не была изслѣдована, и обѣ провинціи не имѣли точно опредѣленныхъ границъ. Въ виду такой неясности документовъ, арбитръ провелъ границу между обѣими республиками, исходя изъ соображеній справедливости.

Боливійское правительство, считая свои интересы нарушенными третейскимъ рѣшеніемъ, заявило, что не можетъ его принять безъ провѣрки.

Вейсъ вполнѣ одобряетъ отказъ боливійскаго правительства подчиниться рѣшенію По мнѣнію французскаго ученаго, арбитръ вышелъ изъ предѣловъ компромисса, во первыхъ, потому, что онъ, не доказавъ полной неудовлетворительности оффиціальныхъ актовъ, обратился къ «справедливости»; во вторыхъ, потому, что его «справедливость» —не та «справедливость», которая допущена 4 статьею компромисса, т. е. приближающаяся къ смыслу и духу оффиціальныхъ документовъ. По мнѣнію Вейса, если третейскій судья не могъ основать своего «справедливаго» рѣшенія даже на «смыслѣ или духѣ» предъявленныхъ ему актовъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ порученнаго ему мандата. Настоящимъ же рѣшеніемъ третейскій судья нарушилъ компромиссъ, превысивъ свою власть (excés de pouvoir), а потому его рѣшеніе ничтожно [1]).

Итальянскій ученый Фіоре точно также признаетъ третейское рѣшеніе президента Алькорты ничтожнымъ, какъ постановленное на основаніи одной «справедливости», тогда какъ компромиссъ предписывалъ судьѣ судить «по праву» и разрѣшалъ примѣненіе «справедливости» лишь въ видѣ исключенія [2]). А всякое третейское рѣшеніе, нарушающее компромиссъ, ничтожно [3]).

Луи Рено [4]) высказывается въ пользу дѣйствительности постановленнаго президентомъ Алькорта рѣшенія. Но знаменитый ученый основываетъ свое мнѣніе исключительно на статьяхъ

---

[1]) Weiss, l. c., p.p. 126—136, «La conclusion de tout ce qui précède, c'est que la sentence arbitrale du 9 juillet 1909, manifestement rendue en dehors des termes du compromis qui avait défini les pouvoirs de l'arbitre, ne lie pas les deux Etats»... p. 135.

[2]) Fiore l. c. p. 247.

[3]) Ibidem p. 240.

[4]) Revue Générale de Droit International Public; année 1909 pp. 368–372.

1-й и 9-ой компромисса, придающихъ рѣшенію окончательный характеръ и не объясняетъ, примѣнимы-ли подобныя постановленія къ рѣшеніямъ, нарушающимъ компромиссъ, и если да, то почему именно. Намъ кажется, что правы Вейсъ и Фіоре, признающіе окончательный характеръ только за рѣшеніями, постановленными въ предѣлахъ компромисса.

6 Дѣло пароходнаго общества «Ориноко» [1]).

1 іюля 1893 года венецуэльское правительство издало декретъ, закрывающій два рукава Ориноко, доступные мелкимъ судамъ (Macareo и Pedernales), для иностранной торговли, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя заключило контрактъ съ нѣкіимъ Ellis Grell, которымъ предоставило ему концессію на устройство и эксплуатацію пароходнаго движенія по Ориноко, съ правомъ пользованія упомянутыми двумя рукавами. Контрактъ былъ переуступленъ Греллемъ венецуэльскому обществу, которое въ свою очередь переуступило свои права обществу «Orinoco Shipping and Trading Company», зарегистрованному въ Лондонѣ, но состоящему изъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Эти переуступки были совершены съ вѣдома венецуэльскаго правительства, которое сверхъ того заключило съ англійскимъ обществомъ особое соглашеніе 10 мая 1900 года. Несмотря на это соглашеніе, 5 октября 1900 года венецуэльское правительство объявило свободнымъ плаваніе по всему Ориноко, а 14 декабря 1901 года отмѣнило концессію англійскаго общества, мотивируя эту мѣру неисполненіемъ условій контракта. Общество, не найдя въ виду своего состава поддержки у англійскаго правительства, перемѣнило свою національность и превратилось въ американское, подъ фирмою «Orinoco Steamship Company».

По вашингтонскому протоколу, заключенному 17 Февраля 1903 года между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Венецуэлой, всѣ притязанія къ Венецуэлѣ гражданъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и въ томъ числѣ претензіи «Orinoco Steamship Company», были переданы на разсмотрѣніе смѣшанной коммисіи, причемъ назначеніе суперарбитра представлялось королю Голландіи [2]), который остановилъ свой выборъ на голландскомъ судьѣ Barge. Третейское рѣшеніе должно было быть постановлено на основаніи «абсолютной справедливости», не взирая на соображенія техническаго характера

---

[1]) Protocoles des Séances du Tribunal d'Arbitrage constitué en exécution du Compromis signé entre les Etats-Unis d'Amérique et les Etats-Unis du Vénézuela le 13 février 1909, La Haye 1910, Scelle, L'affaire de la Orinoco Steamship Company. Revue Générale de Droit International Public. 1911 p p 164—202, Ernest Nys La Révision de la Sentence Arbitrale (Revue de Droit International 1910 p. 623—641; Wehberg, Kommentar zu dem Haager Abkommen etc. p.p 146—148).

[2]) Scelle, l. c p.p. 170—175.

или постановленія мѣстнаго законодательства. Рѣшенію Barge присвоенъ характеръ окончательнаго (final and conclusive).

Рѣшеніе г-на Barge, постановленное 22 февраля 1904 года, сводится къ слѣдующему. Первое требованіе пароходнаго общества Ориноко о вознагражденіи за убытки, причиненные ему декретомъ венецуэльскаго правительства отъ 5 октября 1900 г, уничтожившимъ будто бы его привилегію, отклонено, такъ какъ по мнѣнію судьи, контрактъ общества не имѣлъ характера монополіи. Помимо того, объ уступкѣ англійскимъ обществомъ своихъ правъ американскому не было доведено до свѣдѣнія венецуэльскаго правительства; поэтому, согласно 13 статьѣ контракта Греля, цессія не дѣйствительна по отношенію къ этому правительству [1]).

Второе требованіе общества касалось уплаты 100.000 боливаровъ входившихъ въ сумму, слѣдуемую ему по соглашенію 10 мая 1900 года за убытки, понесенные во время венецуэльскихъ смутъ. Требованіе это отвергнуто суперарбитромъ по двумъ мотивамъ: 1) По 14 статьѣ контракта Грелля и по соглашенію 10 мая 1900 г., всѣ споры между Венецуэльскимъ правительствомъ и обществомъ подлежали вѣдѣнію Венецуэльскихъ судовъ, къ которымъ общество однако не обратилось, 2) цессія этого права не была нотифицирована венецуэльскому правительству [2]).

По третьему разряду требованій общества (вознагражденіе за потерю недвижимостей, задержаніе судовъ и пр.), суперарбитръ дѣлаетъ различіе. Онъ отказываетъ въ притязаніяхъ, возникшихъ до цессіи, признаваемой имъ ничтожной, и присуждаетъ вознагражденіе лишь за акты, причинившіе вредъ непосредственно американскому обществу—Orinoco Steamship Company.

Четвертое требованіе—о гонорарахъ—отвергнуто, какъ неосновательное. Въ итогѣ, г. Barge вмѣсто 1½ милліона, требуемыхъ обществомъ съ Венецуэлы, присудилъ въ его пользу лишь 28.224 доллара [3]).

Недовольные этимъ третейскимъ рѣшеніемъ Соединенные Штаты добились согласія венецуэльскаго правительства на пересмотръ «окончательнаго» приговора судьи Barge. 13 февраля 1909 года стороны заключили въ Каракасѣ новый компромиссъ [4]).

Въ 1-ой статьѣ этого компромисса устанавливаются точки зрѣнія обѣихъ сторонъ на дѣйствительность рѣшенія судьи Barge. Венецуэла утверждаетъ, что третейское рѣшеніе не представляетъ ни одного изъ признаковъ, обусловливающихъ недѣйствительность, такъ какъ въ немъ не усматривается ни ничтожности компромисса, ни превышенія власти,

---

[1]) Scelle l c. p.p 181—184.

[2]) Scelle l. c p.p 184—185.

[3]) Scelle p. 185.

[4]) Protocole des Séances du Tribunal d'Arbitrage entre les Etats-Unis d'Amérique et des Etats-Unis du Vénézuéla p p 1—8.

ни существенной ошибки (essential error), ни подкупа судей. Соединенные же Штаты, основываясь на прецедентахъ, и въ особенности на пересмотрѣ съ ихъ, Штатовъ, согласія рѣшеній американско-венецуэльской смѣшанной коммиссіи, учрежденной 25 апрѣля 1866 года, а также исходя изъ принциповъ международнаго права и всемірной юриспруденціи, требуютъ пересмотра. Поэтому, стороны пришли къ слѣдующему соглашенію: «Третейскій судъ прежде всего долженъ рѣшить, не ничтожно ли постановленіе третейскаго судьи Barge по настоящему дѣлу, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и согласно началамъ международнаго права, или же оно является окончательнымъ въ томъ смыслѣ, что исключаетъ пересмотръ дѣла по существу. Если третейскій судъ рѣшитъ, что упомянутое рѣшеніе должно почитаться окончательнымъ, дѣло будетъ считаться Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами оконченнымъ; но, съ другой стороны, въ случаѣ, если третейскій судъ рѣшитъ, что упомянутое рѣшеніе суперарбитра Barge не должно почитаться окончательнымъ, упомянутый третейскій судъ долженъ приступить къ слушанію, изслѣдованію и выясненію дѣла и постановить рѣшеніе по существу» [1]).

Новый третейскій судъ, состоящій изъ предсѣдателя, австрійца Lammasch и двухъ членовъ, бельгійца Beernaert и кубанца Quesada, постановилъ свое рѣшеніе 25 октября 1910 г. въ Гаагѣ.

Въ особомъ вступленіи гаагскій судъ заявляетъ, что, въ интересахъ мира и развитія международнаго третейскаго разбирательства, окончательныя третейскія рѣшенія должны безусловно приниматься и исполняться сторонами, какъ то предписано 81 статьею Гаагской конвенціи 18 октября 1907 года. Но въ данномъ случаѣ между сторонами заключенъ новый компромиссъ, въ силу котораго, не взирая на окончательный характеръ рѣшенія, третейскій судъ долженъ высказаться по вопросу о его ничтожности. Изъ компромисса вытекаетъ, что стороны считаютъ обстоятельствами, обусловливающими ничтожность рѣшенія превышеніе власти (excès de pouvoir) и существенныя ошибки (erreur essentielle dans le jugement). Исходя изъ вышеизложеннаго и полагая, что ничтожность одной части рѣшенія не должна вліять на дѣйствительность другихъ, гаагскій судъ постановилъ слѣдующія отдѣльныя рѣшенія.

---

[1]) «The Arbitral Tribunal shall first decide whether the decision of Umpire Barge, in this case, in view of all the circumstances and under the principles of international law, is not void, and whether it must be considered so conclusive as to preclude a reexamination of the case on its merits. If the Arbitral Tribunal decides that said decision must be considered final, the case will be considered by the United States of America as closed; but on the other hand, if the Arbitral Tribunal decides that decision of Umpire Barge should not be considered as final, said Arbitral Tribunal shall then hear, examine and determine the case and render its decision on the merits».

1. По вопросу объ убыткахъ, причиненныхъ «Orinoco Steamshid Company» декретомъ венецуэльскаго правительства отъ 5 октября 1900 года, гаагскій третейскій судъ оставляетъ въ силѣ рѣшеніе Barge. По мнѣнію суда, Barge въ данной части рѣшенія не вышелъ изъ предѣловъ компромисса. Что же касается до обвиненія Barge въ невѣрномъ освѣщеніи фактовъ и неправильномъ толкованіи документовъ, то третейскій судъ не считаетъ себя въ правѣ подвергать рѣшеніе пересмотру на подобномъ основаніи. Въ задачу третейскаго суда не входитъ сужденіе о правильности или неправильности рѣшенія Barge (s'il a été bien ou mal jugé), а опредѣленіе вопроса о его ничтожности (si le jugement doit être annulé). Если бы третейское рѣшеніе могло быть оспорено на основаніи ошибочнаго сужденія (du chef d'appréciation erronée), то апелляція и ревизія, которыя гаагскія конференціи хотѣли устранить, стали бы общимъ правиломъ [1]).

II. Вторая часть рѣшенія Barge признана ничтожной вслѣдствіе превышенія имъ своей власти (excès de pouvoir), выразившагося въ несоблюденіи компромисса, предписавшаго судить на основаніи «абсолютной справедливости», не считаясь съ соображеніями техническаго свойства или постановленіями мѣстнаго законодательства (de rendre leur sentence sur la base de l'équité absolue sans tenir compte d'objections de nature technique ou de dispositions de la législation locale). Barge отказалъ обществу въ искѣ вслѣдствіе несоблюденія 14 статьи контракта Грелля (о подчиненіи венецуэльскимъ судамъ) и по причинѣ неувѣдомленія венецуэльскаго правительства о переуступкѣ концессіи. Гаагскій судъ находитъ, что изъ компромиссовъ 1903 и 1909 года слѣдуетъ, во первыхъ, что стороны отказались отъ обращенія къ венецуэльской юстиціи; во вторыхъ, что отсутствіе предварительнаго увѣдомленія о цессіи требованія является только неисполненіемъ постановленія мѣстнаго законодательства, и что, хотя подобное постановленіе встрѣчается и въ другихъ законодательствахъ, оно не можетъ считаться началомъ абсолютной справедливости, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ фактически зналъ о цессіи и не заплатилъ ни цеденту, ни цессіонарію [2]).

III. На томъ же основаніи гаагскій судъ признаетъ ничтожность рѣшенія Barge, отказавшаго обществу Orinoco Steamship Company въ вознагражденіи за убытки, причиненные обществу Ori-

---

[1]) Protocoles des Séances pp. 55--57.

[2]) «Considérant qu'il ne s'agissait pas de la cession d'une concessions, mais de la cession d'une créance, que le défaut de notification préalable de la cession d'une créance n'est que l'inobservation d'une prescription de la législation locale et bien que pareille prescription se trouve aussi dans d'autres législations, elle ne peut être considérée comme exigée par l'équité absolue, au moins lorsqu'en fait, le débiteur a eu connaissance de la cession et qu'il n'a pas plus payé sa dette au cédant qu'au cessionnaire». Protocoles des Séances p. 58.

nocco Shipping and Trading Company задержаніемъ судовъ и пр. за время предшествовавшее цессіи [1]).

IV. Что касается гонораровъ, то въ виду признанія нѣкоторыхъ притязаній общества правильными третейскій судъ опредѣляетъ ихъ въ 7.000 долларовъ ex aequo et bono [2]).

Рѣшеніе гаагскаго суда подверглось суровой критикѣ со стороны французскаго ученаго Сселя [3]), горячаго сторонника пересмотра третейскихъ рѣшеній. Этотъ авторъ указываетъ, что члены суда — всѣ трое участники гаагскихъ конференцій—принципіально не сочувствуютъ ревизіи, о чемъ прямо заявляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшенія. Такое отрицательное отношеніе къ пересмотру сказывается въ томъ, что третейскій судъ всѣми способами старается съузить значеніе компромисса, который уполномочивалъ его признать ничтожность рѣшенія Barge не только на основаніи превышенія власти (excès de pouvoir), но и при наличности существенныхъ ошибокъ (erreur essentielle). Для достиженія этой своей цѣли, гаагскій судъ высказывается отдѣльно по поводу различныхъ частей рѣшенія Barge и признаетъ ихъ то дѣйствительными, то ничтожными, въ зависимости отъ того, видитъ ли онъ въ нихъ «erreur essentielle» или «excès de pouvoir»; а тамъ, гдѣ въ постановленіяхъ Barge можно усмотрѣть, какъ «существенную ошибку», такъ и «превышеніе власти», гаагскій судъ отвергаетъ или признаетъ ничтожность въ зависимости отъ «преобладанія» того или другого фактора. Другими словами, наблюдаемое въ рѣшеніи гаагскаго суда смѣшеніе понятій «excès de pouvoir» и «erreur essentielle» является умышленной ошибкой (erreur volontaire) трехъ ученыхъ судей, убѣжденныхъ сторонниковъ «дипломатическаго арбитража», боящихся открыть своимъ рѣшеніемъ дверь не только пересмотрамъ третейскихъ рѣшеній, но и апелляціямъ на нихъ, которыхъ такъ старались избѣжать гаагскія конференціи

Въ противность Сселю германскій ученый Вебергъ [4]) находитъ, что гаагскій третейскій судъ по дѣлу Ориноко не съузилъ, а расширилъ понятіе пересмотра, признавъ, какъ мотивъ ревизіи, явно неправильное рѣшеніе юридическихъ вопросовъ. Съ этимъ мнѣніемъ Веберга нельзя однако согласиться, такъ какъ гаагскій судъ подводитъ эти неправильности подъ превышеніе власти. Вообще, оцѣнка рѣшенія гаагскаго суда по дѣлу Ориноко, сдѣланная Сселемъ, намъ кажется правильною. Тѣмъ не менѣе, все это дѣло свидѣтельствуетъ о поворотѣ международно-правового сознанія нѣкоторыхъ народовъ въ пользу пересмотра третейскихъ рѣшеній не только въ тѣхъ тѣс-

---

[1]) Protocoles p. 58.
[2]) Protocoles p 59.
[3]) Scelle l. c. p.p. 190—202.
[4]) L. c p. 148.

ныхъ предѣлахъ, которые поставлены 83 статьею гаагской конференціи 1907 года. Компромиссъ 13 февраля 1909 года призналъ поводами къ пересмотру, какъ превышеніе власти, такъ и существенную ошибку суда. Третейское рѣшеніе 25 октября 1910 г., несмотря на нѣкоторую его шероховатость, точно также является доказательствомъ нарожденія новаго теченія въ международной юриспруденціи, теченія, ставящаго интересы права выше интересовъ мира во что бы-то ни стало. Съ этой точки зрѣнія первое рѣшеніе о пересмотрѣ международнаго третейскаго рѣшенія, исходящее отъ международной же третейской инстанціи, заслуживаетъ полнаго вниманія.

§ 5.

О пересмотрѣ третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года.

Сдѣланный нами краткій обзоръ положенія вопроса о пересмотрѣ въ наукѣ международнаго права и въ междугосударственной практикѣ привелъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Гаагская конвенція 1907 года, являющаяся главнымъ источникомъ положительнаго международнаго права въ данной области, исключаетъ апелляцію (ст. 81) и допускаетъ только одинъ видъ пересмотра, а именно такъ называемое возобновленіе дѣла при обнаруженіи «новаго обстоятельства», да и этотъ видъ допускаетъ не «de jure», а лишь въ случаѣ спеціальнаго уговора о томъ сторонъ (ст. 83). Во время преній было спеціально указано, что подъ понятіе новаго обстоятельства отнюдь нельзя подводить открытіе ошибокъ судей. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что гаагская конвенція не знаетъ ни пересмотра по существу (апелляціи), ни пересмотра за нарушеніе нормъ международнаго права (кассаціи).

Но тотъ фактъ, что гаагская конференція не установила кассаціонной инстанціи, еще не опредѣляетъ ея отношенія къ дѣйствительности нѣкоторыхъ третейскихъ рѣшеній. Правда, конференція 1899 года отказалась обсуждать первоначальный русскій проектъ, предлагавшій признать ничтожность рѣшенія въ случаяхъ ничтожности компромисса, подкупа судей и превышенія ими своей власти. Намъ думается однако, что мотивомъ, заставившимъ комитетъ третьей комиссіи перейти къ обсужденію американскаго проекта, послужило не желаніе считать дѣйствительными подобныя рѣшенія, а сознаніе невозможности образовать особую кассаціонную инстанцію для постановленія приговора о ничтожности [1]). Дѣйствительно, разъ нѣтъ особой международной кассаціонной инстанціи, а пересмотръ производится судомъ, постановившимъ первоначальное рѣшеніе, то невозможно предлагать этому

[1]) Ср. слова Asser'a въ 10-омъ засѣданіи Comité d'Examen.

суду высказаться по поводу превышенія имъ своихъ полномочій, допущенныхъ имъ ошибокъ, или нареканій на одного изъ его членовъ [1]). Поэтому мы приходимъ къ выводу, что гаагская конференція не высказалась по вопросу о ничтожности третейскаго рѣшенія въ извѣстныхъ случаяхъ. Она не создала для опредѣленія такихъ случаевъ компетентнаго судилища. Но и только. Вопроса о ничтожности третейскихъ рѣшеній гаагская конференція не коснулась. И за отвѣтомъ мы должны поэтому обратиться къ другимъ источникамъ международнаго права.

Какъ мы видѣли, нѣкоторыя международныя конвенціи о постоянномъ третейскомъ разбирательствѣ допускаютъ пересмотръ въ случаѣ открытія подлога документа и фактической ошибки, вытекающей изъ документовъ дѣла. Подлогъ подходитъ, конечно, подъ «новое обстоятельство» гаагской конвенціи; допущеніемъ же фактической ошибки суда, какъ повода къ отмѣнѣ рѣшенія, вводится апелляціонное обжалованіе. Англо-американскій договоръ 1897 года вводитъ даже въ болѣе важныхъ случаяхъ обжалованіе всѣхъ рѣшеній, постановленныхъ не единогласно.

Изъ междугосударственной практики можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ государства считали возможнымъ отказываться отъ исполненія третейскихъ рѣшеній, несмотря на то, что въ компромиссахъ этимъ рѣшеніямъ было присвоено значеніе окончательныхъ. (Дѣла: между Англіей и Соединенными Штатами 1827 года; между Соединенными Штатами и Мексикою 1875 года; между Соединенными Штатами и Гаити 1885 г.; между Италіею и Колумбіею 1895 г.; между Перу и Боливіею 1909 г.; между Соединенными Штатами и Венецуэлой 1904—1910 года). Въ двухъ случаяхъ отказъ подчиниться рѣшенію исходилъ отъ государства, выигравшаго процессъ (Соединенныхъ Штатовъ въ дѣлахъ съ Мексикою и Гаити). Поводами къ признанію рѣшенія ничтожнымъ служили: превышеніе третейскимъ судомъ власти, предоставленной ему компромиссомъ (въ дѣлахъ: между Англіей и Соединенными Штатами 1827 года; между Италіею и Колумбіею 1895 года; между Боливіей и Перу 1909 года; между Соединенными Штатами и Венецуэлой 1904—1910 годовъ); обнаруженіе подлоговъ или лжесвидѣтельствъ (въ дѣлѣ между Соединенными Штатами и Мексикою 1868 года); существенныя ошибки суда (въ дѣлѣ 1904—1910 г. между Соединенными Штатами и Венецуэлой) наряду съ превышеніемъ власти; неправильное истолкованіе международнаго права (въ дѣлѣ между Соединенными Штатами и Гаити 1885 года).

Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаяхъ государства улаживали споръ непосредственными переговорами (напр. Англія и Соеди-

---

[1]) Ср. Corsi въ Revue Générale de Droit International Public 1899 p. 26.

ненные Штаты въ 1827 году); въ одномъ—третейское рѣшеніе было пересмотрѣно національнымъ судомъ выигравшей стороны (Соединенные Штаты и Мексика); а третейское рѣшеніе по дѣлу «Orinoco Steamship Company» между Соединенными Штатами и Венецуэлой было пересмотрѣно второй международной инстанціею.

Приведенныхъ примѣровъ, какъ намъ кажется, достаточно для доказательства существованія международнаго обычнаго права, провозглашающаго ничтожность третейскихъ рѣшеній, постановленныхъ: 1) на основаніи подлоговъ или лжесвидѣтельствъ и 2) съ превышеніемъ власти. Что касается случая подлоговъ, то на гаагской конференціи было выяснено, что онъ подходитъ подъ понятіе новаго факта; другими словами, обычай сходится съ гаагской конвенціею. Что же касается превышенія власти, то, какъ уже было указано, гаагская конференція по этому вопросу не высказалась. Мы не находимъ, поэтому, и въ данномъ случаѣ противорѣчій между «гаагскимъ правомъ» и все яснѣе обрисовывающимся международнымъ обычаемъ, въ силу котораго третейскія рѣшенія, постановленныя съ превышеніемъ власти, ничтожны.

Значеніе приведенныхъ нами примѣровъ усиливается благодаря отношенію къ вопросу о пересмотрѣ науки международнаго права. Какъ мы видѣли, почти всѣ выдающіеся ученые до гаагскихъ конференцій стояли за ничтожность третейскихъ рѣшеній въ извѣстныхъ случаяхъ. Институтъ международнаго права, который ставитъ себѣ цѣлью «выражать юридическую совѣсть цивилизованнаго міра» [1]), призналъ четыре повода для признанія рѣшенія ничтожнымъ: ничтожность компромисса, превышеніе власти, подкупъ судей и существенную ошибку. Отрицательное отношеніе къ пересмотру, проявленное гаагскими конференціями, вызвало критику большинства ученыхъ международниковъ. Такимъ образомъ, мы можемъ констатировать совпаденіе международнаго интуитивнаго права (подъ которымъ мы разумѣемъ согласныя убѣжденія почти всѣхъ международниковъ) съ вышеприведенными междугосударственными прецедентами, устанавливающими ничтожность третейскихъ рѣшеній въ случаяхъ подлоговъ и превышенія власти.

Институтъ международнаго права считаетъ, кромѣ того, поводомъ къ признанію ничтожности рѣшенія существенную ошибку суда (erreur essentielle). Здѣсь нужно различать фактическія ошибки третейскаго суда отъ юридическихъ. Что касается фактическихъ ошибокъ, то вышеприведенные международные договоры свидѣтельствуютъ о нарождающемся обычномъ правѣ, допускающемъ

[1]) Article Premier des Statuts de l'Institut de Droit International de 1910: «... Il a pour but de favoriser le progrès du droit international: 1° En travaillant à formuler les principes généraux de la science de manière à répondre à la conscience juridique du monde civilisé».

апелляціонный пересмотръ третейскихъ рѣшеній. Эти частные договоры, предусмотрѣнные 51-ою статьею гаагской конвенціи [1]), не освобождаютъ, конечно, контрагентовъ отъ соблюденія по отношенію къ другимъ участникамъ конвенціи 81-ой статьи ея, не допускающей апелляціи. Что же касается признанія ничтожности третейскихъ рѣшеній на основаніи допущенной судомъ юридической ошибки, другими словами, кассаціи третейскихъ рѣшеній, то мы находимъ только два прецедента: 1) Соединенные Штаты въ 1885 году признали ничтожнымъ постановленное въ ихъ пользу третейское рѣшеніе противъ Гаити, найдя, что арбитръ неправильно истолковалъ международное право.—2) Въ компромиссѣ 1909 г. между Соединенными Штатами и Венецуэлой гаагскому суду было предоставлено признать ничтожность рѣшенія судьи Barge, какъ въ случаѣ обнаруженія превышенія имъ власти, такъ и въ случаѣ обнаруженія «существенной ошибки въ сужденіи», безъ указанія на фактическій или юридическій ея характеръ (erreur essentielle dans le jugement). Правда, гаагскій судъ предпочелъ мотивировать отмѣну рѣшенія г-на Barge однимъ превышеніемъ власти, и высказался весьма недвусмысленно противъ отмѣны третейскихъ рѣшеній по поводу ошибочности сужденія (du chef d'appréciation erronée). Несмотря на такое рѣшеніе гаагскаго суда, компромиссъ 1909 года, а равно и поведеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1885 году даютъ намъ право говорить, если не объ образованіи международнаго обычая, то о возникновеніи международнаго прецедентнаго права [2]) въ пользу признанія ничтожными третейскихъ рѣшеній, содержащихъ существенныя юридическія ошибки, т. е. въ пользу кассаціи.

Обратимся теперь къ третейскому рѣшенію 11 ноября 1912 года по русско-турецкому спору.

10 статья русско-турецкаго компромисса 22 іюля/4 августа 1910 г. гласитъ: «Рѣшеніе третейскаго суда окончательно и должно быть исполнено въ точности, и безъ замедленія» [3]). Терминъ «окончательно» означаетъ, какъ и въ 81-ой статьѣ гаагской конвенціи 1907 года, что рѣшеніе разрѣшаетъ споръ безапелляціонно. 10-ая статья компромисса совершенно не касается, такимъ образомъ, вопроса о ничтожности рѣшенія въ томъ или иномъ случаѣ и о возможности его пересмотра. Не касаются этого вопроса и другія статьи. А такъ какъ 12-ая статья компромисса, относительно всего, что не было предусмотрѣно сторонами, отсылаетъ къ гаагской конвенціи

[1]) «En vue de favoriser le développement de l'arbitrage les Puissances contractantes ont arrêté les règles suivantes qui sont applicables à la procédure arbitrale, en tant que les Parties ne sont pas convenues d'autres règles».

[2]) Ср. Петражицкій II стр. 607—609.

[3]) Art. 10: «Le jugement du Tribunal Arbitral sera définitif, et devra être exécuté strictement et sans aucun retard».

1907 года, то вопросъ о возможности пересмотра третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года долженъ быть рѣшенъ по тексту и духу этого международнаго соглашенія.

Въ силу 83 статьи гаагской конвенціи, пересмотръ рѣшенія 11 ноября 1912 года по поводу обнаруженія новаго обстоятельства исключенъ, какъ непредусмотрѣнный въ компромиссѣ. Что касается признанія ничтожности рѣшенія по другимъ основаніямъ, то, за молчаніемъ и компромисса, и конвенціи, мы должны, какъ уже выше указано, рѣшить вопросъ по международному обычному праву, признающему ничтожность рѣшенія, основаннаго на подложныхъ актахъ и лжесвидѣтельствѣ, или постановленнаго съ превышеніемъ власти. Оба эти признака въ рѣшеніи 11 ноября 1912 года, разумѣется, отсутствуютъ. Третейское рѣшеніе это грѣшитъ, за то, на нашъ взглядъ, примѣненіемъ внутренняго гражданскаго права вмѣсто нормъ права международнаго. Другими словами, третейскій судъ по русско-турецкому спору допустилъ юридическую «существенную ошибку» (erreur essentielle).

Намъ удалось установить только два прецедента въ пользу кассаціи международныхъ третейскихъ рѣшеній. Мы не можемъ, поэтому, требовать отмѣны третейскаго рѣшенія 11 ноября 1912 года съ точки зрѣнія положительнаго международнаго права. Но мы можемъ, за то, утверждать, что пересмотръ упомянутаго рѣшенія по поводу неправильнаго толкованія международнаго права отвѣчалъ бы интуитивнымъ правовымъ убѣжденіямъ большинства ученыхъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ извѣстной резолюціи института международнаго права Это интуитивное международное право ведетъ по вопросу о пересмотрѣ борьбу съ положительнымъ правомъ [1]), а упомянутые выше два прецедента свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ успѣхѣ этой борьбы. Пересмотръ рѣшенія 11 ноября 1912 года явился бы, такимъ образомъ, не первымъ отступленіемъ отъ положительнаго международнаго права, а новымъ прецедентомъ на пути измѣненія гаагскихъ постановленій о пересмотрѣ въ духѣ требованій интуитивнаго права большинства представителей науки.

Разумѣется, такой пересмотръ могъ бы имѣть мѣсто лишь на основаніи добровольнаго заключенія новаго компромисса между Россіею и Турціею, которымъ эти державы, подражая примѣру Соединенныхъ Штатовъ и Венецуэлы въ дѣлѣ «Ориноко», передали бы на обсужденіе новаго третейскаго суда вопросъ о дѣйствительности или ничтожности рѣшенія 11 ноября 1912 года. Заключеніе такого компромисса предполагало бы, конечно, у обоихъ правительствъ сомнѣніе въ юридической правильности постановленнаго рѣшенія и убѣжденіе въ томъ, что неправильное толкованіе судомъ

---

[1]) О борьбѣ положительнаго права съ интуитивнымъ см. интересныя замѣчанія Петражицкаго II стр. 493—504.

международнаго права является международнымъ кассаціоннымъ поводомъ. Выигравшая процессъ 1912 года сторона, Турція, могла бы кромѣ того вспомнить, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты дважды признали ничтожность третейскаго рѣшенія, постановленнаго въ ихъ пользу. Взятіе на себя почина въ вопросѣ о пересмотрѣ оттоманскимъ правительствомъ послужило бы, конечно, къ большой его чести и явилось бы самымъ изящнымъ выходомъ изъ положенія, которое, на нашъ личный взглядъ, не представляется удовлетворительнымъ. «Nothing is settled, until it is settled right», повторимъ и мы глубоко вѣрныя слова Линкольна. А разъ возникаетъ сомнѣніе въ юридической правильности международнаго третейскаго рѣшенія, то международная совѣсть требуетъ его провѣрки въ кассаціонномъ порядкѣ.

VIII.

Пожеланія.

Въ заключеніе, и какъ результатъ нашего ислѣдованія, мы позволяемъ себѣ выразить нѣсколько пожеланій касательно дополненія и измѣненія нѣкоторыхъ статей «гаагской конвенціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній» 1907 года. Пожеланія эти вызваны сочувствіемъ дальнѣйшему укрѣпленію начала обязательнаго третейскаго разбирательства въ международныхъ отношеніяхъ [1]).

Какъ извѣстно, державамъ не удалось до сихъ поръ заключить всемірную конвенцію объ обязательномъ третейскомъ разбирательствѣ, хотя на второй гаагской конференціи за проектъ такой конвенціи и высказалось огромное большинство государствъ. Въ рамки этой статьи не можетъ, конечно, входить обсужденіе этого мірового вопроса въ его совокупности Наша цѣль—обратить вниманіе сторонниковъ обязательнаго арбитража на нѣкоторые недочеты гаагской конвенціи «о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній» 1907 года, устраненіе которыхъ могло бы, до извѣстной степени, измѣнить настроеніе круговъ, основывающихъ свое противодѣйствіе обязательному арбитражу на соображеніяхъ не столько политическаго, сколько юридическаго свойства.

1.

Примѣняемое право.

Гаагская конвенція 1907 года «о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній» подробно регулируетъ порядокъ третейскаго разбирательства (la procédure arbitrale), но не содержитъ никакихъ поста-

[1]) Мы выражаемъ эти пожеланія въ общей формѣ, такъ какъ предложеніе и обоснованіе подробныхъ проектовъ увлекло бы насъ далеко за предѣлы этой статьи.

новленій относительно примѣняемаго третейскимъ судомъ матеріальнаго права Такихъ постановленій мы не находимъ также въ «проектѣ конвенціи объ учрежденіи судебной третейской палаты», рекомендованномъ гаагской конференціей державъ.

Зато 7-ая статья гаагской конвенціи 1907 года «объ учрежденіи международной призовой палаты» гласитъ:

«Если вопросъ права, подлежащій рѣшенію, предусмотрѣнъ конвенціей, дѣйствующей между воюющимъ взятелемъ и державою, которая сама является стороною въ спорѣ, или которой подданный является стороною въ спорѣ, то палата примѣняетъ постановленія сказанной конвенціи.

При отсутствіи такихъ постановленій, палата примѣняетъ правила международнаго права. Если общепризнанныхъ правилъ нѣтъ, то палата рѣшаетъ на основаніи общихъ началъ права и справедливости. Вышеприведенныя правила примѣнимы и въ отношеніи порядка доказыванія и средствъ защиты, къ которымъ можно обращаться.

Если согласно статьѣ 3—2°с, обжалованіе основано на нарушеніи законодательнаго постановленія, изданнаго воюющимъ взятелемъ, палата примѣняетъ это постановленіе.

Палата можетъ не считаться съ постановленіями о процессуальной давности, установленными законодательствомъ воюющаго взятеля, въ случаѣ, если она полагаетъ, что ихъ послѣдствія противны праву и справедливости» [1]).

Приходится сожалѣть, что конвенція «о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній» не содержитъ постановленія, подобнаго 7 статьѣ конвенціи о призовой палатѣ. Надо думать, что составители первой конвенціи считали спеціальное упоминаніе о примѣняемомъ правѣ совершенно излишнимъ, полагая, что международный судъ можетъ примѣнять только международное право. Примѣръ рѣшенія 11 Ноября 1912 года по русско-турецкому спору доказалъ намъ однако, что составители конвенціи о призовой палатѣ были предусмотритель-

---

[1]) Переводъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Article 7. Si la question de droit à résoudre est prévue par une Convention en vigueur entre le belligérant capteur et la Puissance qui est elle-méme partie au litige ou dont le ressortissant est partie au litige, la Cour se conforme aux stipulations de ladite Convention.

A défaut de telles stipulations, la Cour applique les règles du droit international. Si des règles généralement reconnues n'existent pas, la Cour statue d'après les principes généraux de la justice et de l'équité.

Les dispositions ci-dessus sont également applicables en ce qui concerne l'ordre des preuves ainsi que les moyens qui peuvent être employés.

Si, conformément à l'article 3—2° c, le recours est fondé sur la violation d'une disposition légale édictée par le belligérant capteur, la Cour applique cette disposition.

La Cour peut ne pas tenir compte des déchéances de procédure édictées par la législation du belligérant capteur, dans les cas où elle estime que les conséquences en sont contraires à la justice et à l'équité.

нѣе. Хотя упомянутый третейскій судъ самъ провозгласилъ, что предложенный на его сужденіе споръ долженъ быть разрѣшенъ по началамъ публичнаго международнаго права, но въ дѣйствительности онъ основалъ свое рѣшеніе не на этихъ началахъ, а на различныхъ государственныхъ законахъ частноправоваго характера, примѣненныхъ имъ по аналогіи, во имя требованій справедливости. Между тѣмъ, стороны, отдавая свой споръ на рѣшеніе международнаго суда, намѣревались, очевидно, разрѣшить его согласно велѣніямъ международнаго права, а отнюдь не согласно постановленіямъ того или другого законодательства, по усмотрѣнію третейскаго суда.

Мы считаемъ, поэтому, настоятельно необходимымъ, чтобы на третьей гаагской конференціи въ конвенцію о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній была введена статья о примѣняемомъ третейскимъ судомъ правѣ. При этомъ источники положительнаго международнаго права, должны быть указаны въ порядкѣ, принятомъ 7-ой статьею конвенціи о международной призовой палатѣ, т. е. судъ долженъ прежде всего руководствоваться договорами, связывающими стороны, а, при отсутствіи ихъ, «правилами международнаго права». Во избѣжаніе однако, всякихъ недоразумѣній, эти правила нужно опредѣлить точнѣе, указавъ, что подъ ними разумѣются международное обычное право и практика международныхъ трибуналовъ. Государственные законы международнаго характера могутъ служить третейскому суду средствомъ познанія обычнаго международнаго права, но сами по себѣ не являются источниками международнаго права. Законы же частнаго характера не могутъ служить даже средствомъ познанія международнаго права, такъ какъ не расчитаны на отношенія между государствами. Поэтому, при отсутствіи общепризнанныхъ правилъ положительнаго международнаго права, третейскій судъ отнюдь не долженъ примѣнять по аналогіи нормы того или другого права, а руководствоваться, какъ то предписываетъ 7-ая статья конвенціи о призовой палатѣ, «общими началами права и справедливости», другими словами, международнымъ интуитивнымъ правомъ.

Внесеніе статьи такого содержанія сдѣлало бы, конечно, невозможнымъ постановленіе международными судами рѣшеній, основанныхъ на началахъ частнаго права.

2.

Пересмотръ международныхъ третейскихъ рѣшеній.

81-ая статья гаагской конвенціи 1907 года «о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній» исключаетъ обжалованіе третейскихъ рѣшеній въ апелляціонномъ порядкѣ, а 83-ья статья допускаетъ возобновленіе рѣшеннаго дѣла въ случаѣ открытія новыхъ обстоятельствъ,

если такой пересмотръ былъ предусмотрѣнъ сторонами въ компромиссѣ.

Мы высказываемъ слѣдующія положенія:

1. Возобновленіе дѣла, въ случаѣ обнаруженія новаго обстоятельства, должно имѣть мѣсто, по иниціативѣ той или другой стороны, хотя бы компромиссъ не содержалъ особаго постановлснія относительно пересмотра. Просьба о возобновленіи дѣла должна быть принесена суду, постановившему первый приговоръ.

2. Третейское рѣшеніе можетъ быть предметомъ кассаціоннаго обжалованія. Оно отмѣняется:

а) въ случаѣ нарушенія матеріальныхъ нормъ международнаго права,

б) въ случаѣ нарушенія процессуальныхъ нормъ международнаго права,

в) въ случаѣ нарушенія третейскимъ судомъ предѣловъ власти, предоставленныхъ ему третейскою записью.

До учрежденія особой международной кассаціонной инстанціи, кассаціонныя жалобы на третейскія рѣшенія должны приноситься новому третейскому суду, заранѣе учрежденному сторонами въ компромиссѣ, которымъ онѣ передали свой споръ на третейское разбирательство.

Что же касается обжалованія третейскихъ рѣшеній въ апелляціонномъ порядкѣ, то мы не являемся его сторонниками, несмотря на зачатки обычнаго права въ смыслѣ его допущенія. Намъ кажется, что доводы, проводившіеся на гаагскихъ конференціяхъ противъ пересмотра вообще, неубѣдительны, поскольку имѣютъ въ виду кассацію, но оправдываютъ отклоненіе апелляціи. Международная совѣсть не можетъ мириться съ «окончательнымъ» характеромъ третейскихъ рѣшеній, постановленныхъ съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ международнаго права. Но эта совѣсть не требуетъ пересмотра по существу дѣла, рѣшеннаго третейскимъ судомъ, новыми третейскими судьями, не предстивляющими большихъ гарантій знанія и безпристрастія, чѣмъ первые Вопросъ объ апелляціи можетъ быть поднятъ лишь послѣ учрежденія постоянной третейской судебной палаты.

3.

Выраженіе мнѣній меньшинства [1]).

Въ теченіе періода, предшествующаго гаагскимъ конференціямъ, несогласіе меньшинства третейскаго суда съ рѣшеніемъ или отказъ подписать его заносились обыкновенно въ протоколъ. Такъ, въ Алабамскомъ дѣлѣ (1872) англійскій арбитъ Sir Cockburn отказался подписать рѣшеніе и вмѣсто того представилъ особое мнѣніе, которое

[1]) Wehberg l. c p.p. 137—139

было пріобщено къ дѣлу [1]). Рѣшеніе третейскаго суда по англо-чилійскому спору отъ 25 сентября 1895 г. содержитъ указаніе, что оно постановлено большинствомъ голосовъ противъ голоса англійскаго судьи [2]). 52-ая статья первой гаагской конвенціи «о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній» 1899 года гласила, что третейское рѣшеніе, постановляемое по большинству голосовъ, подписывается всѣми членами суда, причемъ оставшіеся въ меньшинствѣ члены имѣютъ право оговорить свое несогласіе [3]). А 51-ая статья установляла, что отказъ члена суда принять участіе въ голосованіи долженъ быть отмѣченъ въ протоколѣ [4]).

Согласно съ этими прецедентами и постановленіями поступилъ въ 1905 году японскій арбитръ Мотоно, одинъ изъ третейскихъ судей въ спорѣ между Англіею, Франціею и Германіею, съ одной стороны, и Японіею, съ другой. Г. Мотоно подписалъ рѣшеніе, но тутъ же констатировалъ свое полное съ нимъ несогласіе [5]).

Вторая гаагская конференція измѣнила постановленія Первой по данному вопросу. Голландскій делегатъ Loeff предложилъ лишить членовъ меньшинства права оговаривать свое несогласіе при подписаніи рѣшенія. По мнѣнію Loeff'a, такое право подрываетъ авторитетъ третейскаго рѣшенія, даетъ поводъ къ новымъ спорамъ и поэтому не соотвѣтствуетъ самой идеѣ третейскаго судоговоренія. Comité d'examen согласился съ этими положеніями, причемъ постановилъ, что рѣшеніе должно подписываться отнынѣ однимъ предсѣдателемъ и секретаремъ суда, и отмѣнилъ правило о занесеніи въ протоколъ отказа отъ участія въ голосованіи. Въ результатѣ гаагская конвенція 1907 года содержитъ слѣдующія двѣ статьи.

---

[1]) Mérignhac, Traité de l'arbitrage International 1895 p. 89.

[2]) Lafontaine, Pasicrisie p. 456.

[3]) Article 52.

La sentence arbitrale, votée à la majorité des voix, est motivée. Elle est rédigée par écrit et signée par chacun des membres du Tribunal.

Ceux des membres qui sont restés en minorité peuvent constater, en signant, leur dissentiment.

[4]) Art. 51: Les délibérations du Tribunal ont lieu à huis clos.

Toute décision est prise à la majorité des membres du Tribunal.

Le refus d'un membre de prendre part au vote doit être constaté dans le procès verbal.

[5]) «Au moment de procéder à la signature de la présente sentence arbitrale, usant de la faculté que me confère l'article 52, alinéa 2, de la Convention pour le règlement pacifique des conflits internationaux, conclue à La Haye le 29 juillet 1899, je tiens à constater mon dissentiment absolu avec la majorité du Tribunal, en ce qui concerne les motifs comme le dispositif de la Sentence» (signé) J. Motono. Voir «Recueil des actes et protocoles concernant le litige entre l'Allemagne, la France et la Grande Bretagne d'une part et le Japon d'autre part». La Haye 1905 p. 49.

Статья 78.

Совѣщанія суда происходятъ при закрытыхъ дверяхъ и остаются секретными. Всякое рѣшеніе постановляется по большинству голосовъ членовъ.

Статья 79.

Третейское рѣшеніе должно быть мотивировано. Оно перечисляетъ имена судей; оно подписывается предсѣдателемъ и дѣлопроизводителемъ или секретаремъ, исполняющимъ обязанности дѣлопроизводителя [1]).

Согласно съ этими новыми правилами, третейскія рѣшенія, постановленныя гаагскимъ третейскимъ судомъ послѣ второй конференціи, подписаны предсѣдателемъ и секретаремъ и не отмѣчаютъ, были ли они приняты единогласно, или по большинству голосовъ [2]). Единственное исключеніе составляетъ рѣшеніе гаагскаго суда отъ 7 сентября 1910 года по дѣлу между Англіею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами (North Atlantic Coast Fisheries). IX статья компромисса 27 января 1909 года постановляла, что рѣшеніе должно быть подписано всѣми членами суда, которымъ предоставляла вмѣстѣ съ тѣмъ право оговорить свое несогласіе съ рѣшеніемъ [3]). Одинъ изъ членовъ суда, знаменитый аргентинскій юристъ Луи Драго, воспользовался этимъ правомъ и сдѣлалъ заявленіе о своемъ несогласіи съ однимъ пунктомъ рѣшенія; это заявленіе помѣщено вслѣдъ зъ его подписью; поданное имъ, сверхъ того, пространное особое мнѣніе приложено къ рѣшенію суда [4]).

На нашъ взглядъ, постановленія первой гаагской конференціи по излагаемому вопросу заслуживаютъ предпочтенія передъ нововведеніями 1907 года. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Bustamente [5]),

---

[1]) Art. 78: Les délibérations du Tribunal ont lieu à huis clos et restent secrètes.

Toute décision est prise à la majorité de ses membres.

Art. 79: La sentence arbitrale est motivée. Elle mentionne les noms des arbitres;elle est signée par le Président et par le greffier, ou le Secrétaire faisant fonctions de greffier.

[2]) См. рѣшенія гаагскаго суда: 22 мая 1909 года по дѣлу Казабланкскихъ дезертировъ между Германіею и Франціею; 23 октября 1909 года по спору о морской границѣ между Норвегіей и Швеціею; 24 февраля 1911 года по дѣлу Саваркара между Англіей и Франціею; 3 мая 1912 года по дѣлу Каневаро между Италіею и Перу; 6 мая 1912 года по дѣламъ «Carthage» и «Manouba» между Италіей и Франціею.

[3]) Art. IX § 9: It (the decision) shall be made in writing, and dated and signed by each member of the Tribunal, and shall be accompanied by a statement of reasons. § 3. A member who may dissent from the decision may record his dissent when signing.

[4]) Заявленіе Drago: «Signing the Award, I state pursuant to Article IX clause 2 of the Special Agreement my dissent from the majority of the Tribunal in respect to the considerations and enacting part of the Award as to Question V. Grounds for this dissent have been filed at the International Bureau of the Permanent Court of Arbitration. Luis M. Drago». (См. изданіе гаагскаго суда по этому дѣлу стр. 144).

[5]) Bustamente, La seconde Conférence de la Paix 1909 p. 226.

что авторитету международныхъ третейскихъ рѣшеній не грозитъ никакая опасность отъ предоставленія меньшинству суда права выражать свою точку зрѣнія, расходящуюся съ мнѣніемъ большинства; наоборотъ, какъ замѣчаетъ названный авторъ, осуществленіе этого права можетъ до извѣстной степени ослабить ударъ, наносимый рѣшеніемъ національному самолюбію государства, проигравшаго процессъ. Точно также нельзя не согласиться съ Bustamente въ томъ, что при порядкахъ, введенныхъ второю гаагскою конференціею, третейскій судья, несогласный съ мнѣніемъ большинства, попадаетъ въ весьма неловкое положеніе; при анонимномъ характерѣ рѣшенія, votумъ его остается неизвѣстнымъ, и онъ можетъ подвергаться совершенно неосновательнымъ обвиненіямъ въ непониманіи интересовъ своей родины; избавиться же отъ этого упрека третейскій судья можетъ лишь путемъ разглашенія тайны совѣщанія. Поэтому Bustamente совѣтуетъ вернуться къ справедливой и либеральной системѣ 1899 года, при которой никто не долженъ отвѣчать за чужія мнѣнія и дѣйствія; настоящее правосудіе немыслимо безъ сознанія судьями свой личной отвѣтственности [1]).

VI пунктъ процессуальныхъ правилъ, выработанныхъ гаагскимъ судомъ по русско-турецкому спору 15 февраля 1911 года, гласилъ:

«Согласно 79-й статьѣ гаагской конвенціи 1907 года, рѣшеніе будетъ подписано предсѣдателемъ и генеральнымъ секретаремъ суда.

Совѣщанія суда, предусмотрѣнныя 78-й статьею названной конвенціи, не заносятся въ протоколъ» [2]).

---

[1]) «Dans la vie internationale les sentences arbitrales dictées par une majorité que l'on connaît, avec le vote également connu d'une minorité quelconque, loin de diminuer l'autorité de l'arbitrage ou le caractère obligatoire de la sentence, ont contribué à éviter des blessures profondes d'amour propre national, et à favoriser l'exécution des jugements.

D'autre part, la situation d'un homme éminent qui accepte la charge honorable de faire partie d'un tribunal arbitral devient fort désagréable en présence d'une sentence qu'il réprouve, s'il ne lui reste ni le droit de justifier son vote, ni celui de faire savoir son opinion. On le met dans l'alternative ou de rompre le secret des délibérations et de manquer à son devoir, ou de passer pour contraire à des intérêts peut-être vitaux de son propre pays, puisque son vote disparaît dans l'unanimité fictive d'une sentence acceptée par la majorité seulement.

La pratique future obligera à revenir ici sur ses pas, à reprendre le système libéral et juste de 1899. Personne ainsi n'aura à prendre à sa charge des actes et des opinions étrangères; dans la vie internationale, ainsi qu'il doit en être dans la vie interne, la conscience individuelle ne pourra se réfugier dans la résolution anonyme d'un groupe indéterminé. Il n'y a pas de vraie justice sans le sentiment et l'affirmation de la responsabilité individuelle des juges, et pour arriver à ce résultat, il est évident qu'on a pris la mauvais chemin». (Bustamente, l. c. p. 226).

[2]) «Conformément à l'article 79 de la Convention de La Haye de 1907, la Sentence sera signée par le Président et par le Secrétaire Général du Tribunal.

Les délibérations du Tribunal visées à l'article 78 de la dite Convention ne seront pas consignées dans des procès-verbaux (Protocoles des Séances etc. p. 21).

Такимъ образомъ, стороны особымъ соглашеніемъ подтвердили постановленія второй гаагской конференціи, и рѣшеніе 11 ноября 1812 года получило «анонимный» характеръ.

Наше пожеланіе по данному вопросу заключается въ возвращеніи къ постановленіямъ первой гаагской конференціи 1899 года, какъ болѣе соотвѣтствующимъ достоинству международной юстиціи.

4.

Учрежденіе постоянной третейской палаты.

Третейское рѣшеніе 11 ноября 1912 года является показателемъ своевременности пожеланія, высказаннаго второй конференціею мира относительно учрежденія судебной третейской палаты. Только такая, постояннная, въ настоящемъ смыслѣ слова, палата будетъ «способна обезпечить послѣдовательность третейской судебной практики» (la continuité de la jurisprudence arbitrale) [1]).

Какъ мы видѣли, рѣшеніе 11 Ноября 1912 года основано на началахъ, заимствованныхъ изъ мѣстныхъ законодательствъ. Между тѣмъ, третейскій судъ по дѣлу «Fonds pieux de Californie» между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Мексикою 14 октября 1902 года рѣшилъ, что правила о давности не примѣнимы къ международному спору, такъ какъ относятся къ области гражданскаго права; а третейскій судъ по дѣлу «Orinoco» между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Венецуэлой, 25 октября 1910 года постановилъ, что правило объ извѣщеніи должника о цессіи требованія есть норма мѣстнаго законодательства и не можетъ считаться началомъ абсолютной справедливости. Можно думать, что, если эти два рѣшенія исходили бы не отъ случайныхъ третейскихъ судовъ, а отъ постоянной третейской судебной палаты, и той же палатѣ пришлось бы произнести приговоръ по русско-турецкому спору 1912 года, послѣдній былъ бы рѣшенъ въ духѣ вышеуказанныхъ судебныхъ прецедентовъ.

Будучи сторонниками кассаціи третейскихъ рѣшеній въ извѣстныхъ случаяхъ, мы высказываемъ, наконецъ, пожеланіе объ учрежденіи не только постоянной третейской судебной палаты, но и третейской кассаціонной инстанціи.

---

[1]) Art. 1 du «Projet d'une Convention relative à l'établissement d'une Cour de Justice Arbitrale».

5.

Починъ Россіи.

По нашему глубокому убѣжденію, дополненіе гаагской конвенціи 1907 года постановленіями въ духѣ вышеизложенныхъ пожеланій можетъ въ значительной степени содѣйствовать торжеству начала обязательнаго третейскаго разбирательства, хотя бы въ извѣстныхъ предѣлахъ. Наше послѣднее пожеланіе заключается, поэтому, въ томъ, чтобы Россія, занявшая на обѣихъ мирныхъ конференціяхъ положеніе убѣжденной сторонницы начала обязательнаго арбитража, взяла на себя на III-ей конференціи починъ въ дѣлѣ исправленія недочетовъ международнаго судопроизводства, обнаруженныхъ во время послѣдняго русско-турецкаго спора.

Отд. отт. изъ «Извѣстій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ». Книги II и III 1914 г.

Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Фин., на Дворц. площ.